

ОТ АВТОРА

Прошло уже много лет с тех пор, когда кончилась последняя война последней империи мира — никому не нужная война в Афганистане.

Один за другим умирают или трагически погибают мои друзья, с которыми я вместе воевал. Все меньше остается живых участников тех далеких событий...

Обновленная Россия ведет новую войну, и опять армия и правительство противостоят целому народу.

Война с партизанами — самая тяжелая и самая «грязная», она имеет тенденцию, постепенно перерастать в агрессию против всей нации, от мала до велика. Достаточно вспомнить, что в 1980 году в Афганистане действовало около 20 тысяч моджахедов (душманов), а в 1987 году их было уже порядка 300 тысяч. Грустная статистика...

Книга выходит в свет, когда нет больше цензуры советского времени, поэтому автор имеет возможность изобразить войну такой, какой ее увидел молодой пехотный лейтенант, без прикрас и ложного героизма. Кому-то эта книга может показаться грубоватой, но ведь настоящая война всегда груба и жестока, а армейская среда — это не институт благородных девиц. Естественно, что девяносто девять процентов «неблагозвучных» выражений автор оставил «за кадром», но есть эпизоды, где без них не обойтись, чтобы не погрешить против правды.

Все время нас учили: «тяжело в ученье — легко в бою». Но, почему-то это самое «тяжело», становилось правилом и в ученье, и в бою. Словно кто-то невидимый ставил перед собой цель сделать существование людей в армии невыносимым. Бытовые условия, боевые задачи — все напоминало эксперимент по выживанию.

Главные герои книги — это те, кто жарился под палящим беспощадным солнцем и промерзал до костей на снегу; те, кто месил сапогами грязь и песок по пыльным дорогам и полз по-пластунски, сбивая в кровь руки и ноги о камни; те, кто оросил своим потом все горные вершины хребтов Гиндукуша и бескрайнюю пустыню.

Эта книга посвящается самым обыкновенным офицерам, прапорщикам, сержантам и солдатам, людям, воевавшим не по картам и схемам в тиши уютных кабинетов, а на передовой в любую погоду и в любое время дня и ночи. Многие из них погибли или стали инвалидами, кто-то умер уже после войны от ран и болезней, тяжелого наследия прошлых сражений.

Не может меня не волновать, что сейчас армейское руководство и правительство страны продолжают делать те же ошибки в проведении так называемой «антитеррористической операции», что и раньше во время Афганской войны. Как и прежде существует миф о непобедимой и всемогущей армии, который не имеет ничего общего с реальным состоянием дел. Читателям, далеким от этих проблем, книга может показаться «пасквилем» на Вооруженные Силы, но ведь автор являлся участником всех событий, о которых пишет, и стремление показать правду — главная его цель.

Кроме того, в книге показаны сложные, порой противоречивые межнациональные отношения в армейском быту. Существование таких отношений привело в дальнейшем к тому, что военные невольно становились носителями национализма в обществе.

Армия давно больна и больна серьезно. За прошедшие годы запущенная вялотекущая болезнь стала коматозным состоянием. Коррупция, воровство в Вооруженных Силах — это давняя беда армии. Нынешнее состояние армии — это следствие отношения государства к людям в погонах, а рост числа преступлений — следствие качества призывников на военную службу.

Ветераны нашей армии, особенно те, кто участвовал в локальных конфликтах — самые несчастные, бесправные люди. Их жертвы, боль утрат, физические и психологические страдания не интересны обществу. Страну, в основной массе, не волнуют их проблемы. «А кому сейчас легко?» — могут сказать люди.

Вернувшись с очередной войны, ветераны остаются наедине со своими бедами. Психозы, стрессы, нервные срывы, пьянство, наркотики, преступления...

Душа болит за тех, кто погиб на Афганской войне, но еще больше за тех, кто продолжает погибать сейчас, в наше «мирное» время.

Книга посвящается нашей самой неприхотливой и самой бесправной армии современного цивилизованного мира.

Ярко-красный чемодан, чавкнув, припечатался к бетонке Кабульско-го аэродрома. Это был крепкий немецкий чемодан, огромных, прямо гигантских размеров, который называют «мечта оккупанта». В нем уместились бушлат, шинель повседневная, шинель парадная, китель повседневный и парадный, хромовые сапоги и еще много всякой ерунды. Я глубоко вдохнул раскаленный июльский воздух Кабула. Я — это молодой лейтенант Никифор Ростовцев, год назад окончивший училище, затем год прослуживший в богом забытом гарнизоне Туркмении. Служил не в самом гиблом месте, были места и похуже. Но когда пьянство и дурь гарнизона окончательно осточертели, все-таки добился перевода за границу. Моей «заграницей» стал уже много лет воюющий Афганистан. Что там на самом деле происходит ни я, ни мои сослуживцы толком не знали. Вроде бы и война, а вроде бы и не совсем. В полку служило немало офицеров, участвовавших во вводе войск, но ввод-то когда был — пять лет назад, да и служили всего месяца по два. Много забылось, не о чем и рассказать.

После трехдневных проводов, вылившихся в грандиозную попойку, в которой участвовало большинство офицеров батальона, и двухдневного кутежа со знакомой девицей я очень устал. Пара приятелей до моего убытия на нее только облизывались и сейчас с нетерпением ожидали моего отъезда.

Поезд проходил через город Теджен в три ночи, а наш гарнизон стоял в тридцати минутах езды от него. Бахнув на прощанье по последней рюмке, закусив арбузом и обнявшись с друзьями, я привязал чемодан к багажнику мотоцикла, и вдрызг пьяные мы отчалили. На вокзале еще раз обнялся с провожатым, взводным Серегой, и тот как мог быстро помчался назад сменить меня на диване. Только пожелал на прощание:

— Ник, постарайся вернуться живым.

— Хорошо, — подумал я, — постараюсь.

Билет был куплен перед самым отходом поезда. Все купе оказались заняты спящими пассажирами. Ругаться с туркменом-проводником жेलания не было, и я сел на откидное сиденье. Ночь на чемодане у открытого окна взбудрила, но в то же время усилилась нервная дрожь перед неизвестностью.

Не каждый день отправляешься воевать на край света.

Громадный штаб округа напоминал айсберг из стекла и бетона. Множество подъездов, бесчисленное количество полковников и генералов, снующие «Волги» и «УАЗы». Рука от козырька не отрывалась — поприветствовал одного, второго, третьего... сотого. Вскоре появился у меня попутчик. Это был лейтенант, по фамилии Мелещенко, похожий на добродушного пасечника. Он не имел ни малейшего желания ехать «за речку». В течение трех дней он пытался увильнуть, но тщетно. Пушечное мясо требовалось в огромных количествах, а ехать вместо него желающих не было. Николай (так звали моего нового знакомого), узнав, что я еду по собственной воле и с желанием, слегка покрутил у виска пальцем. В Афганистане он мечтал попасть на должность замполита роты охраны в госпитале или кого-то в этом роде. «Главное — можно хорошо устроиться даже там.»

В гостинице, где я остановился, суетились командированные и отпусники из той неизвестной жизни — «заграничной». Для оформления паспорта потребовалось несколько дней, эти дни потихоньку прожигались мною, но уже без вреда для печени и желудка. В конце концов, для получения документов мы были вызваны в Управление кадров. В небольшом конференц-зале набились человек пятьдесят офицеров в званиях повыше наших. Мужики радостно обсуждали свои перспективы в Венгрии, ГДР, Польше, Чехословакии. Я и Николай были чужие на этом празднике жизни и карьеры, поэтому дремали на последнем ряду и изредка отбивались от попыток «припахать» нас по какой-нибудь мелочи.

Перед обедом зашел в зал полковник и объявил, что одному из руководителей Управления присвоили генерал-майора и необходимо помочь в рамках разумного организовать подарок. Тут же появился бодрый, радостный подполковник из числа «заграничников» и пустил фуражку по кругу. Начал почему-то с нас.

— Лейтенанты, давайте гоните по «четвертаку». Сбросимся! Поактивней! — тоном, не терпящим возражений, произнес он.

— Вот дела! — заржал Никола. — Ни копейки не дам. У вас своя свадьба — у нас своя!

Ехидно улыбаясь, Мелещенко развалился в кресле и закрыл глаза.

— Наглец! А вы, товарищ лейтенант, тоже отказываетесь? Вы что хотите вылететь из списков за границу? Я это быстро вам обоим органирую! — забрызгал слюной этот холеный секретарь парткома полка.

— Ага, тоже ни хрена не дам! — подтвердил я.

Николай сладко потянулся и громко произнес:

— Все время, дурак, думал, как от Афгана сачкануть! Оказывается, нужно не взятку дать, а с подарком начальника кинуть!

И мы дружно засмеялись. Это взбесило подполковника. Отходя от нашего ряда, он громко произнес:

— Придурки! Идиоты!

На это Николай ответил вполне внятно и обещающе:

— А за придурков на свежем воздухе можно и по морде схлопотать! Вполне легко. И фотография в загранпаспорте будет не соответствовать лицу владельца.

На нас все злобно посмотрели, но связываться не стали. Однако посланный подалше подполковник не удержался и «стуканул» на нахалов пришедшему за «бакшишем» (подарком) кадровику. Тот скривился, махнул равнодушно рукой, но паспорта выдал в конце дня. Получая последние наставления, я с удивлением узнал о необходимости сделать прививки.

Прививки делали на пересыльном пункте: оттуда рано утром отъезд. Черт! Не люблю уколы.

Пересыльный пункт в городских закоулках Ташкента отыскивали с большим трудом, зарегистрировались на рейс в Кабул, разыскивали медпункт. В медпункте, кроме санинструктора сержанта, никого не было. На вопрос о прививках он ответил, что надо шприцы кипятить, а у него ужин, поэтому прийти нужно через полтора часа. Я раздраженно хлопнул дверью и решил отложить это дело до утра.

По пересылке бродили или трезвеющие, или пьянеющие командированные и новички. У народа выяснил, что можно взять с собой две бутылки водки. Мне уже этого добра не хотелось, но ведь там же коллектив ждет. Коллектив, в который предстоит влиться.

На последние деньги приобрел водку, закуску и отправился спать в гостиницу. Практически не заснув ни разу, в три часа ночи я встал и пешком пошел к общежитию, где встретился с Николаем. Тот выполз из дверей в веселой компании трех девах. Сволочь! Молчал и не приглашал три дня в гости. Жадина!

В такси наши чемоданы с трудом поместились: один запихнули в багажник, другой — в салон. Водитель зарядил сумму по максимуму, но с Коляна, как оказалось, лишнего не возьмешь. Хотя если бы деньги были, я б их ему отдал. Вдруг никогда не пригодятся, а если и пригодятся, то когда? Девчонки визжали и махали вслед такси.

Мы с трудом достучались в медпункте до медика. Вышел все тот же сержант, прививки пообещал сделать через час, но ехать на аэродром надо было минут через двадцать. Сержант предложил решить вопрос за «червонец» с каждого.

Микола развернулся и послал подалше прививки, на что санинструктор сказал, что без штампа об их наличии нас на самолет не пустят.

Вот черт! А денег три рубля. Не улететь: борт следующий только завтра. Но как жить сутки без денег?

— Сержант, у нас «трояк» на двоих остался, бери и ставь отметку, а прививка нам не нужна! Договорились? — начал уламывать его я.

Медик принялся канючить про тяжелую службу, нехватку витаминов, ранение в Афганистане, при этом демонстрируя отсутствие пальца на руке.

В конце концов, видя мои пустые вывернутые брючные карманы, он смирился с «трояком».

Весело загрузившись в автобус, мы услышали от водителя, что проезд платный — рубль с носа.

Ну и жулье! Мародеры, можно сказать.

У кого были деньги, весело ругаясь, кидали их в лежащую на моторе «ПАЗика» кепку. А у кого, как у меня, не было — матерились и отказывались платить. Водитель в это кепи предложил бросать хотя бы мелочь: все равно она нам не нужна. Кое-какая не прожитая еще мелочь имелась, и ею кепка в основном и наполнилась.

Радостный водитель собрал монеты и быстро помчал по ночному Ташкенту на военный аэродром.

Пройдя униженный таможенный досмотр — нам вывернули даже карманы — выбрались из зала на бетонку.

Нас поджидал старенький, обшарпанный, с закопченными двигателями грузовой самолет АН-12. Бывалые ребята начали ругаться. Не повезло! Намучаемся. Вот если бы ИЛ-76, вот была бы красота, а не полет. А в этом только кабина герметичная, а борт продувался всеми ветрами, значит, уши будет давить и кислорода не хватать.

После еще одного тщательного досмотра вещей, проверки документов, всех нас, человек восемьдесят загрузили во чрево самолета. Какой-то генерал и пара полковников прошли в гермокабину, туда же сели несколько сильно накрашенных женщин.

Хмельные прапорщики заржали:

— Новенькие, необъезженные! Пополнение! Обновление малинника.

Бортмеханик задрал люк, приказал не курить и не бродить по самолету, если не хватит на всех воздуха — дышать через свисающие сверху кислородные маски. Но масок свисало мало, гораздо меньше, чем было людей на лавках и сиденьях.

Прапорщик-бортмеханик сел на свое откидное сиденье и, демонстративно пристегнув парашют, о чем-то задумался.

Расположившиеся рядом два откормленных дородных прапорщика громко возмущались.

— Иван! Ты бачишь шо делается? Этот летун парашют пристегнул, а нам их не выдали!

— Та ни! То не парашют, то имитация, мешок для самоуспокоения.

— Да парашют, я тоби говорю. Боится, наверное.

— А шо вин его одев? Думае выпрыгнуть, если собьют? А нас бросить?

— Наивный! Кто ж его выпустит? Вместе с нами и упаде.

Вокруг одобрительно засмеялись пассажиры. Летчик злобно посмотрел на болтающих и смеющихся, еще раз рявкнул нервно: «Не курить!» — и убежал вместе с парашютом в кабину пилотов, заdraив за собой люк отсека.

— Ну вот, как в гробу запечатал. Обиделся! — подытожил один из прапорщиков.

— Это новенькие, недавно экипаж из Белоруссии прилетел, нервничают, — авторитетно сказал какой-то офицер.

— Ничего, пусть понервничают, — отозвался другой. — Они туда-сюда летают, а я второй год там по горам ползаю.

Вскоре после взлета в салоне началась пьянка. Пили то, что сумели пронести под видом компотов и чая. На самом деле, это были подкрашенные спирт, водка, самогон. Мы с Николаем из-за отсутствия этого резерва могли только дремать, что и делали, лежа на чемоданах.

Сон не шел. Было душно, не хватало воздуха. Потом над горами, когда поднялись на максимальную высоту, стало холодно, а воздуха — еще меньше. Пришлось по очереди дышать кислородом через маску.

— Подлетаем! — пьяно заорал кто-то. — Баграмка! Сейчас будет Кабул на горизонте за горами.

Все сидящие возле иллюминаторов прильнули к ним.

Я видел внизу пейзаж, такой же, как и в Туркмении. Затем за хребтом появился большой город, и самолет, резко накренившись на крыло, начал кружить над ним, постепенно снижаясь.

— Самый опасный момент, — сказал сосед, старший лейтенант. Он возвращался из отпуска, и все было уже не впервой. — Сбивают чаще всего на взлете и на посадке.

В ответ я понимающе кивнул. Начала бить нервная дрожь, пальцы и руки подергивались. Страшноовато. Особенно нервировало натужное завывание двигателей и скрип самолета.

— Скрыпучий якый, зараза! — задумчиво промямлил совсем опьяневший прапорщик. — Иван, не развалится летак?

— Та ни, не развалится! А если и развалится, падать-то вже совсем низенько, — хохотнул такой же пьяный его собутыльник.

Самолет ударился колесами о бетонку, слегка подпрыгивая, промчался по полосе аэродрома, двигатели ревели на реверсе. Пробежка, торможение, разворот — все, приехали.

Народ радостно заорал: «Ура!» — и захлопал в ладоши. У кого оставалось спиртное — выпили «на посошок».

Подали трап, выгружаемся. Вот тут мой ярко-красный чемодан, чавкнув, припечатался к бетонке Кабульского аэродрома.

* * *

Грузный прапорщик встретил всех вновь прибывших во дворе пересыльного пункта. Нехотя мы построились в одну шеренгу и выслушали дурацкий инструктаж тыловой крысы.

— Товарищи офицеры и прапорщики! Вы попали на территорию пересыльного пункта №***! Это военный объект со строгой дисциплиной, здесь действует жесткий распорядок дня, обязательный для всех, — вещал с умным видом старший прапорщик.

Откормленная физиономия лоснилась нагулянным жирком, чистая, отутюженная полевая форма явно не знала пыли гор и песков пустыни. Новенькие хромовые сапоги блестели на солнце, видно было по всему: их хозяин был доволен службой и не утруждался боевыми действиями. Мы смотрели на этого военного франта, его речь нам казалась неправдоподобной.

— Вы, товарищи, прибыли в район боевых действий и тут, как и везде на фронте, постоянные артиллерийские обстрелы противника. Мятежники регулярно обстреливают район нашего пересыльного пункта. В случае обстрела всем залечь в окопах и щелях, вырытых за модулями-казармами. Модуль — это щитовой домик, легко пробивается осколками, поэтому рекомендую успеть занять место в окопе. Если услышите пулеметную стрельбу, не пугайтесь, это бьет пулеметчик из капонира. На войне как на войне. Всем вести себя достойно, выполнять распоряжения администрации пересыльного пункта. Я пользуюсь властью помощника коменданта гарнизона, могу буянящих и на гауптвахту определить. Не болтаться, ждать распределения.

Распаясь от собственного красноречия и тылового героизма, комендант воспарил до самых высот верховного командования. Он прикрикнул на офицера, что-то спросившего его, рявкнул на прапорщика.

В конце концов, стоять под палящим солнцем и выслушивать бредни зарвавшегося «полководца» надоело какому-то подполковнику, и он прервал лекцию окриком:

— Комендант, не забывайтесь! В строю старшие офицеры!

— Да, да! Разойдись! Получить постельное белье, сдать продаттестаты и предписания.

Рядом с нами стоял молодой майор, нетерпеливо слушавший инструктаж, и постукивал ботинком о чемодан.

— Редкостный болван, — произнес он. — Пора отсюда сваливать как можно быстрее, а то еще и чемодан герои тыла сопрут. Вы, коллеги, куда направляетесь?

— Мы в распоряжение политуправления армии, — ответил Николай. — Ему вроде в Шиндант, мне в Кундуз, не знаем только точно, где это.

— Здорово! И я в Шиндант, в штаб дивизии. За мной знакомые ребята должны подъехать, могу подвезти в штаб армии. Боюсь, что тут иначе надолго застрянете, если сдадите этому чинуше документы.

— Будем только рады составить компанию, — воскликнул я, — только вещи в каптерку забросим и готовы ехать вместе с вами.

Николай зашипел мне на ухо:

— Куда ты спешишь? Мы что обязаны сами куда-то бежать, торопиться? Пусть приезжают и забирают. Нам в Афгане быть два года, а время уже пошло. Давай отдохнем, поспим, послушаем, где лучше, где хуже. Куда спешить?

— Коля! Ты можешь тут хоть мхом покрыться, хоть замполитом пересылки стать! А я не собираюсь слушать бред этого бездельника и выполнять его приказы. В полк — и чем быстрее, тем лучше! От судьбы все равно не уйдешь. Ты со мной?

— Да с тобой, с тобой. Замполитом пересылки — это ты сильно сказал. Заманчиво! Но, наверное, такие теплые места давно захвачены. На них, я думаю, в Москве распределяют. Год за три — и участник боевых действий, и риск минимальный. Ох, и жирное местечко, сало будет всегда. — Николай даже мечтательно закрыл глаза.

Действительно, вскоре пришел автобус из штаба армии, и майор пригласил нас с собой. За ним приехал какой-то подполковник, они обнялись, расцеловались.

— «Однокашник», вместе в одной роте были, — пояснил майор и обратился к подполковнику: — Возьмем ребят в Политуправу? Они, как и я, в Шиндант направляются.

— Пусть едут, места хватит, с собой потом и заберешь их. Ребята, галстуки можно снять, верхнюю пуговицу рубашки расстегнуть. Расслабьтесь.

Мы обрадовались существующему тут послаблению. В ТуркВО был такой приказ, но в моем полку в Туркмении командир полка без галстука и без кителя формы не признавал. Даже при +45°. Вот где был дурдом!

В Политуправлении армии все резко переиграли.

— Обоих направляем в восьмую мотострелковую дивизию, в восьмидесятый мотострелковый полк. «Придворный» полк.

— А как же Шиндант? — удивился я.

— А никак. Тут в полку два заменщика пару месяцев пересидивают. Те, кто должен прибыть служить по плану, куда-то пропали в Союзе: то ли болеют, то ли что-то выдумывают, время тянут.

— А где полк расположен? — поинтересовался осторожно Микола.

— Где, где. За забором, вон за тем кишлаком. В Кабуле.

— Как в Кабуле? — охнул я. — Зачем сюда, я в Шиндант должен убыть, мне туда предписание.

Николай толкнул мою ногу под столом и сделал выразительные страшные глаза.

— В Кабул, так в Кабул. Это даже хорошо. В столице тоже кто-то служить должен.

— Товарищ полковник! — сделал я еще одну попытку отвертеться от «придворного» полка. — Я сюда рвался воевать, а не в «придворном» полку околачиваться, прошу направить меня согласно предписанию.

— Чудак, — обалдел совсем полковник и с интересом принялся разглядывать меня, как будто только увидел.

— Доброволец что ли?

— Так точно, доброволец, писал рапорт еще в училище, а затем и в ТуркВО.

— Ну вот, ты как раз в такой полк и попал!

— Шо? В смысле? А как понять? — поинтересовался Мелещенко. — Воевать-то полк не воюет? Город охраняет, наверное?

— Нет, полк город не охраняет, а как раз воюет. Не весь полк, конечно, но один батальон точно на боевые ходит, два батальона по заставам стоят.

— А... не весь, понятно, — задумался Николай.

— Не весь, не весь, — ободряюще улыбнулся ему полковник, — только один батальон, но воюет очень много. Ну, вот ваши документы, спросите на КПП попутку и в полк. Счастливо!

— Но если есть очень сильные возражения, могу направить в батальон покойного майора Козловского. Слышали про такой?

Тут уже я возразил:

— Нет, спасибо, лучше в восьмидесятый.

— Тогда счастливой службы, удачи!

Что за батальон такой, почему я не слышал? — поинтересовался, выходя в коридор, Микола.

— Это расстрелянный батальон. Я некоторое время в Термезе служил и знаю эту трагедию.

Вместо выведенного в Союз танкового полка отправили на его место мотострелковый полк. Через пару месяцев из того мотострелкового полка почти весь батальон этого вот Козловского уничтожили. Точных подробностей не знаю, но вдов было в городке очень много. Погибло больше ста солдат, прапорщиков и офицеров. Вот почему мне знакома эта фамилия. Ничего хорошего в таком невезучем подразделении быть не может.

— Не, нет, нам такая организация ни к чему! — согласился Мелешенко.

Мы покинули здание штаба и огляделись. Еще по дороге в штаб, в автобусе, подполковник рассказал, что командование армии расположено в бывшем королевском дворце, который штурмовали в декабре семьдесят девятого. Во дворце бушевал пожар, там же и Амин был убит. Что дворец горел, было совершенно незаметно, даже следов пуль и осколков не было видно. Старинное, красивое здание. Афганское министерство обороны также размещалось в старинном дворце, но немного ниже, на самой окраине города.

Штаб сороковой армии, возвышаясь над окрестностями, стоял на живописном холме, окруженном парками и аллеями. Внешний вид портили маскировочные сети, блиндажи, окопчики, капониры и понастроенные модули-казармы. Вокруг была натянута колючая проволока, накрепко уродливые заборы, всюду торчали таблички «Осторожно! Мины», «Прохода нет», «Мины», «Стой! Граница поста».

Мне было не до обзоров и экскурсий. Мы с Мелешенко, озираясь по сторонам и расспрашивая дорогу, двинулись к КПП.

Автоматчик, дневальный по КПП, ничего вразумительного объяснить не мог, зная только размещение своего батальона охраны.

Дежурный небрежно махнул рукой в сторону домиков и объяснил, что до полка рукой подать и можно пешком добраться при желании.

— Пойдете по дороге до перекрестка и налево, мимо музея, вдоль забора. Там прямо, прямо, мимо зенитного полка и упретесь в КПП. Только с дороги не сходите на обочину, за канавой «паутина» растянута и все кюветы заминированы. Либо без ног останетесь, либо вообще погибните. А хотите, ждите машину, может, кто и подьедет. А идти километра два всего-то.

Солнце пекло, и болтаться туда-сюда возле шлагбаума быстро надоело.

— Николай! Пойдем пешком, а то совсем изжаримся. Есть охота, в полку хоть накормят.

— Пойдем, — вздохнул Мелещенко, — только не беги, пойдем не спеша.

— Туфли и брюки быстро покрылись толстым слоем придорожной пыли, но идти было гораздо веселей, чем топтаться на месте.

Мы миновали продуктовый «дукан» (афганский магазинчик), продавец покричал, приглашая зайти, но денег у нас не было. А жаль. На импровизированном прилавке стояли кока-кола, фанга, лежали арбузы, дыни. Жажда только усилилась. Вдоль дороги бегали оборванные? грязные мальчишки и швыряли камни вслед проезжающим машинам.

— Дикари, — улыбнулся Мелещенко. — Интересно, что орут эти туземцы? Наверное, матерятся.

— Наверное. Главное, чтоб в нас камни не кидали.

За поворотом вытянулась прямая как стрела дорога, а вдалеке были видны вышки и заборы наших частей.

Медленно идти не получалось. Злые нищие мальчишки кидали изда- лека камни, мужчины угрюмо смотрели на нас — все это ускорило переход к полку. Не сговариваясь, мы не шли, а почти бежали.

Вот такая вышла прогулка.

Переступив порог КПП полка, я увидел асфальтированную дорогу, бетонные дорожки, вдоль них ровненько посаженные березки, БМП на постаменте из камня.

Н-н-да, дела. Рядами стояли щитовые домики, романтики палаток не присутствовало. Огромный заасфальтированный плац привел в еще большее уныние. Ангары-столовые, большой клуб, фонарные столбы с освещением. Это куда же я попал?

Тут, наверное, сплошная показуха, а войны и не будет. Стоило ли ехать «за речку», этого и в Союзе хватает. Вот не повезло, а ведь должен был ехать в Шиндант. Что потом расскажешь об Афгане? Как маршировал по плацу?

Колян радостно потер руки:

— Вот это да! Попали в хорошее место, — и сжал мои плечи. — Служба как на Родине! Все цивильно!

Мое настроение было прямо противоположным. Хотелось в какую-нибудь дыру, чтоб подальше от начальства, поменьше парадности, побольше войны. Так и басмачей не увижу.

Дежурный по полку, рассмотрев предписания, отправил в строевую. Строевик удивленно посмотрел на нас и спросил: откуда мы взялись.

— Откуда? Служить прибыли к вам в полк!

— Да я понимаю, что не плясать. Как вы тут очутились?

— Как, как, пешком, — продолжал кипятиться Николай, явно опасаясь, что могут отправить в другое место, а ведь ему по предписанию предназначалась какая-то далекая дыра.

— Пешком у нас не ходят. Пешком у нас в покойников превращаются и в цинковом гробу потом едут. У нас для этого машины, БМП, БТРы ходят, вертолеты летают! Ясно?

— Ясно. Мы туда попали или не туда? — с надеждой спросил я.

— Туда, туда. Заменщики заждались уже, где были-то?

— Да, мы вообще не сюда планировались, — попытался я ухватиться за последнюю соломинку. (Не нравилось мне тут!)

— Не туда, не сюда! А будете служить здесь! В героическом восьмидесятом мотострелковом полку.

— Кроме асфальта и фонарей, я ничего героического не видел.

— Эх, «зелень»! У нас в полку служили два Героя Советского Союза!

— Давно, наверное, это было, — ехидно продолжал я разговор.

Колян тем временем больно ткнул меня локтем по ребрам и зашипел:
— Молчи, место хорошее, еще отправят обратно.

— Так, разговорчивые! Шагайте в курилку, сейчас заберут те, кто вас так долго ждал. Идете в первый батальон: один, — и ткнул в меня, — в первую роту, другой — в третью мотострелковую роту.

— Крыса штабная! — шипел, сидя на лавочке, Николай. — Ты видел его харю? Боевой офицер! Вояка! Из штаба, наверное, даже на плац не выползает!

— Да! Не нравится мне тут! Выпьют кровушки и нервов попортят! — поддержал я.

— Зато живы будем! Лучше плац истоптать, чем пулям кланяться.

Николай сменил возмущение на счастливое умиление и сказал:

— А я уже думал: пропал Микола! Загубили! Нет, мы еще поживем, послужим.

К нам в беседку спешили два офицера, мчались, как два разъяренных бизона.

— Кто меняет старшего лейтенанта Алексева?

— Ну, я, лейтенант Никифор Ростовцев, — ответил я и оказался в его объятьях.

— Мужики, где вы были так долго? Федор Алексеев, — представился он в ответ.

— Да, мы вообще не сюда шли, — ответил, вздыхая, я.

— А теперь повезло и попали сюда, — подытожил Микола. — И мне здесь нравится, цивилизованно все. Тишина, порядок.

— Да, сейчас тишина, — усмехнулся второй офицер. — А вот батальон вернется с боевых, и жизнь закипит.

— А меня зовут Сергей Никитин. Я из третьей роты, замполит. Ты меня меняешь? — ткнул он пальцем в Николая.

— Да, я, — ответил Микола и осторожно поинтересовался: — А на каких таких боевых батальон?

— На обыкновенных боевых. Все в рейде, возле Пагмана воюют.

— А где это?

— Да тут рядом с городом.

— А, возле Кабула, это хорошо, что недалеко, — вновь довольно вздохнул Микола.

— Да тут в окрестностях Кабула накопостыляют еще больше, чем вдали от него. Особенно в Баграмской «зеленке» или в Чарикаре, — ответил Алексеев.

— Вот те на! — выдохнул Микола и выпучил глаза, он побагровел и надулся.

— Колян, спусти воздух, лопнешь! — воскликнул я и хлопнул его по спине. На душе стало веселей. Значит, и здесь воюют.

— Так что, батальон боевой? — радостно спросил я.

— Еще какой боевой! А мы, наконец-то, домой едем — замена! Хватит, навоевались! Пошли в модуль койки делить.

Мы побрели в щитовой домик, Мелещенко шел, едва шаркая ногами, плечи опущены, в глазах тоска. Веселое настроение улетучилось без следа, мое же, наоборот, улучшилось. Все ж пореже буду топтать по этому плацу. Хорошо!

Вот и пришли. Нас посадили в захламленной комнате за стол, а сами заменщики забегали, засуетились, принялись трясти какими-то неизвестными иностранными деньгами. В комнату входили и выходили люди, здоровались, смеялись, чему-то радовались. Жара стояла невероятная — зашумело в голове и заломило в висках. Год адаптации в Туркмении спасал, но не совсем. Окна в комнате были заклеены фольгой, и поэтому, чтобы не сидеть в полумраке, под потолком одиноко и уныло горела засиженная мухами лампочка.

Суэта продолжалась уже больше часа. Комната была большая, в ней стояли восемь кроватей, в центре — огромный стол, несколько шкафов и тумбочек. Мы потихоньку перебрались на чью-то кровать и принялись дремать. Полуденный зной сморил меня, и сквозь липкую дремоту через пелену полузакрытых глаз видно было, как стол постепенно заполняется банками, бутылками, тарелками, что-то непрерывно резали, раскладывали, что-то открывали.

Постепенно я очнулся и стряхнул сон.

— Колян, давай за вещами сгоняем на пересылку?

— Давай. А может, зря их попрем: окажется, что все ж не в этот полк? — с чуть ощутимой надеждой в голосе ответил Микола.

— Нет, не окажется. Они, видишь, уже в нас так вцепились, что не отдадут никому, ни под каким предлогом.

— Мужики! А вещи наши на пересылке, забрать как?

— Да к черту их. Что там?

— Как что, шинели, форма всякая, — ответил я.

— К черту! На хрена тебе здесь шинели. Вы, может, еще и парадки привезли?

— Ага! Даже парадную шинель. Сказали брать все.

— Вот дают штабы! Армия пять лет воюет, а их все по полной форме присылают сюда. Мудаки тыловые. На хрена они вам сегодня, потом как-нибудь заберете, — высказался Алексеев.

— Да! Когда на партучет в дивизию поедете, тогда и возьмете, — подержал заменщик Миколы.

— Да там водка, — вздохнул Колян.

— И у тебя тоже? — спросил Алексеев, с надеждой глядя на меня.

— Ну да! По пузырью!

— Не выжрали? Молодцы! Орлы! Ну, это другой разговор. Сейчас транспорт организуем!

Через полчаса мы тряслись в клубной машине с пухлым начальником клуба, который мчался за своей заменой на пересылку и при этом возмущался:

— Представляете! Неделю лежит себе на койке и в ус не дует, а я тут извожусь! Парится. Я ему сейчас устрою веселую жизнь!

На пересылке мы забрали свои чемоданы, послали подальше прапора-коменданта, который попытался продолжить нас поучать на примере своего огромного боевого «пересылочного» опыта.

Два капитана бродили в обнимку вокруг машины, и один был счастлив, а другой — несколько смущен и растерян.

— Сергей! Стол ждет! Представляете, лейтенанты, мы с ним в одном батальоне учились!

— Меня, кстати, Володей зовут.. Старый начальник клуба.

— Сергей. Начальник клуба, новый. Из ЛенВО прибыл, а вы откуда? — спросил худощавый капитан в очках.

— Я из ТуркВО, а Микола из Прикарпатского, вчера прилетели.

Познакомились, поздоровались и в машину. Машина обратно не ехала, а летела!

— Никифор, — позвал меня Микола. — Я одну бутылку достану, а вторую с ротным надо будет выпить.

— Конечно. Так и говорим, что у нас всего по одной, а то парни с боевых действий придут, а мы с тобой пустые.

— Интересно, а почему тут спиртное и есть ли оно вообще? — задумчиво произнес Коля.

К нашему приезду застолье уже началось, и мест почти не было.

— Ребята! Скорей сюда, по правую руку. Мы вас уже ни на шаг от себя, чтоб не украли.

Все пьяно заржали.

Водка из чемоданов под крики «Ура!» перекидывалась на стол. За столом таких приезжих, как мы, было еще пятеро: начальник клуба, два взводных из роты Миколы, новый командир разведроты и минометчик.

Участниками застолья оказались зам. начальника штаба полка, который в штабе поучал нас насчет сухого закона на войне, строевик и много незнакомых офицеров. Сидели пара помятых тегок, какие-то гражданские личности.

Все орало что-то друг другу, чокались, пили, курили.

В течение первого часа все было более-менее организовано, а потом начался полный хаос. Ветераны поучали нас, как жить. С нами кто-то знакомился, кто-то что-то говорил. Шум, гам, сигаретный дым клубился под потолком. Неожиданно заорал японский магнитофон, и все перешло в пьяную анархию.

— Танцы, — завопил кто-то нетрезвым голосом.

Танцы! Громко сказано, ведь они, эти дикие пляски, танцы напоминали отдаленно. Столы совсем уже захламились пустыми бутылками, банками и окурками в тарелках, недоеденными кусками.

— Полк пришел! — раздался истошный вопль из дверного проема.

— Ура!!!

Студья с громким стуком полетели на пол, и все бросились на улицу. Ночной воздух был наполнен клубящейся пылью, стелившейся над расположением полка. Могуче лязгали гусеницы боевой техники, стоял непрерывный рев двигателей. Техника шла краем полка, где-то вдалеке, и за пылью была не видна.

Все куда-то убежали, а на крыльце остались лишь мы, те, кто был в зеленых форменных рубашках — новички. Ребята нервно курили. Я отправился в казарму знакомиться с ротой.

Через некоторое время в пустую казарму, по которой я бродил, (казарму роты мне показали по дороге к общежитию, поэтому я знал, где она находится) ввалились несколько грязных пыльных солдат, обвешанных оружием, боеприпасами, вещами. Они уставились на меня как на «марсианина» и, обойдя стороной, водрузили все свое имущество возле коек. Принялись что-то обсуждать.

Откуда-то прибежал маленький прапорщик-армянин и, разоравшись, послал всех прочь. Солдаты начали носить оружие в оружейку, вещи — в каптерку, а бойцы все прибывали. Разгрузившись, они сели по кругу и принялись ужинать.

Кровати были аккуратно заправлены, но без наволочек и простыней. И только на двух были наволочки. Я подошел ближе и увидел на каждой койке фотографии в траурных рамках, а на белых простынях, завернутых уголком, букеты цветов.

Прапорщик спросил:

— Вы кто у нас будете, товарищ лейтенант?

Я ему объяснил, что я новый зам. командира роты по политчасти. Мы пожали друг другу руки.

— Старшина! Это кто? Что случилось? — обратился я с вопросом.

— Ширков и Спица, наводчик-оператор и механик БМП. В прошлом рейде погибли. На Панджшер ходили. Броня сопровождала колонну «наливняков», погибли героически. Гранатометчики из «зеленки» расстреляли, пять пробоин в бортах. Механик вылез без ног и умер в госпитале, а наводчик вел огонь из горящей машины и стрелял, пока не взорвалась башня. По полгода всего прослужили в части, весной пришли. Первые потери в этом году в роте.

Старшина вздохнул и нервно постучал по ладони плеткой.

— Новый ротный пришел из дорожного охранного батальона, принес несчастье. Фамилия предыдущего командира — Беда, но он был очень даже везучим. Из-за баб погорел — сняли. Мои слова командиру роты не передавай. Его, правда, во время обстрела не было, пехота сидела вся в горах, а на броне только техник и экипажи, отстреливаться некому.

— И часто такое? — кивнул я в сторону фотографий.

— В батальоне вообще-то часто, а в роте у нас нет. Рота счастливая, умелая. Будем надеяться, что и тебе повезет.

К казарме шли офицеры, и старшина побежал им навстречу. Доложил и кивнул на меня, объяснил, кто я и зачем прибыл.

Среди всех выделялся высокий рыжеволосый капитан, он что-то выговаривал двум лейтенантам. Они хмуро взглянули на меня, и я представился.

— Ну, что ж, уже хорошо! Будет кому с солдатами заниматься и мероприятия проводить, а то все без зама. У твоего предшественника одна замена была на уме, да как барахло скупать, — и он хмуро продолжил: — А я вот хоть и заменщик, а все в рейды хожу с чокнутым контуженым замом и взводным — «зеленым» лейтенантом. Итак, сейчас быстро знакомимся, укладываешь солдат, завтра на подъем подойдешь, старшине поможешь. Я — Кавун Иван. С остальными знакомься. Прапорщик Федарович, прапорщик Голубев, лейтенант Острогин Сергей. Ну, пока все разговоры отложим. До завтра!

Офицеры, о чем-то переругиваясь, ушли спать, старшина провел проверку, и солдаты захрапели. Был второй час ночи. В казарме клубилась пыль, стоял тяжелый запах пота и грязи. Уныло я побрел в общежитие. Было пусто. Все куда-то убежали. С трудом нашел себе свободную койку, лег и утонул в глубоком сне.

* * *

Лучи утреннего солнца пробивались сквозь щели в светомаскировке окон. На моих часах было уже время подъема, и я пошел в казарму. Вид

у меня был довольно помятый. Брюки помялись, сапоги пропылились, рубашка пропотела, на щеках щетина двух дней (побриться нечем). В общем, даже в зеркало смотреть не было желания. Мне было неудобно, но больше всего угнетала неопределенность. Вещи не разобраны — места нет, ходишь в рубашке как зеленый попугай среди нормально одетых, а я так не люблю выделяться, бросаться в глаза.

Обитатели казармы еще храпели, в том числе и дневальные, я ушел в каптерку к старшине и разбудил его. Взглянув на часы, он с визгом выскочил в коридор и начал орать на бойцов, стоящих в наряде по роте.

Сержантов эти крики и вопли разбудили и завели, они принялись поднимать подчиненных и тоже орать.

Постепенно началась утренняя суэта с одеваниями, умываниями, заправкой постелей.

Казарма представляла собой щитовое строение с открытым спальным помещением, оружейной комнатой у входа, тут же находились канцелярия, каптерки, бытовка, умывальник. В конце казармы за спальным помещением — ленинская комната! Ну и ну. И тут плакаты, планшеты, портреты. Я думал, что все будет по-походному, чисто символически, а тут все стационарно сделано — капитально! Мороки будет... Не ожидал, не ожидал.

Старшина позвал в каптерку.

— Лейтенант! Давай знакомиться! Гога Веронян. Старшина этой славной боевой роты. Уже полтора года как в Афгане, скоро домой поеду. Ротный у нас нормальный, тоже ветеран, и ему скоро домой. Он тут четыре месяца, до этого был в третьем батальоне, перевели, когда старого ротного сняли. А Беда теперь зам. начштаба батальона. Взводных пока двое, «зеленые» только-только прибыли. Зам. ротного и командир ГПВ, как и я, полтора года отвоевали. Техник роты с весны, — гортанно тараторил прапорщик. — Рота в рейды ходит каждый месяц, солдаты боевые, но сейчас много дембельнется, вместо них на днях молодежь прибудет. Как вы воевать будете, не знаю! Одного взводного еще не хватает, скоро придет.

Так за кружкой чая я понемногу узнавал, куда я попал и с кем служу.

В дверь постучали, и заглянувший в каптерку солдат выпалил:

— Нового замполита в штаб вызывают!

* * *

В штабе полка меня и Миколу отправили в партком. В кабинете сидел седой, с сильными залысинами майор.

— Секретарь парткома майор Цехмиструк! — представился он. — Заходите, хлопцы, заходите, садитесь, разговор есть к вам малопрятный.

— Вы чего дисциплину нарушаете, водку пьянствуете?

— Шо? Кто набрехал? — возмутился Микола.

— Сорока на хвосте принесла! Все только за стол сели, а батька Цехмиструк уже об этом знал! Вы, молодые люди, сюда прибыли выполнять интернациональный долг, воевать. А что творите? Сразу с первого дня пьянствовать. Не хорошо это.

— Так ведь с заменщиками по чуть-чуть, — продолжил Микола робкую попытку оправдаться.

— А-а, не пьянства ради, а для укрепления воинской дисциплины и сплочения воинского коллектива?

— Ага! — глупо ухмыльнулся Мелещенко.

— Ты хоть и хохол, как и я, а спуску не получишь, учти, — продолжал майор нас распекать. — Я вам пока даю дружеский совет, между нами «мальчиками». Указ вышел о борьбе с пьянством и алкоголизмом — знакомы?

Мы дружно закивали. Башка с утра слегка трещала, было душно в кабинете, желудок был пуст, и организм требовал завтрака, а нотаций слушать не хотелось.

— Так вот, трезвость — норма жизни политработника! Зарубите на носу. Исправляйтесь! Еще спасибо позже мне скажете. Ну, шагайте на завтрак и крепко подумайте о своей службе в полку!

Мы угрюмо вышли из штаба.

— И какая сука успела стукнуть с утра? — возмутился Николай.

— А может, не с утра, а еще с вечера? — спросил я, размышляя вслух. — Долго ли умеючи. Тем более стучать — не воевать. Легче и для карьеры полезнее. Может, орден или медаль получит...

— Дать бы в рыло, ведь за столом, гад, наверняка с нами сидел и пил вместе.

— Ну, о себе он в парткоме, наверное, промолчал из скромности.

В канцелярии роты сидел веселый и довольный ротный.

— Что уже взгрели?

— Да вот, вчера по чуть-чуть для приличия и знакомства, а стук на весь полк.

— Эти крысы штабные что-что, а стукачество хорошо организовали. У нас на полк два замполита полка, партком, начальник особого отдела и особисты в батальонах. Наш особист уже месяц как ловит меня, хочет «Берету» отобрать трофейную.

— «Берету»? Пистолет что ли? Трофейный? Ну-у!

— Показываю один раз, и ты ее никогда не видел. Понял?

— Понятно.

Из металлического ящика ротный извлек небольшой вороненый пистолет, я такого действительно не видел. В армии, кроме ПМ, на вооружении в линейных частях других пистолетов не встретишь.

— Мне его спецназовцы подарили еще на заставе, когда стоял на Желалабадской дороге в третьем батальоне. Кто-то натрепался, вот пытаются изъять, но где пистолет не знают. Потом Растяжкин особисту какому-нибудь проверяющему от себя подарит как сувенир. А мне жалко, как память хочу оставить, да отдать придется, в Союз не вывезешь. Жалко, был бы наградной, провез бы, а то так просто подарили.

Иван загрустил.

— А ты мне перед заменой подари.

— Ну, ты что-нибудь учудишь с ним, а за мной хвост в Союз потянется. Нет. Я лучше нашему особисту отдам, когда что-нибудь в роте случится. Но пока время не пришло.

— Ваня! Давай сегодня вечером после отбоя за знакомство мою вторую бутылку водки приговорим с офицерами. Надо ж представиться коллективу.

— Никифор! Знаешь, я сам не пью, печень болит после желтухи. Нагрузки в горах большие, тяжело. Офицеры — взводные молодые, оба, как и ты, только из Союза, обойдутся, а с прапорщиками не надо. Лучше заму отдай, Сереге Грошикову, он это дело любит, свою контуженую голову поправляет. Вчера из госпиталя возвратился.

Дверь открылась и на пороге с широкой глупой улыбкой, касаясь головой дверной притолоки, стоял зам. ротного. Легок на помине. Шагнул в канцелярию, задев макушкой о косяк дверной коробки, поздоровался.

— Черт! Двери низкие, не по людям сделаны.

— Ну, мы проходим, а жирафы должны сгибаться, — рассмеялся ротный. — Выздоровел после вчерашнего? Не хулиганил?

— Не издевайся, я же недавно из Союза, хулиганить рано. Как рота? Все нормально с утра?

— Вот знакомься — замполит Никифор Ростовцев. Сейчас взводные подойдут из столовой, не видел еще?

— Нет. Как они? Старшина говорит — бестолковые, да? — поинтересовался Грошиков

— Есть такое дело. Ну, будем учить. Это был первый рейд. Не научатся, не поумнеют — не выживут.

— Ты, замполит, внимательней к нам, ветеранам, прислушивайся, приглядывайся, вникай во все, учись. Тебе бестолковым быть нельзя. Во второй роте один был бестолковый, месяца не прожил. Потом узнаешь все про эту историю — подытожил разговор Сергей, уже обращаясь ко мне и оценивающее разглядывая меня. — Маловат ты и худой какой-то.

— Рост средний, зато я мишень небольшая и по моему силуэту труднее попасть. А худой оттого, что в ТуркВО больше года — высох, да я еще вторую неделю по дорогам мотаюсь, толком ни пожрать, ни поспать.

— Ха! Ну, у нас тоже не поспишь и не поешь много. Не туда попал, не на курорт, — рассмеялся ротный, — готовься — через неделю в рейд. Занимайся с людьми, получай обмундирование, надо за тобой автомат быстрее закрепить. Слушай, Серега, он тебе «пузырь» привез!

— Да ну? Вот молодец! А почему мне? А сам как же, не пьешь?

— Уже не пьет. Вчера выпил, сколько надо было для приличия с Алексеевым, и сразу стукнули в партком, козлы.

— Ага, а мне, значит, можно!? Хотя мне плевать. Я контуженый. Пусть стучат. Гони водку, замполит! Выпьем с Колобком и Голубевым за твоё здоровье. Что б ты сто лет жил и не болел!

Я вздохнул с грустью и пошел в каптерку, достал из чемодана «Столичную» и почти торжественно вручил Сергею. Он сгреб ее своей огромной лапой и, высоко подпрыгивая на длинных ногах, убежал, крикнув на бегу:

— Спасибо, братан!

— Вот так! До завтра его уже не увидим. Колобок не наш, он комсомолец батальона, а вот Голубева мы перехватим, это командир ППВ (гранатометно-пулеметного взвода), пусть, старый, людьми занимается. Оружие все чистить нужно.

Первый день закурился каруселью. Мы с Миколой представлялись командиру полка, начштаба, зам. комполка, обоим замполитам, комбату, зам. комбата. Знакомства, беседы, беседы, беседы...

Секретарь парткома после общего построения задал глупый вопрос, от которого мы вообще ошалели:

— А когда вы собираетесь встать на партучет в дивизии, товарищи лейтенанты?

Коля глупо улыбнулся и переспросил:

— А что, нужно куда-то ехать? А далеко?

— Штаб дивизии в Баграме, там и парткомиссия и партучет. На БТРе ехать часа два-три, как повезет.

— Это не опасно? — поежился Мелещенко.

— Вообще на дорогах все время стреляют, и, в принципе, опасно везде. Это же война. Я сам уже три раза за два месяца туда мотался. — И на лице партийного начальника отобразилась вся глубина тоски и ужаса от воспоминаний о пережитых поездках.

Он был крепкий мужик, лет сорока, очень высокий, наверное, метр девяносто, голова с глубокими залысинами, волосы тронуты сединой. Морщинистое лицо, довольно огрубелое, видно, служба была не в теплых местечках. Почти пенсионер и такая напасть — военные приключения. Седой как лунь — и все майор.

— Я, хлопцы, кроме штаба дивизии еще нигде не был. Сами понимаете, документация, прием в партию, собрания. Но у нас два батальона стоят на дорогах, нужно будет скоро проехать по подразделениям, — продолжил он, грустнея с каждым словом. — Один стоит в «зеленке» и на дороге к Баграму, а второй — по дороге на Джелалабад. Пока туда никак не вырваться. Ну, а вы давайте-ка побыстрее в дивизию. Кстати, сегодня туда вылетают проверяющие из штаба ТуркВО. Они у нас в полку сегодня работают. Через час с аэродрома вертолет заказан, ехать не хотят, лететь желают. Клубный автобус уходит от штаба полка через полчаса. Берите документы и вперед, если в батальоне возражать не будут, — майор ободряюще улыбнулся.

Мы побежали в роты за документами. Микола радостно скакал рядом и восклицал:

— Отлично, лучше летаем под охраной (все ж комиссия округа!), чем будем трястись в БТРе. Бежим быстрее.

Ехать в дивизию в форменных рубашках, а не в полевой форме не хотелось. Надоело быть новичком, а, переодевшись, не так бы бросался в глаза. Но раз есть оказия, что ж отказываться от удачной возможности.

Объяснив ситуацию ротному и получив добро, через двадцать минут я стоял уже у штаба.

Николая еще не было, но, к моему удивлению, он оказался в подъехавшем автобусе вместе с начальником клуба.

Пухлый капитан Володя позвал меня в салон.

— Вот, ребята, сейчас снимусь с партучета в дивизии и домой! Квартира в Питере, возвращаюсь туда. Как надоела эта жара, скорей к родным дождикам.

Мы понимающе улыбнулись.

Из штаба важно и неторопливо вышли два полковника и в сопровождении командира полка направились к нам.

— Вы кто такие? — поинтересовался строго один из них.

За нас ответил начальник клуба и разъяснил, что мы хотели бы попросить их взять нас на борт вертолета.

— Ну, хорошо! Летите, — снизошел до нас один из холеных проверяющих.

— А где охрана? — удивился строгий полковник.

— Охрана? — озадаченно почесал затылок командир полка и, выпучив глаза на прапорщика, старшего машины, заорал: — Где охрана? Бегом в арtdивизион, начштаба сюда! Почему охрана еще не здесь? Где два автоматчика? Быстро!

Начальник клуба утащил нас в глубину автобуса и, давась от смеха, пояснил, что командир и не думал давать охрану. У водителя есть автомат, а у прапорщика гранаты валяются в бардачке. Эта казарма арtdивизиона ближайшая, потому туда и послал прапорщика.

Вскоре примчался растерянный майор-артиллерист вместе с двумя вооруженными автоматами солдатами. У одного из них лицо было помятое и заспанное.

— Наряд по батарее, наверное, снял, — засмеялся капитан.

— Почему опаздывает охрана офицеров штаба округа? — принялся орать командир. — Я же приказал стоять им здесь еще полчаса назад! Разгильдяи! Я с вами разберусь, товарищ майор!

Командир кричал, не позволяя опомниться начальнику штаба арtdивизиона, а тот не мог понять, за что его «дрючат».

— Солдаты, быстро в автобус, а вы ко мне в кабинет!

И пожав руки полковникам, командир закрыл дверцу автобуса. Мы тронулись в путь, а командир похлопал по плечу артиллериста и отправил в казарму.

Мы оглянулись и увидели всю эту картину: обалделый майор, так и не понявший, за что получил нагоняй, вытирал пот с лысины и пухлого лица.

— Выкрутился «кэп», — прошипел нач.клуба. — У нас по Кабулу с охраной не ездят. Это для вот этих тыловых пыль в глаза пускаем. Они из-за одного своего присутствия здесь себя героями считают.

Наконец поехали. Мы с интересом рассматривали город: узенькие улочки, глиняные дома, немногочисленные дворцы, встречались и роскошные особняки. По пути попался район пятиэтажек нашей советской постройки. Капитан время от времени комментировал поездку как заправский гид.

Проверяющие задумчиво молчали, а солдаты дремали, обхватив автоматы. Солдат спит, а служба идет.

На аэродроме мы подъехали прямо к вертолету, нас внесли в полетный лист — и сразу взлет. Прильнув к иллюминатору, я с любопытством туриста рассматривал афганский пейзаж с высоты полета птицы. Но только поднялись, как, перемахнув через горный хребет и пролетев над частью широкой долины, сели у скопления казарм на вертолетной площадке дивизии.

Нас с Николаем принял неприятного и надменного вида подполковник, по фамилии Байдаковский.

Он «докопался» до нашего внешнего вида, до формы одежды и все время бубнил и бубнил. Распекал за все подряд. Как объяснил подполковник, он здесь недавно и не допустит распущенности и расхлябанности, будет бороться с анархией боевиков из рейдовых батальонов. Наконец, он от нас отвязался. Пока нас «дрючили» и воспитывали, пока мы сидели в кабинете партучета, стало смеркаться. На КПП нам дежурный сказал, что сегодня никаких попуток в Кабул не будет, может, завтра.

А что же нам делать? Где ночевать? Да и есть ужасно хотелось. Мы потерянно брели обратно в политотдел. И, о чудо! Начальник клуба вырулил прямо на нас.

— Мужики! Я с ног сбился вас искать! Где шараетесь? Я тоже завис тут до завтра.

— Володя! Ты ужинал? Мы уже очумели от голода!

— Вы без меня и от бессонницы бы охренели. Пошли в столовую, что-нибудь придумаем.

Он поболтал с кем-то из местных, и недовольная официантка, презрительно глядя на нас, принесла ужин.

— Ребята, сейчас быстро едим, потом идем в клуб на концерт, а затем в общаге найдем, где перекантоваться до завтра.

В клубе уже не было свободных мест, но Володя согнал трех солдат, и мы уселись в уголке.

Концерт шел часа полтора. Но больше всего запала в душу песня «Кукушка»: «Десять, девяносто, сто — сколько жить осталось лет считает». И еще одна песня — бодрая:

Мы выходим на рассвете,
Над Баграмом дует ветер,
Раздувая наши флаги до небес.
Только пыль встает над нами.
Гордо реет наше знамя,
И родной АКМС на перевес.

— Товарищи лейтенанты! Вы прибыли в полк не дурака валять, а служить. Чем вы занимались? Что вы делали? Документацию приняли? С людьми познакомились? Боевые листки после боевых действий выпущены? Пьянствуете? — кричал майор Золотарев, замполит полка.

Он продолжал нести какую-то чепуху, этот круглый майор, свежий выпускник Политической академии. На душе закипала злобная ярость, я готов был его придушить от внезапно нахлынувшей ненависти. Люди воюют, занимаются делом, а тут такой бред.

Микола пообещал все упущения устранить, и мы дружно выскочили из кабинета.

Вот так встреча с начальством после возвращения из Баграма!

— Вот сволочь! Ты смотри, какой холеный, гладкий. Гад блатной. Тридцать лет, а уже замполит полка, — возмущился я.

Майор Золотарев нам обоим жутко не понравился. Скользкий, бегущий взгляд, он был какой-то весь мешковатый, говорил монотонно, противным дремлющим голосом, речь как у новобранца, призванного в армию из сельской глубинки.

С Николой они лицом были чем-то похожи. Второй замполит по спецпропаганде продолжил накачку о том, чем надо заняться. Ленкомнатой, наглядной агитацией...

Секретарь парткома и секретарь комитета комсомола потребовали восстановления партийной и комсомольской документации. Пропагандист — оформить планы работы с личным составом за этот год. Какие могут быть планы, меня же полгода не было тут? А в ответ: «Принимать надо было хозяйство от предшественника».

Да, дела! У Миколы ситуация не лучше. Не было ничего — совершенно никаких документов.

Я перерыл бумажки Алексеева. Какие-то листочки, обрывки, начатые тетрадки, да и написана в них была сплошная белиберда. Ну и влип. От чего уехал, к тому и приехал.

Нашел пару сержантов, числившихся комсоргами, заставил под диктовку заполнять дневники комсгруппоргов. Бред! Они смотрели на меня круглыми глазами, как на мудака. Я и сам себя ощущал полным идиотом. Люди с боя пришли, а я какую-то ахинею диктую.

Нашелся солдат, умеющий рисовать и с хорошим почерком, опять же под мою диктовку он сделал четыре боевых листка для взводов. На обороте старой стенгазеты выпустили новую. Ватмана не нашлось.

А в ленкомнате работы!

Неделю писал, писал, писал Диктовал, диктовал. Разгреб весь завал за семь месяцев.

Неустроенность продолжала лежать на душе камнем. Спал в каптерке рядом со старшиной, там поставили вторую койку для меня: мое место было занято еще не уехавшим Алексеевым.

Каждую ночь город обстреливали реактивными снарядами. Некоторые из них падали на территорию полка. Стреляли из-за горы, возвышавшейся над нашей частью, с противоположной стороны. Между казармами после второго обстрела, когда осколками ранило троих гражданских служащих и прапорщика, командир приказал вырыть щели-укрытия. Снаряд пробил крышу модуля, когда ребята сидели за очередной бутылкой водки. Не все даже поняли, что произошло. Это избавило их от болевого шока.

— Видимо, большой караван пришел из Пакистана — реактивные снаряды совсем не экономят, — задумчиво произнес Кавун ночью во время очередного обстрела.

— А, почему, Ваня, наша артиллерия их никак не накроет? — поинтересовался я.

— Попробуй их вычислить! Район большой, а ни одного поста, вот и нет для орудий корректировки. С вечера на ослах и барбухайках (машинах) подвезут сто-двести «ЭРэСов», а затем с доски стреляют. Два «духа», провод, батарейка — вот и все. Шума много — толку мало. Не прицельно, не эффективно, но очень громко. Главное на психику давит, и отчетность наглядная каждый день. Утром все иностранные корреспонденты докладывают на Запад про успехи повстанцев.

— Часто так обстреливают?

— Нет, такого еще не бывало. Что-то замышляют. Но я думаю: эта наглость долго продолжаться не будет, что-нибудь предпримем. Вот тут-то и начнется наша с тобой работа, Ник!

Какое-то время я, как и все ночью, сидел в окопчиках, но потом надоело. Утром, не выспавшись, работать тяжело, и старшина предложил дрыхнуть в каптерке на матрасах.

— Если будет прямое попадание, то в окно, возможно, успеем выпрыгнуть. В принципе, могут и в блиндаж попасть.

Ротный принял решение больше не прятаться. Я составил ему компанию на соседней стопке одеял.

— Тут начался новый аврал — пополнение. Пополнение было худое, затурканное, замученное. Солдаты стояли и смотрели на нас, офицеров, затравленными, испуганными глазами.

Быстро отправили дембелей в Союз, чтоб не мучали молодежь, не мешались.

Когда я уже завывал от бессильной злобы на этот «бумажный дурдом» и нервотрепку, пришел из штаба ротный и объявил:

— Все! Завтра на боевые! Радуйся, замполит, отдохнешь от бумажек. На войну!

Ура! На войну. Завтра. Ну и дурак же я! Чему радуюсь? Зачем сюда поперся? Война! А вдруг убьют?.. Напросился сам, и обвинить было некого. Доброволец хренов.

Рота гудела и суетилась, как растревоженный улей. Завтра выход в боевой рейд, операция в районе поселка Пагман. Меня била мелкая дрожь возбуждения от неизвестного, неизведанного. Завтра могут и убить — «вот пуля пролетела и ага!». Готов ли я морально и физически, сам не мог понять.

— Замполь! Нервничаешь? — поинтересовался ротный

— Да, есть немного. Не знаю, что взять, что надеть?

— Ну, ничего, мы со старшиной оденем. Итак! Я тебе подарю свою вторую песочку — костюм такой, очень удобно ходить в жару, он как из парусины. Дам лифчик-нагрудник. Спальник и кроссовки есть?

— Спальник мне подарил Алексеев, а кроссовки куплю.

— Вот и хорошо, а остальное имущество старшина выдаст. Давай шуруй в каптерку.

В каптерке старшина-армянин, довольный вниманием к нему, обрадованно засутился вокруг меня. Выдал фляжки, вещмешок, ложку, котелок.

— Давай, замполит, не дрейфь. Веронян тебя и соберет, проводит и дождетя. Все живыми вернетесь, все будет хорошо.

Получил закрепленный за мной АКС-74, взял четыре гранаты, две пачки патронов в лифчик и четыре рожка, снаряженных патронами, пару сигнальных ракет. Кинул в рюкзак мешочек с еще парой сотен патронов.

Взводные проверяли готовность бойцов, продолжалась суета, и конца ей было не видно. Носили сухпай в БМП, стоящие в автопарке, пополняли боекомплект, носили баки с водой, вещи и грузили, грузили, грузили. Из каптерок волокли старые матрасы, чайники, какое-то огромное количество барахла. Сначала мы сами выявляли недостатки. Проверяли снова и снова, осматривали экипировку.

После обеда начальник штаба построил батальон. Зло шевеля усами, ходил по ротам, орал, язвил, ругал командиров рот и дал время на устранение еще уймы недостатков.

Через час построил батальон вновь и доложил комбату о готовности.

Комбат, подполковник Цыганок, бродил по ротам ленивой походкой, всем видом показывал, что он болен, устал и делает одолжение этому батальону, проверяя его. Затем пошел докладывать в штаб о готовности.

На боевые вел начштаба майор Подорожник. Комбат сачковал, зная, что через месяц уходит на повышение.

Через час теперь уже офицеры управления полка изучали готовность тех, кто шел в рейд. Командование строевой смотр решило повторить, но времени не хватило, сроки выхода сократили.

Ротный показал мне БМП, на которой предстояло ехать старшим.

— Садись на башню, самое идеальное место, а бойцы сами знают, где и как ехать. Главное — это будь всегда на связи.

Я забрался на машину, сел на край люка, солдаты разместились на броне, и вскоре полк начал медленно вытягиваться в колонну.

Между колесными машинами вставали БМП-2 для защиты тыловых подразделений. Техника не спеша выдвигалась из полка и растягивалась по дороге. Когда головные машины миновали дорогу к штабу армии, замыкание колонны полка еще подтягивалось из парка.

Ко мне на БМП сел старший лейтенант из управления полка — секретарь комитета комсомола Артюхин.

— Григорий! Ты что меня пасти будешь?

— Да нет, я от замполита полка послан с батальоном, ну и с тобой веселей будет. Матрас в десантное отделение бросил?

— Да, бойцы в каждый отсек их накидали.

Гриша Артюхин раньше служил в разведбате, а в Афгане находился уже год, он был старше меня года на четыре, очень самоуверенный и меня просто раздражал своими нравоучениями. Я с ним познакомился в день отъезда Алексева, они вместе учились. В нашей комнате он показал мне и Мелещенко несколько фотографий, от вида которых я оказался в шоковом состоянии. Это были снимки ущелья, заполненного трупами наших солдат и афганцев. В основном афганцев. Они лежали вповалку друг на друге, истерзанные и окровавленные. Григорий пояснил, что это Панджшер — лагерь пленных. «Духи» всех расстреляли, отступая, когда разведка его обнаружила, и наши попытались штурмом освободить лагерь. Работа подручных Ахмат Шаха, его банда «потрудилась». Кошмар и ужас.

Уже вечерело, мы входили в центр Кабула. Множество разных кунгов выехали из штаба армии, еще больше тыловых машин, поэтому мы ползли очень медленно.

Августовское солнце нещадно палило, броня была раскалена, несмотря на то, что день заканчивался и солнце клонилось к горам. Полк застрял напротив здания афганского Министерства обороны. Стояли

долго, бойцы дремали, привалившись друг к другу, держась за автоматы, засунутые прикладами между фальшбортами.

— Ники! Я завтра выплыву, а тебе чего рядом сидеть? Ложись в десант, потом поменяемся, — предложил старший лейтенант.

— А связь?

— Я на связи посижу, давай шлемофон, — успокоил Григорий.

В левом десантном отделении было пусто, я бросил рядом автомат, лифчик не расстегнул, захлопнул люк, но сон не шел. Лежал, скрючившись, и нервничал, а вдруг из гранатомета в борт бахнут, вдруг подрыв, а вдруг нападение. Было душно, неудобно, непривычно.

Колонна двигалась короткими рывками, метров по сто-двести. Трясло, качало, и тут меня понемногу сморило, что-то снилось мирное и домашнее.

Резко распахнулся люк. В кроссовки кто-то пнул. Спросонья схватился за автомат и начал отбрыкиваться ногами.

— Ника! Ник! — пытался разбудить меня «комсомолец». Он принялся усиленно трясти меня за ногу и вытягивать наружу.

Голова постепенно начала соображать, и реальность возвратилась со всей своей гнетущей тяжестью бытия. Свежий воздух заполнил десантное отделение, мозги прояснились. Тельняшка, мокрая от пота, липла к телу. Выбрался на асфальт. Колонна стояла в центре города. Мы все еще в Кабуле!.. Звездное небо было чистым, ни облачка, ни тучки. Ночная прохлада освежала, город спал, и только техника злобно урчала, загаживая выхлопными газами воздух. В ответ лаяли собаки.

Мы поменялись местами с Григорием, я сел на башню, свесив ноги в люк, надел шлемофон, повесил на крышку люка автомат, огляделся. Бойцы по-прежнему дремали. Механик нервно курил: спать нельзя, и поэтому ему было досадно. Наводчик-оператор храпел в башне, откинувшись на сиденье. Зам. комвзвода Назимов, из старослужащих, лежал на башне между люками, задрал ноги на пушку. Интересно, как это он держался во время движения и не упал?

Я поднял голову вверх, посмотрел внимательно и обомлел. Черное небо все в звездах было огромным и бесконечным. Чем больше я в него глядел, тем больше казалось, что оно опускается все ниже и ниже, а я влетаю в него. Эта картина успокаивала. Чаще всего по ночам люди спят и не видят звезд. А вот когда на них долго смотришь, как я сейчас, то словно летишь среди звезд.

Действительно, возникало ощущение полета в бесконечность, бесконечность, которую трудно понять. Она реальна и нереальна.

Колонна продолжала медленно ползти. На перекрестке стояли БТРы комендантской службы, на земле сидели «царандоевцы» (афганское МВД) и грелись у костерков.

Дремота из-за унылого движения техники со скоростью пешехода не исчезала. Даже ночная прохлада сон не разгоняла. Механик-водитель во время остановки заботливо накинул мне на плечи бушлат. В наушниках слышно было, как время от времени начальник штаба батальона кого-то ругал, но в основном раздавалось только шипение радиостанции.

Под утро я уткнулся лбом в люк и оказался в мире непонятных и жутких сновидений.

Солнце выбралось из-за горного хребта быстро, как будто спешило излить свою огненную злобу на пришедших чужаков. Ветер приносил утреннюю свежесть, пока было прохладно. Колотила нервная дрожь.

Вся долина, куда собиралась техника батальона, медленно заполнялась машинами множества штабов.

Вдруг раздался грохот и налетел огненный смерч. Установки «Градов» и «Ураганов» начали сеять смерть в горах, вдаль посылая снаряды. Огненные хвосты исчезали сериями в небе. Не хотелось бы попасть туда, куда эти снаряды упадут. Они были похожи на кометы, только не падающие, а взлетающие. Но где-то эти кометы обрушатся на землю и будут сеять смерть.

Батальон рассредоточился на ротные колонны, занял оборону, экипажи принялись строить небольшие укрепления из камней вокруг машин.

Пехота, матерясь и подгоняя друг друга, начала строиться у БМП повзводно и поротно. Ротные ушли на КП полка. Пока мы разбирались с солдатами, Кавун вернулся.

— Офицеры, ко мне! Прапорщик тоже, — сказал он специально для командира гранатометно-пулеметного взвода Голубева (старый пройдоха попытался прилечь у пулемета). — Задача такая: рота действует отдельно. На трех машинах нас подбросят вот к этой отметке. — Ротный ткнул в точку на карте. — Седлаем хребет над шоссе и контролируем соседний кишлак, все подходы к дороге. Ждем удара со стороны горы Курук, ну и, вообще, отовсюду. Рядом не будет никого. Техника сразу уйдет, — продолжил ротный.

Ваня почесал затылок и, сморщив веснушчатый нос, простонал:

— Эх, где же моя долгожданная замена!

Вот уже десять минут как мы ползли по склону все выше и выше. Первый подъем в горы.

— Ну, как дела, Ника? — спросил командир роты.

— Тяжеловато, жарко! — промямлил я ему в ответ, желая болтать не было.

— Это все ерунда пока. Разминка. Вот когда тысячи на три будем ползти или совершим марш километров на тридцать по хребтам, вот тут ты маму-папу вспомнишь, пожалеешь, что родился. А пока тренируйся, привыкай, — посоветовал он и дружески похлопал меня по спине.

В лощине двигались два силуэта. Кавун взглянул в бинокль и задумчиво сам себя спросил:

— Что за черт этих баб здесь носит?

Вдруг раздался выстрел, и одна из женских фигур завалилась на бок, узел, который она несла, упал к ногам.

— Кто стрелял?! — заорал Иван. — Какая сволочь бабу убила? Кто?

— Я стрелял! — задорно крикнул, закидывая снайперскую винтовку за спину, солдат. — Еще не известно: под этой паранджей ханумка или «дух» бородатый.

Это все произнес Тарчук, один из двух спецназовцев, которые после госпиталя попали к нам в батальон перед рейдом на доукомплектование. Ротный подошел к нему вплотную, зло взглянул в глаза снайперу и резким ударом в челюсть сбил его с ног.

— Без моего разрешения даже не дыши! Еще один такой выстрел, мудака, и ты труп! За эту бабу нам таких п... лей могут навалить. А роте тут целую неделю сидеть. Если что случится, я тебе вторую ноздрю разорву. — Одна из ноздрей солдата была рассечена, вся правая щека в шрамах от осколков. — Тут тебе не анархия, спецназ забудь. Я для тебя царь и бог. — И слегка пнув в бок снайпера, ротный переступил через него.

Тарчук что-то прошипел, я склонился над ним.

— Что шипишь как гадюка? Зубы мешают? Добавить?

Такой ласки от меня солдат не ожидал. Он сел, сплюнув кровь себе под ноги, и ехидно пробормотал:

— Руки распускает ротный, неуставные взаимоотношения. А замполит не замечает, да?

— Нет, замечаю, могу добавить. А пикнешь, пойдешь под трибунал за бесчинство над местным населением. Заткни пасть, вытри физиономию и шагай в гору.

Я догонял капитана, пот лил ручейками по лицу и спине, снаряжение тянуло назад, ноги вверх идти не хотели, но все же, преодолевая тяжесть в ногах, добрался до легко шагавшего командира.

— Командир! Может, не надо было ему морду разбивать? Стуканет в полку, шуму не оберемся!

— Не стуканет. «Ноздря» будет молчать. Не понимаешь еще, какая сволочь к нам попала? Убийцы. Мало ли за что его к нам сослали. После госпиталя в спецназ не забрали, а сбагрили нам. А почему? То-то и оно, что сволочь, видно, большая, вот они его и сплавии. Наркоша, наверняка! Присмотрись. Надо и нам от него избавиться. Устроил, гад, приветствие от «шурави» аборигенам.

Через полчаса рота выбралась на небольшое плато. Командир разделил роту по трем точкам. Первый взвод и ГПВ посадил чуть выше, второй взвод и зам. ком. роты — на левую вершинку, третий взвод и управление с приданными саперами, минометчиками с минометом, арткорректировщиком — справа и по центру плато.

Солдаты бодро и дружно взялись строить что-то непонятное.

— Иван, что они городят?

— А это СПС называется — стрелково-противопульное сооружение. В таких СПСах спать будем, а если нападение, то из них отбиваться. В горах окопы не роют.

— Понятно, а я-то думал: как мы оборону будем занимать?

Я все ломал голову: что же будет дальше?

Ночь приближалась. Вокруг на многие километры других наших подразделений больше не было.

Как быть с охраной? А если все заснут и нас перережут во сне? Почему ротный не отдает приказы?

Ротный заулыбался в ответ на мою тревогу.

— Ник! Они все знают и без меня. Зам. комвзвода сейчас распределяет по времени и по количеству постов солдат. Мы, то есть ты и взводные ночью будете их проверять, чтоб не спали и охраняли мой сон заменика. — И он заулыбался своей красивой улыбкой.

— Пошли обедать!

— Да я еще ничего не достал и не открывал сухпай.

— Эх! Всему тебя учить! Солдаты давно все приготовили. Отдай зам. комвзвода свои банки в общий котел, а они все сделают и позовут. Санинструктор, чай готов? — рывкнул Ваня.

— Чай, чай, — проворчал сержант Томилин. — Я шо, кашевар что ли? Наверное, узбеки уже усэ сварили.

— Так уточни! А то сам будешь кипятить. Ты что не беспокоишься о здоровье командира-заменика? Чем недоволен, Бандера?

— Чем недоволен, чем недоволен? — забурчал Степан. — Один идиот выстрелил, а теперь, п... лей получит вся рота! А мне потом перевязывать. Вбыв бы, дурака!

— Степан, не философствуй, не бубни, не разглагольствуй. Сказано про чай узнать, а не насчет придурков возмущаться.

Томилин, ворча под нос, ушел к разведенному за грудой камней костру и, все еще ворча и чертыхаясь, пришел с двумя кружками.

— Чай подан! — произнес он с достоинством и высокомерием опытного официанта ресторана «Метрополь». — Сейчас будет еще и каша.

— А бифштекс? А фрукты? Витамины где? — с наигранным изумлением произнес Кавун.

— Нема, ничего бильше.

Иван, притворившись раздосадованным, вздохнул и подытожил:

— Да, Степан, не видать тебе дембеля, если будешь меня так плохо лелеять. Я же до замены не дотяну. Печень большая после желтухи, чем будешь ее спасать, медицина?

— Може вашей сгущенкой!

— Ну, вот, — улыбаясь, продолжал театр одного актера командир, — сгущенка опять моя, нет чтоб своей лечить!

— Свою я и сам зым, тоже пора здоровье беречь к дембелю.

— Здоровье беречь! Тебе еще год по горам ползать!

— Не год, а восемь месяцев!

— Эх, если б мне столько еще было, я б, Степан, повесился!

— А шо тогда замполиту делать з его двумя роками? — съехидничал сержант.

— Два раза повеситься! — весело заржал капитан. — Лейтенант! Ты даже представить не можешь, сколько тебе не то что до замены, до отпуска! Ну, не грусти, пей чай и береги здоровье. Расслабься.

Я сразу загрустил от нахлынувших мыслей о предстоящих двух годах с их бесконечными походами по горам.

— Хто-то идет к нам и не понятно як! — доложил подошедший зам. комвзвода сержант Дубино.

— Как это «не понятно как»? — переспросил ротный

— А так! Вы посмотрите.

В распадок между двумя склонами входила отара овец, а по склону на одной ноге, опираясь на костыль и палку, скакал парнишка. Прыгал, поднимаясь к нам, да так ловко, что вскоре был уже рядом и что-то кричал.

— Просит не стрелять, — перевел пулеметчик-таджик.

— Зибоев, скажи, пусть хромает сюда, не тронем. Всем по СПСам и не торчать столбами, чтоб не сосчитал. Зибоев, переводить будешь!

Через пару минут на вершину выбрался мальчишка без правой ноги ниже колена, опирающийся на самодельные костыли. Весь черный то ли от загара, то ли от грязи. Сверкая белыми зубами, сразу начал что-то быстро-быстро рассказывать.

— Говорит, что они из кишлака — того вон рядом у дороги, просят больше не стрелять, кишлак не трогать, его не обижать, овец не убивать, — перевел солдат.

Командир заверил его, что все будет нормально, стрельбы не будет, если в нас не будут стрелять.

— А зачем ханумку убили? — перевел Зибоев.

Ротный со злостью взглянул в сторону снайпера и с простодушным видом ответил:

— Переведи ему: не разглядели, ошиблись, показалось, что душман убегает. А если кто-то не верит, захочет отомстить, разнесем весь кишлак. Пусть садится чай пить.

Мальчишка ловко сел на землю, опираясь на костыль. Солдаты выделили ему банку с налитым в нее кипятком, заварку, кусок сухаря, сахар.

Я глядел на мальчишку, и мне было дико от этого зрелища. Пастушок без ноги, совсем ребенок, лет одиннадцать-двенадцать. Но как ловко передвигается. Вот он — один из кошмаров войны. Одна из невинных жертв этой «мясорубки». Война становилась все реальней, принимала все более ясные очертания.

— Что с ногой? Ты, наверное, душман? Ногу «шурави» отстрелили? — пошутил санинструктор. — Хочешь, пришью. Я медик!

Мальчишка засмеялся грубоватой шутке и начал что-то быстро трещать переводчику.

— На мину наступил года три назад, давно привык, обойдется без пришивания ноги, — перевел Зибоев.

Паренек встал на ногу, подхватил костыли, попрощался и заторопился вниз к огарю и второму пастуху.

— Парламентер! Все обсмотрел, всех сосчитал, чертенюк, если «духи» рядом — все будут про нас знать, — подвел итоги переговоров командир. — Офицеров ко мне на совет.

Когда командиры собрались, Иван поставил задачу на ночь:

— Охранение усилить! Офицерам проверять посты всю ночь. Пастухи — это «духовская» разведка. Еще, твою мать, бабу убили зазря! Тарчука самого бы вместо нее прибить на месте. Мины собрать с взводов к миномету, ленты к АГС и «Утесу» снести, не забыть. Связистам не спать, быть постоянно на связи, поставить растяжки из сигналок и гранат, но подальше, а то свои, засранцы, подорвутся. Да ставить, как стемнеет, и

чтоб не видно было, где ставим. И поаккуратней, чтобы сами ставящие не подорвались. Про ханумку я не докладываю, и ты, замполит, не сообщай. Местные, может, тоже жаловаться не будут, тут ведь территория «духовская». Думаю, все обойдется.

Вечерело. Солнце заползло за горный хребет. На душе было мутно. Мы убили женщину. Ни за что. Мальчик бегаёт без ноги и пасёт отару овец. Все это «благодаря» нашей интернациональной помощи. А «духов» я ещё не видел.

Солнце резко упало за вершину горы, и природа вся задышала. Сразу подул легкий свежий ветерок, трава ожила, послышалось трещание сверчков.

Кавун окликнул меня из укрытия:

— Ник, ты чего не ложишься? Сейчас Бандера, толстожопый, разляжется, тебе места не будет. Надо скорей устраиваться, пока он с радиостанцией на всю лежанку не развалился!

— Так уж и «толстожопый»? Я просто в кости широкий, — отшутился Томилин.

— Степан! Ты почему на Бандеру не обижаешься? — поинтересовался я.

— А чего обижаться, хороший быв чоловик. Люди его любят.

Я опешил. Вот те раз. Этот хохол с Западной Украины меня озадачил своим заявлением.

— Томилин! Ты же комсомолец! Бандера — бандит!

— Ну, так уж и бандит, у нас у сели тильки так не считают.

Ротный заржал.

— Томилин, ты ж комсомолец! Это ж как в анекдоте: и пулемет застрочил с новой силой без патронов. Ха-ха. Вот так, замполит, хохол хохлу рознь. Правильно, Степан?

— Я не хохол, я украинець! — поправил важно Томилин с сильнейшим украинским акцентом.

— А я хохол, — уточнил ротный, — и жить буду там, где лучше.

— Вань, — чуть позже толкнул его я и спросил: — А в чем разница: хохол, украинець?

— Ах-ха-ха! Об этом у начальника штаба Иваныча спроси. Он любит на эту тему разглагольствовать. Все. Спать давай.

Я лежал и смотрел в черное-черное небо. Сон не шел. Было неудобно. Война под боком, внизу «духовской» кишлак, где-то рядом банда, их, может, больше чем нас, а мы спокойно завалялись и спим, выставив небольшое охранение. Снимут часовых и перережут как баранов.

Легкий ветерок обдувал лицо, и после дневного зноя было просто замечательно. Только камушки кололи в спину сквозь спальный мешок и одежду, да автомат и магазины упирались в бок. Неудобно, непривычно. Закрыв глаза, но глаза сами собой открывались. Небо было настолько великолепным, а звезды такими необыкновенно яркими и близкими, что опять возникло ощущение полета. Было никак не уснуть. Ворочаться не получалось, так как наши тела были спрессованы малым пространством укрытия. Я расстегнул молнию на спальном мешке и вылез, стараясь не помешать сопящим соседям.

Надел кроссовки, взял автомат и стал обходить посты. Все три поста управления меня окликнули. Солдаты еще не спали, и бодрствовали не только часовые.

Лейтенант Саня Корнилов болтал с арткорректировщиком, подсев к ним, попил душистого чая, мы потравили анекдоты. Но жутковатые, неприятные ощущения не пропали. Александр, как и я, пошел в первый раз на боевые и чувствовалось, что нервничает не меньше. Обговорили очередность проверки постов, завел часы на четыре утра — мое время проверки и вернулся к своему «ложу». Храпел санинструктор выразительно, но после солидного тычка в бок сразу ответил:

— На связи. Усэ нормально. Не сплю.

— Ну и не спи, а то храпишь, как паровозный котел.

— Так я шо, я ведь слышу усэ. Сна ни-ни, та вы ж ошиблись.

— Глаза закрыл, наверное, сало привиделось, вот и захрапел.

— Не, я дивчин люблю бильше сала.

Со второй попытки я уснул быстрее.

Утром запиликал будильник на электронных часах, и я нехотя открыл глаза. Вылезать из теплого пухового укрытия не хотелось совсем. Еще было темно, но уже намечался рассвет. Все было пронизано сыростью выпавшей росы, а ветерок, который вечером доставлял удовольствие, теперь вызывал дрожь во всем теле и физические страдания.

Связист ответил в полудреме, что все нормально, недавно взводный бродил, проверял, во взводах все тихо и спокойно.

На постах бойцы тряслись от холодной сырости, а молодые солдаты еще и от страха.

Сколько я в низину не вглядывался, видно ничего не было: туман накрыл ущелье. Если бы курил, то покурил бы, а так попил водички, съел конфету, пожевал галету. Чтобы занять чем-нибудь мозг, я пересчитал проведенные в этой дикой стране дни. Меньше месяца.

После завтрака ротный собрал офицеров.

— Солдат нужно чем-то занять. Чтоб не бездельничали, пусть строят ячейки для стрельбы лежа, еще СПСы для круговой обороны и по очереди чистят оружие.

Я пошел по взводам. Поговорил с молодежью. Многие боятся, устали. Как и я, плохо представляют, что может случиться в любой момент.

Зам. командира роты Сергей Грошиков позвал к себе в гости. Он сидел выше нас и хорошо устроился с прапорщиком Голубевым. Они играли в карты, а третьего, видно, не хватало.

— Ник, в «кинга» сыграем? — предложил Сергей. — А то мы двое старых контуженых воина скучаем, как два дурака, умного не хватает.

— А как тебя контузило?

— Старая история. В Панджшере это было еще в прошлый год. Шли на вершину, а тут камушек из-под моей ноги выскользнул, скотина! Лечу по гладкой стене вниз головой, лицом вверх, как Иисус Христос, руки в разные стороны. Пятками и ногтями пытаюсь тормозить, метров тридцать скользил в ущелье, пока голова на какой-то валун не наткнулась. Ни как меня нашли, ни что дальше было — ничего не помню. Когда через полчаса или час вытащили и промедола (обезболивающего) два шприц-тюбика вкололи, очухался и ржу, прямо как идиот. Твой предшественник думал, что я от страха тронулся. А меня заклинило, я ведь на голове стоял полчаса. Руки не работают, ноги не идут, голова «не варит», одежда в крови, лицо в крови. Вертушкой вывезли в Кабул, оттуда в Ташкент. Оказалось, сотрясение мозга и трещина черепа, маленькая-маленькая, компрессионный перелом позвоночника, хорошо без смещений. Вот что значит голова дубовая — все выдержала! — и Сергей раскатисто засмеялся.

— А на меня стена дувала рухнула от взрывной волны. Присыпало очень хорошо, очнулся — ничего не слышу. Водку пить запретили. Три месяца терпел, а тут еще, когда понемножку начал кирять, борьбу за трезвость начали. Вот уж, действительно, пришла беда, отворяй ворота, — грустно вздохнул Голубев.

Грошиков финал рассказа прапорщика вновь сопровождал раскатистым смехом.

— Ты еще с Колобком плохо знаком. Тот дважды контужен, и у него вместо мозгов одно сплошное мозговое месиво, — подытожил Сергей.

Как же не знаком — знаком. На третий вечер приезда в полк и на второй день загула, после рейда дверь нашей ротной офицерской комнаты в общаге распахнулась от сильного пинка. На пороге стояли, обнявшись, Сергей и Колобков, в тельняшках и трусах. В руках по бутылке водки. Врубили музыку на всю катушку, и начались дикие

пляски аборигенов. Ах, ох!!! Схватили каждый по трофейной сабле и давай фехтовать, а затем рубить металлические дужки коек. Когда умаялись, рухнули на койки и уснули. Мои глаза стали квадратными, потом круглыми и нормальную форму приняли не скоро. Я просто обалдел от этого «представления».

— Ну, ладно, давайте играть, — сказал я.

Подбежал солдат с радиостанцией к нашему укрытию.

— Товарищ старший лейтенант! Командир роты!

— Второй слушает!

— Внизу родник, можешь сходить за водой. Прикрытие твоё.

— Понял. Выдвигаюсь.

— Ник, за водой пойдём? Голубев будет здесь прикрывать, а мы водички попьём. Пойдешь? — предложил Сергей.

— Пойдем! От родника я на КП роты вернусь.

Три бойца собрали фляжки со всего взвода и, поставив для прикрытия пулеметчика на вершине, спустились к роднику.

Бойцы наполняли фляжки, умывались. Мы тоже умылись.

Сергея, глупо и нагло улыбаясь, вдруг заявил:

— Не люблю замполитов, хочешь сейчас тебя грохну? Из этого автомата?

Я понял, что это его очередная идиотская шутка, и поддержал игру.

— Стреляй, псих, — сказал я как можно равнодушной.

Он отсоединил магазин и направил на меня автомат.

— Испытание замполита на пуленепробиваемость!

Стало неприятно и как-то не по себе.

— Хватит глупостей, придурок!

Но Грошиков, ухмыляясь, нажал на спусковой крючок, раздался выстрел. Серега посерел в одно мгновение, потом побелел как лист бумаги, руки у него задрожали, автомат упал в ручей.

— Я ж-ж жив? — с трудом выдавил я из себя.

— Ник! Прости болвана, дурака, я не понял, как получилось, что патрон был в патроннике!!! Идиот! — И он врезал себе в лоб кулаком-кувалдой. — А что ты жужжишь?

— Да как говорится, сама б-б... и шутки б-б... ские. Спасибо, что не попал.

— Хорошо я взял выше плеча! Ну, дурак, ну дурак. — Он продолжал находиться в шоке, как и я.

— Видел дураков, но ты дурак самый отменный!

— Как я не попал?! Как я не попал? Боже!

— Переживаешь или жалеешь, что промазал? — спросил я, мои руки и ноги при этом подергивались мелкой дрожью, сердце стучало, как молот, но вида не подавал, что страшно.

Бойцы сидели как вкопанные и ошалело смотрели на нас. Было тихо, словно на кладбище, лишь недалеко журчал ручей. Пауза затянулась.

— Ротный на связи, — вымолвил солдат с радиостанцией и протянул наушник Грошикову.

Дрожащими пальцами Сергей взял наушник, ответил в ларингофон:

— Второй на связи!

Выслушав ротного, сказал:

— У нас все нормально, поднимаемся!

И уже мне крикнул:

— Поднимаемся через КП.

Нагруженные флягами, солдаты медленно брели вверх по склону.

— Никифор, прости меня. Я хотел пошутить, глупо получилось. — Серега обнял меня за плечи, сжал руку. — Прости, честное слово, все получилось глупо. С меня по возвращению накрытый стол.

— Да пошел ты, отвали.

— Как будто тебя каждый день расстреливают! Это же событие! Ну, все забыли, хорошо?

Наверху стоял ротный, усмехаясь, смотрел на нас, руки в карманах, лицо злое-презлое.

— Что было?

— Да я нечаянно замполита чуть не убил. Патрон в патроннике оказался. Глупо вышло

— Мозги через дырку в башке все вытекли? Или чуть-чуть еще есть?

— Ну, я пошутил, глупо получилось.

— Вижу, что не умно, на редкость не умно. В полку между рейдами все караулы будут твои. Чтoб дурь не кипела.

— Понял. Разрешите идти к себе, товарищ капитан?

— Давай, давай, и быстрее, а то еще в меня пальнешь, — насмешливо, все так же недобро глядя, произнес Кавун.

Ротный взглянул мне в глаза и вздохнул:

— С кем воюем, ну и офицеры: зеленые мальчишки и идиоты. Пойдем чай пить. Вояка... Как самочувствие?

— Да ничего, терпимо, могло быть и хуже.

— Могло... Списали бы на снайпера. Вот так. Как все было?

— Ай, глупость, глупая шутка. Идиотизм какой-то. Первый рейд — и погибнуть от пули своего же ненормального офицера.

— Кстати! Убивают, как правило, в основном новичков в первые месяцы и заменщиков, а также перед отпуском и после отпуска. Концентрации нет. Ну, вот мы с тобой в равном положении: и ты, и я в периоде повышенной убиваемости. Да только я об этой войне все знаю: знаю, когда пригнуться, когда упасть, где упасть, куда наступить, и мне всего месяц-другой остался, а тебе еще... Кто знает, что тебе предстоит? Эх, послужишь с мое, все испытаешь.

— А что было у тебя, Ваня? Самое жуткое?

— Самое жуткое? Я тогда был ротным в третьем батальоне, стоял на дороге к Джелалабаду. В зону нашей ответственности ввели спецназ из Союза. Удали, самодовольства, самоуверенности много, а мозгов и опыта мало. Они вошли батальоном в одно из ущелий, а поверху пустили лишь взвод. Взвод зажали, перебили за полчаса, а затем взялись за передовую роту. Мой пост был очень близко, ближе всех. На четырех БМП я примчался туда, но пробиться в ущелье не получилось: не было дороги. Когда мы подошли, бой еще шел, к нам выбрались несколько человек. Потом подоспели еще спецназовцы, и мы полезли в ущелье, но уже с хорошим прикрытием, да и вертушки помогали. Войти вошли, а добраться до них смогли только на следующий день. Вытаскивали их еще трое суток, одни трупы выносили, да еще под огнем, раненых почти не было. И вот, когда спасаешься, прикрываясь покойником, и с другой стороны лежит такой же убитый пацан мордой в песок, и пули свистят со всех сторон, тогда и маму вспомнишь, и бога позовешь. А, когда жрать хочешь, то жрешь, привалившись к мертвому телу, и банку для удобства на него поставишь. Вот так-то. Первые седые волосы в моей рыжей шевелюре я после этого обнаружил.

Мертвых устали выносить. Столько крови никогда больше не видел и надеюсь, не увижу. А Грошиков только харахорится и бравирует, а опыта никакого. Из полутора лет он девять месяцев по госпиталям да отпускам. Надежды на него, как на опытного командира, нет. Взводные — все новички, служат по одному месяцу. Ты такой же, — и вздохнув, продолжил: — Голубев — прапорщик опытный, но трусит после контузии. Вот такие дела. Держись меня, учись, запоминай. Старайся выжить!

— Иван, ты нас все пацанами называешь, а самому-то лет сколько?

— Двадцать семь. Но из них два — каждый год за три, понятно? Уже возраст!

Мне уже было значительно легче. После чая и консервов стало почти хорошо. Удивительно, но после шока аппетит разыгрался ни на шутку.

— Ложись-ка спать, я твои три часа контроля на себя беру, — сказал Иван. Еще неделю мы охраняли дорогу.

Женщину афганцы унесли и похоронили, пастухи больше к нам не приближались. По шоссе время от времени проходили колонны машин и боевой техники на большой скорости. Прямо под нашим расположением ржавело несколько остовов сгоревших машин и БТР — результаты засад мятежников.

На седьмые сутки в полночь получили задачу сниматься с позиции, создав заставу из десяти человек с тяжелым оружием и минометом. Остаться выпало Грошикову и Голубеву с расчетом АГС, пулеметом ПК и минометом. Выход к кишлаку остальной части роты — на три часа ночи.

Кавун собрал офицеров.

— Мужики, у нас всего двадцать восемь человек, оставляем вам восемь бойцов. Со всех уходящих снять лишний груз, весь сухпай и флаги с водой оставить тут. Выложить побольше гранат, запас патронов, «мухи». Берем минимум боеприпасов, в разумных пределах, конечно, каждый выгружает от всего имущества половину. Уходим как можно тише и быстрее. На окраину кишлака придет броня к четверем утра. Если что случится, нужно будет продержаться минут тридцать-сорок.

Час на сборы и всем тихо спускаться на КП роты, заставу оставим тут на моей точке. Растяжки, Серега, расставьте по всему периметру, сколько вам сидеть здесь — не знаю.

В три попрощались с заставой, Серега проводил меня напутствием: — Ну, после моего неудачного выстрела жить будешь долго. Ха-ха.

Двинулись. Быстрее, быстрее. Охранение метрах в пятидесяти, затем остальные. Идем тихо, почти беззвучно, мешки и вещи с вечера уложили хорошо, чтоб не стучали и не гремели.

На окраине кишлака прозвучал одиночный выстрел, пуля с визгом отрикошетила от асфальта и улетела в темноту. Затем раздалась очередь. Поверх голов залегших на обочине бойцов роты просвистели пули, и донесся гортанный крик.

Капитан по цепочке свистящим шепотом передал:

— Не стрелять, в бой не ввязываться, тихо!

— Не стрелять... Не стрелять...

— Не стрелять... — прошептала как один вся цепочка.

— Кто их знает, сколько тут «духов», а может, это «царандой»? Обойдемся без перестрелки, — прошептал Иван.

Мы, как призраки, стелясь по земле, уползали на окраину кишлака. Сколько «духов» может оказаться поблизости? Вступать в бой нельзя. Рота отползала все дальше и дальше.

На шоссе слышался шум приближающейся техники. Техника подходила все ближе и ближе. Наконец из темноты из-за поворота вырвались яркие огни фар, БМП затормозили возле нас, пушки повернули к жилищам. Мы загрузились за пару минут по машинам, которые мгновенно развернулись и умчались. Как будто нас здесь и не было.

* * *

Наших бойцов заменили десантниками через неделю. Больше с этой стороны «ЭРэСами» город не обстреливали.

Пока мы прикрывали дорогу, третья рота, прочесывая местность, нарвалась на банду и потеряла убитыми двух солдат. Отходивших человек десять «духов» прямой наводкой накрыли танкисты.

А нам повезло: мы были как на курорте. Мелещенко остался жив и шел ко мне навстречу, широко раскрыв объятия. На нем была дурацкая панاما, в которой он походил на пасечника. (Кличка Микола-пасечник надолго закрепилась за ним).

— Никифор, шо было, шо было! Пока вы там тащились, мы воевали!

Проходящий мимо Кавун заржал, услышав возбужденный рассказ насмерть перепуганного Мелещенко.

— Вояка! Штаны сухие? Все в порядке?

— Насмехаешься! А бой был такой ужасный, вот я, попав в историю! Думал в Кабуле будэ спокойно...

Мы с Иваном вместе рассмеялись над его грустной физиономией. Не повезло человеку.

Дивизия уходила. Суэта закончилась, колонна за колонной мы выдвигались на дорогу. Батальон разбросали ротами для охраны тылов. Жарища стояла невообразимая. Пыль, поднятая техникой, окутывала нас как одеяло, обволакивала, забивалась в глаза, нос, рот.

Афганские солдаты, бредущие мимо нас, в восторге глядели на начальника штаба батальона, майора Подорожника, величественно восседавшего на броне. Его усы топорщились в разные стороны и были каждый с банан средних размеров.

Проходивший мимо усатый афганский офицер остолбенел. Замер как вкопанный, затем что-то забормотал, округлив глаза, и поднял вверх одобрительно оттопыренный большой палец. Солдаты-афганцы окружили БМП и приветственно махали майору. Василий Иванович значительно и важно подкрутил усы и изрек:

— Бача! Вот когда такие же отрастишь, воевать хорошо научишься. Переводчик, переведи!

Сержант-таджик перевел, наши союзники одобрительно заулыбались.

— Карашо, командир, — произнес восхищенно афганец и, помахав рукой, пошел дальше.

Гордый начальник штаба оглядел неподвижную технику нашей роты и дал команду начать движение.

Лязгая и скрипя железом, техника ползла по грунтовке к Кабулу. Добравшись до асфальта, колонна двинулась быстрее и веселей. Снаряды расстреляны, продукты съедены, топливо истрачено — ехать легко.

Я с интересом разглядывал местность. В этой дикой, богом забытой стране мне предстояло выживать два года, если повезет.

Небольшие обработанные поля вокруг глиняных домов и всюду глиняные дувалы (заборы), огораживающие плохо ухоженные сады. Виноградники вокруг кишлаков. Время от времени мы проезжали мимо разбитых домов с провалившимися крышами, разрушенными дувалами, а вдоль дороги валялись сгоревшие КАМАЗы, ГАЗы, ЗИЛы, БТРы, что наводило на грустные мысли. Сколько жизней оборвалось и с той и с другой стороны?..

* * *

К вечеру, когда техника стояла в парке, оружие сдали в оружейку. Помылись в контейнере, изображавшем душевую. Меня позвал старшина Гога Веронян:

— Никифор, зайди, ждем тебя.

В каптерке сидел ротный, на столе стояла бутылка коньяка «Арагат», немного закуски.

— Давай по сто граммов выпьем за успешное возвращение. Ты в рубашке родился. Ротный сказал: Грошиков чуть не застрелил тебя. Дурак чокнутый. Мудак — что с него возьмешь.

— Старшина, я, сам знаешь, после гепатита, печень надо беречь, наливай грамм пятьдесят, а Нику — полную рюмку.

Старшина плеснул в стеклянный стакан армянской «огненной воды».

— За боевое крещение и чтоб так было каждый раз, оставайся живым! — изрек тост Иван.

Старшина налил нам по второй, сам вторую пить не стал.

— Теперь за замену! — и Ваня хряпнул по второй.

Старшина быстро налил чуть-чуть и тоже выпил. Я засмеялся:

— Что до замены немного?

— До февраля, а в худшем случае до апреля.

— Сглазить боишься?

Ротный усмехнулся:

— Да, что с ним в каптерке будет? Разве что матрасами завалит.

Прапорщик начал горячиться и быстро трещать, захлебываясь от возмущения.

— Ваня! Я что никогда не ходил с вами? Я ходил, а кто из старшин ходит? Никто. Работы сколько! Имущество все никак не списать. После капитана Беды столько осталось хвостов еще, а тебе ведь роту сдавать.

— Да, ладно, не верещи, главное, чтоб у меня с заменой проблем не было. Без тебя как-нибудь обойдемся. Хотя и трудно мне с вами. Взводные все новые, замполит только пришел, техник — «стакан», а зам «контуженый». А до замены ты, Ники, должен меня оберегать. Дома дочка и жена ждут. Хорошо бы каждый раз так спокойно обходилось.

Целую неделю проводились занятия по натаскиванию молодых солдат, подготовка их к боевым действиям. Механики и наводчики-операторы готовили БМП: заряжали боекомплект, проверяли и ремонтировали ходовую часть и движки.

Как-то утром командир полка срочно собрал всех офицеров.

— Товарищи офицеры, послезавтра выход в Джелалабад. Полк там еще не был, район новый для нас, задачи будут известны только завтра, сегодня получить карты и готовиться к выходу. Начальникам служб — обеспечить всем необходимым, пополнить боезапас, продукты получить на трое суток, составить списки убывающих и подать в штаб.

Началась суeta. Солдаты, как шустрые муравьи, стали таскать туда-сюда мешки, коробки, вещи, боеприпасы. Составили списки, подали в штаб. Получили команду разбить роту по восемь человек для десантирования вертолетами.

Второй замполит полка, по кличке Муссолини, вызвал всех своих подчиненных к себе.

— Получить листовки для распространения среди местного населения, агитационные ракеты (в них тоже листовки); выпустить боевые листки, назначить актив и подать списки актива, провести собрания, инструктажи.

Какой бред! Зачем эти боевые листки? Сам-то, наверное, соображает, что это маразм. Отрывать людей сейчас от дела собраниями, стенгазетами... Если я попытаюсь сделать пятую часть из того, что сказано, ротный и офицеры пошлют подальше. За выполнение третьей части я б на их месте дал в морду, а за претворение в жизнь всей программы — можно бы и пристрелить. Главное — это не нужно никому, в том числе и самому Мусалиеву. Затем «комсомолец», парторг и «пропагандист» добавили свои умные распоряжения.

Мелентий Митрашу, зам. командира второй роты, как более опытный, возмущался меньше всех.

— Мужики, меньше сотрясайте воздух: он сам понимает, что в наших глазах он мудака, но ему ж тоже такую же ахинею рекомендуют начальники. Пойдем лучше пообедаем, да вовремя доложим о сделанном. Обед — главное дело на войне. Я в Панджшерской операции в прошлом году наголодался. Привезут солдат, а уже через месяц почти все в госпиталях — заболели. Дистрофия и гепатит. Один солдат из вертушки выбрался, мешок тяжелый, автомат, еще много всего на него навешано, а лезть по крутой горе метров восемьсот. Снизу вверх посмотришь — голова кру-

жится. Так вот, этот боец-писарь сразу ствол в рот и на спусковой крючок нажал — слизняк. Решил лучше сразу смерть, чем мучения смертельные без конца и края.

Так вот, когда от истощения умерли несколько человек, прибыла медкомиссия из Кабула, всех с гор спустили к броне и давай рост мерить да вес. А я исхудал, форма оборванная была, без знаков различия и звездочек, х/б на мне еле висело. Встал на весы — 65 килограммов, а рост 189 сантиметров. Медсестра врачу говорит: «Дефицит веса двадцать килограмм». Врач как засуетился. Скорей в госпиталь! В вертолет его! Как фамилия солдата?

— Старший лейтенант Митрашу, говорю, Мелентий Александрович. Зам.комроты по политчасти. Полковник-медик череп почесал, похмыкал и изрек: «Вообще-то страшного ничего нет, все в пределах нормы, возвращайтесь в роту». Вот так-то, такие дела. А как хотелось на белых простынях поваляться, поесть, отоспаться, медсестру обнять какую-нибудь. Поэтому еда в нашей жизни — задача первостепенной важности.

— Ну, тогда пойдем «почуфаним», — подытожил Мелещенко.

— Пойдем поедем, — поддержал его оду чревуоугодию Мелентий. — Вообще, от сильного напряжения и стрессов слишком часто крыша съезжает у солдат. Эх, в той Панджшерской операции я был совсем зеленым, только из Союза приехал и попал во второй батальон. Он тогда тоже был рейдовый, это он потом встал в Баграмской «зеленке» по заставам. У одного бойца мозги с катушек слетели — бросил мешок и пошел в долину к «духам». Ротный попытался его остановить, успокоить, догнал, а тот, молча, автомат наставил ему в живот и дал очередь. Мы все были гораздо выше, быстро спустились, перевязали командира, выносить стали на площадку для приземления вертушки. Смотрим, а солдат уже в долине и убегает все дальше и дальше. Навели на квадрат артиллерию и ударили «Градами». Реактивные снаряды легли хорошо, кучно. Позже тело подобрали и в Кабул вывезли, списали гниду на «духов». А ротный выжил, кишки малость укоротили, но выжил. Только в Афган он уже не вернулся. Эх, хороший был командир. Душевный.

— Мелентий, а как ты в батальон наш попал? — поинтересовался я.

— Ты про Масленкина слышал?

— Слышал, что погиб парень. Часто все его вспоминают, намекая на какую-то трагедию, но толком никто ничего не говорит.

— История такая. В декабре прошлого года он прибыл, а в январе через месяц операция проводилась в Пагмане. Спустился Масленкин в кишлак с десятью солдатами за водой. Дело темное, как было на самом деле — никто не знает. Ротный доложил, что разрешил за водой спуститься, а кто говорит, что сам надумал в кишлак сходить за барашком: сержанты упростили.

Вообще, до кишлака было далеко, и пространство было не простреливаемое с гор, совсем неприкрытое. В долине нарвались на «духов». Патронов с собой взяли мало, только то, что в лифчиках, а некоторые были с единственным магазином. Батальон был разбросан далеко по задачам. В роте взвод от взвода находился на большом расстоянии. Один сержант только и уполз по арыку, отстреливаясь, остальных постреляли и порезали. Лейтенанту мошонку на лицо натянули и член в рот вставили. Кишлак мы через неделю отбили, тела вытащили, дома все с землей сровняли. Но кому от этого легче? Солдат изуродовали, но Масленкину досталось хуже всего. Так-то. Опыта не было: первый раз шел в рейд.

Поэтому, парни, повнимательней будьте, не лезьте туда, куда собака свой конец не сунет. Набирайтесь опыта. Убивают всегда новичков. Выдержал вначале, приуловился — будешь жить. Повоюешь и заменят.

Вот такие невеселые истории поведал Мелентий Александрович перед боевыми действиями, зато поучительные.

* * *

За продовольственными складами разметили площадку для вертолетов. Вертушки я раньше видел в основном только в кино, а в Афгане летал один раз становиться на партучет из Кабула в Баграм.

Задачи ротам поставили уже на площадке. Секретность! Отметили точки на картах, разбили нас для десантирования по восемь человек. Через три часа ожидания появились вертолеты, и началось... Посадка — взлет, посадка — взлет... пыль, песок. Посадка — взлет. Батальонный разведвзвод разделили пополам, одна половина со мной.

Посадка. Ветер раздувает волосы, глаза запорошило пылью. Наклоняясь до земли, бредем к открытому люку.

Взлетели, а парашютов-то нет! Глянул вниз с замиранием сердца — земля все дальше и дальше. Страшно. Люди не видны, летим высоко. Постепенно наступило успокоение, и мысли приобрели философское направление.

Собьют? А может, нет. А если и собьют, может, сядем? А если погибнем? Ну не сейчас же, ведь могут убить в любой момент (погибают и в мирное время: машиной задавит, кирпич на голову, инфаркт).

Ладно, чепуха все это. Вон даже опытные солдатики хоть и бравируют, но заметно нервничают.

Батальон впервые десантировался на вертолетах.

Разведчику Гостенкову места на лавке откинутого сиденья не хватило, и он развалился на днище, вытянув ноги. Весь обвешанный и обмотанный лентами, в тельняшке, обняв ПК, он был похож на матроса-анархиста.

Постепенно началось снижение.

Вертолеты один за другим на бреющем полете стелились по изгибу речушки в ущелье. Вдруг вертушка оказалась над широкой долиной, похожей на зеленый остров между угрюмыми серыми скалами.

Внизу шел бой, и мы, высадившись, сразу же втянулись в него. Откуда били по нам, было не ясно, мы же стреляли во все стороны от площадки. Под прикрытием шквального огня батальон занимал позиции, расплываясь все шире по долине.

Ротный веселыми воплями встретил меня.

— Ну, что рэйнджер! Впереди «духи» уходят по ручью. Человек десять уже ускакали на лошадях. Прямо как в кино «Белое солнце пустыни». Кто только будет Суховым? Наверное, комбат. И где, черт возьми, Вересагин с пулеметом! Ха-ха.

Минометы били вглубь «зеленки», стреляли без треног с руки, толком не зная куда, а пехота понемногу ползла вперед — от куста к кусту, от бугра к бугру, от камня к камню. Пули свистели, рикошетили от булыжников. Попались по пути первые трупы животных и бородатых «духов».

А у нас в батальоне раненые. Опять раненые во второй роте. Кого-то унесли в приземляющиеся вертушки. Одних сюда, а других уже обратно.

Вот полк весь уже здесь. Разведбат и восемьдесят первый полк расположились по гребням ущелья. Десантники где-то рядом за перевалом.

Проползли открытое пространство и скорее в кишлак, который уже трясет разведка. Несколько «бородатых» валяются в овраге, на краю кишлака. Эти уйти не успели и бились до последнего патрона.

А что же я? Второй бой и никого не завалил, толком «духов» и не видел. Стрелял куда попало, впрочем, как и вся остальная рота.

Комбат Василий Иванович вызвал Кавуна, и вскоре тот вернулся хмурым и озабоченным.

— Ну вот, попали в переделку, черт. Тут «духов» больше, чем нас, раз в пять. Нога «шурави» никогда не ступала на эту помойку. Тебе задача — берешь трех бойцов и вон за крайним жилищем на горке занимаешь оборону. Ночью не спать. Ты в боевом охранении от нашей роты. Вот тут и тут будут от второй и третьей роты заставы. Не постреляйте друг друга. Бери людей из второго взвода. Ну, удачи! Костры не разводите! Маскироваться.

— Когда выходить? Пожрать бы, — вздохнул я.

— Выходить сейчас, а то совсем стемнеет. Скорее. На месте осмотришься. Поедите в дозоре холодные консервы. Быстрее бери солдат.

Тропинка вилась между заборов, выложенных из камней, все круче и круче, все выше забиралась моя группа. В сумерках выбрались на вершинку. Кишлак как на ладони, все в нем шевелилось. Огни, дым,

суета. А мы жевали сухари и холодную кашу с мясом, вернее с присутствием мяса.

Солнце рухнуло за горы, и темнота навалилась, словно нас укрыли темным одеялом. Подул ветер, свежесть перешла в прохладу, которая сменилась мерзкой сыростью. Постепенно и я, и бойцы замерзли, не согревали и бушлаты. Вот так-то. Конец августа — днем жара, а ночью холод собачий. Как говорится, из огня да в полымя. У меня бушлата не было, не взял по неопытности, поэтому накрылся расстегнутым спальным мешком.

Всю ночь мы дрожали на ветру, а утром выпала роса, так еще и промокли.

С рассветом спустились к своим злые, как черти. Но поспать и погреться не удалось. Командир полка ревел, как разбуженный медведь-шатун, и разгонял подразделения по задачам. Я поздоровался с нашими офицерами и тут же занял свое место в хвосте колонны. Ротный велел подгонять всех отстающих, и мы вместе с санинструктором побрели в замыкании. Бандера шел, как всегда бурча и ругаясь тихо себе под нос.

Цепочки солдат растянулись во все стороны, роты выходили на задачи. Где-то впереди по ущелью била артиллерия, в небе кружились вертолеты и с высоты посылали куда попало «нурсы». Зачищали для нас район. Как далеко предстоит идти! Подня роты ползла по горам, жарясь под лучами жестокого солнца. Грязь, пыль, пот. Солдатские х/б быстро пропитались им насквозь: больше всего тяжелого вооружения у расчетов. Особенно мешают движению навешанные на мешки ленты к пулеметам, мины к минометам и «мухи». Первый час я шел налегке, но постепенно, когда молодежь начала сдавать и выбиваться из сил, нагрузил на себя, что мог. Сначала повесил на шею ленту к пулемету, затем взял чей-то гранатомет. Расстрелять бы их куда-нибудь и выбросить. Да пока не в кого. И так несколько часов вверх-вниз.

К обеду добрались до убогих полуразрушенных артиллерией домов. Привал! Какое счастье!

— Офицеры, ко мне, — крикнул озабоченно Кавун. — Отцы-командиры! Задача: повзводно прочесываем местность, ищем оружие и боеприпасы. Нам придаются саперы, самим никуда не лезть. Вот с нами работает командир саперов — старший лейтенант Шипилов. Опытный офицер — опыт отражен на физиономии, — заулыбался Кавун. — Выполнять при поиске и разминировании его указания. Инструктируй народ!

Плотный, с квадратным лицом сапер действительно имел внушительный вид. Подбородок был рассечен глубоким шрамом, такой же шрам пересекал щеку, а лоб и нос были испещрены следами осколков. Лицо

багровое то ли от ожога пороховым зарядом, то ли от постоянного обветривания. Коренастый, широкоплечий — настоящий мужик.

— Господа офицеры! Если не хотите иметь рожу как у меня и вообще хотите иметь лицо и руки, то никуда не лезьте. Рыть землю носом будут саперы, а вы их охраняйте. Ну, и помогайте выносить, если что найдем.

— Да, вот еще что — таскаем все сюда. Здесь и площадка хорошая для вертолетов, если будет что вывозить — вывезут. За работу! — скомандовал ротный.

Вскоре появились первые результаты. Шипилов оказался мастером своего дела. В тайнике в камнях обнаружил цинки с патронами, ящик с гранатами. В сарае первый взвод обнаружил ДШК и больше сотни выстрелов (зарядов) к гранатометам и безоткатному оружию, несколько сотен ящиков патронов к пулемету, больше сотни мин «итальянок». В еще одной хибаре оказался миномет и сотни мин к нему. На наши доклады в ответ был слышен радостный визг комбата и комполка. И тут нам повезло по-царски. Солдаты нашли склад спальных мешков, очень легких, хотя и не очень теплых, поролоновых, а не пуховых, как у меня и ротного. Но это была огромная удача. Двести спальных мешков, склад с продовольствием, склад с медикаментами! Горы трофеев все росли и росли. Вскоре к нам спустилась группа с КП полка, и, набрав спальных мешков для штаба, все очень довольные трофеями удалились. Пришли такие же ходоки с КП батальона и из других рот, нагрузились продуктами, спальниками. Санинструкторы выбрали таблетки, порошки, бинты. Явился медик-прапорщик Айзенберг, по кличке Папа, со своими санитарями. В куче медикаментов лежали сотни пакетов итальянского кровезаменителя. Наш был разлит в пятисотграммовые стеклянные банки, часто бился и разливался, да к тому же, вливая его, необходимо было емкость держать на весу.

— Смотри-ка, как хитро придумано. — Почесал задумчиво затылок прапорщик. — Иглу втыкают в живот, а пакет под зад или под спину, жидкость и поступает, постепенно выдавливаясь. А мы как мудаки должны стоять с банками под обстрелом.

— Да, они раненому «духу» втыкают один пакет с иглой и оставляют еще несколько в запас. Бросят «духа» в пещере или травой закидают и уходят. «Душок» оклемается, отлежится днем, а ночью, если выживет, его забирают или уползет сам, — включился в разговор Степан. — Мы в Панджшере одного такого нашли, весь пакетами обложен. Ему не повезло, никакие лекарства не помогли. Скончался от второй порции моего свинца. Да и Васька весь магазин в него всадил за шестьсот восьмую уничтоженную БМП, за сгоревших ребят.

Степан грустно вздохнул и закурил.

— Степа, ты у нас не скорой помощью работаешь, а патологоанатомом, — улыбнулся Кавун.

С КП полка по тропинке примчался авианаводчик с охраной и принялся сажать вертолеты.

Через полчаса прилетела первая пара «Ми-8», и вертолеты сели на разные ярусы возделанных полей. Солдаты, как муравьи, забегали и быстро заполнили их трофеями. Затащили ДШК, несколько запасных стволов к нему, цинки с патронами, миномет и несколько старых винтовок «Бур» с патронами. В небе тем временем кружили два «Ми-24» и осуществляли прикрытие. Пара вертушек, загрузившись, взлетела и на их место села следующая. В них принялись грузить мины «итальянки», снова патроны, ящики с гранатами. Когда приземлилась третья пара, из вертолета выскочил борттехник и направился к нам.

— Командир, что будем вывозить? Что грузить?

— Вон еще цинков сто к ДШК, штук сорок выстрелов к РПГ к «безоткатке», РС штук сорок, мин штук столько же.

— Черт! Сколько же вы нагребли этого барахла?

— Да, уж немало!

— А что-нибудь повкуснее?

— Что у нас вкусенького? Ящик печенья, бочка варенья. Но мы «мальчиши — плохиши» и ничего этого не дадим!

— Братцы! Ну, правда, что-нибудь подарите, чего не жалко.

— Ладно, у нас есть десять мешков муки и пять мешков сахара, мешки с рисом, ящик чая. Но носите все это сами.

К вертолету потянулась вторая цепочка, но уже из вертолетчиков. Забрав половину продуктов, вертолетчики улетели.

Третья пара вертушек прилетела через полтора часа, но загружать боеприпасы никто не стал. Затащили мешки и ящики, затем медикаменты и спальники, те, что батальон не разобрал по ротам.

На прощание все тот же шустрый борттехник подбежал и пожал нам руки.

— Спасибо, ребята! Ох, и порадуетя эскадрилья сегодня! Все, что осталось, подрывайте. Больше не прилетим.

— Что, брагу будете делать? — улыбнулся Голубев.

— И брагу тоже. А то спирт кончился. До встречи. Если что, вызывайте! И вертушки умчались.

Штук сорок цинков с патронами остались валяться на земле, еще десятка три мин, выстрелы к «безоткатке» и «ЭРэСы», а солдаты все продолжали носить на КП роты из развалин боеприпасы.

— Что с этим всем делать будем? — поинтересовался Шипилов.

— Крот! А ты прекрати рыть землю носом, — огрызнулся Кавун.

— Капитан! Я же не нарочно. Боеприпасов как грибов в тайге. Я столько никогда не видел в жизни. Так, как проблему решаем?

— Как? А ты как предлагаешь?

— Я предлагаю: все пороховые заряды высыпаем в эту кучу мин, цинки вскрываем и патроны рассыпаем туда же, подожжем, пусть стреляют. А снаряды, РСы, гранаты складываем в избушку, самую крепкую. Я их в ней и подорву, когда будем уходить. Пусть в космос летит!

— Давай, крот, действуй, руководи! — согласился ротный.

Солдаты сложили все, что осталось, в кучу, снарядами нашпиговали самый крепкий дом, начали собираться отходить в горы.

Бойцы распотрошили ящики, тюки, коробки, набивая вещмешки чаем, сахаром, рисом и выбрасывая консервы с кашей.

— Степан! Что за чай? — поинтересовался я.

— О, это такая изумительная вещь. Самый замечательный, настоящий! — ответил сержант.

Я зачерпнул горсть мелких темно-зеленых горошин величиной с черной перец.

— Эти шарики — чай?

— Чай! Потом сварим, увидите и попробуете.

Все, что не смогли нести, рассыпали и сожгли. Степан тщательно растоптал два мешка лекарств — этого всего не забрать, тяжело.

Рота двинулась в горы, а внизу остались лишь три сапера и Шипилов.

Вскоре взлетел на воздух дом со снарядами, затем загорелась куча с патронами и минами. Треск выстрелов, разрывы патронов и гранат раздавались часа полтора, пока мы шли на точку для ночевки. Саперы догнали роту на гребне холмов и разместились вместе с нами на ночь. Все вымотались за день, и солдаты с большим трудом смогли нести охранение.

Утром в роту пришла группа управления батальона, затем разведрота и командир полка со своей свитой.

Командир полка толстый, как бегемот, ежеминутно вытирал пот со лба. Тяжело ему в сорок два года со своими ста десятью килограммами живого веса по горам ходить. Красный, как помидор, с трясущимися от усталости мясистыми губами и щеками, он пыхтел как паровоз.

— Ваня! Кавун! Вода есть? — прошептал Филатов с громким присвистом.

Ротный протянул командиру фляжку, и подполковник опустошил ее в три приема. Литр за минуту!

— Ваня! Молодцы! Вся рота — молодцы. Тебе орден «За службу Родине», Шипилову — «Красную звезду», офицерам и солдатам — медали. Всем! Такие результаты во всей армии никто не выдал. Молодцы!

И пошагал дальше, опустошив, между прочим, еще и мою фляжку, которую ротный ему щедро выделил. Сзади шел крепкий солдат с огромным мешком и двумя автоматами. Ординарец. Нам он осклабился улыбкой-grimасой и побрел за своим шефом.

— Не повезло солдату. Этот наш «боров» сам еле-еле идет, а если, не дай бог, ранят, ни за что на руках с гор не вынести. Только вертолетом, — усмехнулся прапорщик Голубев. — Меня, худенького, эвакуировать будет гораздо легче, но я уверен: до этого не дойдет. Разве что бухого, как свинью, но в таком виде бываю только в полку.

Мимо проходили рота за ротой на новые задачи. Нас оставили на месте, а остальные весь день прочесывали ущелье. Но больше Шипилов почти ничего не нашел. Несколько десятков цинков с патронами, несколько «ЭРэСов», еще миномет и мины к нему да несколько старых ружей.

Два дня рота «парилась» наверху, а батальон шарахался впустую по долине.

Мы сидели, лежали, спали, ели, пили. Все время пили замечательный чай. Чай, какого я в жизни никогда ранее не пробовал, больше не доводилось и впоследствии.

Шарики чая в кипятке раскрывались как цветочки и становились ароматными, душистыми. Чай был зеленым, я, правда, к такому чаю привык еще в Туркмении. Это было прекрасно!

Утром на третьей сутки двинулись в дорогу и мы. Батальон ждал роту в большом кишлаке. Все было вытряхнуто из домов на улочки: мука, рис, барахло, лавки, циновки. Я подобрал старинный радиоприемник, английский. Ему лет сорок, а может, и больше. Раритет. А тут в глуши он все работал и работал, люди его слушали. Единственная связь с цивилизацией. Сам ведь не знаю уже неделю, что в мире происходит. Как прошел последний футбольный тур? Выиграл ли «Спартак» у киевлян?

Я поставил приемник на край дувала и пошел по улице. За спиной раздавалась автоматная стрельба. Это Дубино пустил очередь в приемник.

— Зачем, сержант?

— Пусть не слушают «духовскую» пропаганду.

— Они дикари, но и ты далеко от них не ушел. С пальмы ты не спускался, потому что в Бульбении они не растут, но на елке или ты, или твои близкие предки жили совсем недавно.

— Предки это кто?

— Ты все равно не поймешь. Не забивай голову. Иди дальше, сержант.

Минометчики поймали двух лошадей и погрузили на них минометы, хитрецы. Переход, судя по расстоянию на карте, предстоял долгий. По хребту вверх, затем спуск в ущелье, подъем еще на хребет, марш по гребню и вновь спуск уже в долину, и наконец, бросок к технике по пересохшему руслу реки. Идти километров пятнадцать. Хорошо хоть

сухой паек съели, все легче. Разведчики и управление полка двинулись в горы, наша рота опять шла в замыкании. Бойцы грелись у костра, в который бросали корзины, циновки. В нем горело что-то подозрительно знакомое. Я подошел поближе и увидел свой немецкий пуховый спальник. Ротный мне, как не ходившему раньше по горам, выделил «ординарца» из взвода (Корнилова) для заботы обо мне. О ротном заботился медик Степан. Вот этот «ординарец» и жег мой драгоценный спальник.

— Ты что делаешь, гад? — заорал я.

— Чтоб «духам» не достался. Я его выбросил, — глядя мне в глаза, ответил глупо ухмылявшийся солдат.

— А с чего он «духам» бы достался-то?

— Да у него же замок сломался, я вам новый трофейный взял. А этот белый — тяжелый, и спать в нем жарко. А зеленый — легкий, новый, — принялся нахваливать спальник «ординарец»—узбек.

— Вот черт! Ну, подсунул второй взвод дегенерата! Легкий, новый! А зимой, что я буду делать в этом легком поролоновом? Он белый, потому что зимний!

Солдат глуповато хмыкнул, закосил глазом в сторону и принялся бочком-бочком литься к костру. Спальник трещал и вонял гусиным пухом. Хорошо горел. Пропал алексеевский подарок. Вот черт! (Больше я себе никогда «ординарцев» не брал.)

Ротный направился ко мне, посмотрел в костер, заматерился, плюнул в огонь и, похлопав одобряюще по плечу, отошел в сторону, командуя:

— Подъем! Начать движение. Первый взвод идет первый, затем ГПВ, второй и третий. Ник, берешь Дубино и Степана и в замыкании. Не отставайте! За нами никого, и «духи» наверняка будут наблюдать за отходом. Вперед, не отставать!

Взводный Голубев по примеру минометчиков загрузил на другого коня станок от «Утеса» и АГС. Рота по узкой тропинке двигалась все выше и выше и достигла середины этого серпантина, вьющегося к вершине. В этот момент почти с самого гребня сорвалась лошадь с минометом, кувыркаясь и ударяясь о камни и уступы, затем полетела в пропасть.

Комбат заорал на все ущелье и принялся крыть всех матом. Командир батареи Вася Степушкин, маленький, худенький, светловолосый капитан, как-то съежился и вжал голову в плечи. Получив нагоняй, он принялся организовывать экспедицию по подъему минометов. Это после того как два миномета просвистели до самого дна ущелья, впереди трупа животного.

Догнали нас солдаты с минометами уже на самой вершине. Гимнастерки от пота побелели и стали как корка.

Пришлось разгрузить свою лошадь и Голубеву. Нелегко было тянуть все тяжелое вооружение минометчикам и пулеметчикам. На привале ком-

бат перестроил порядок движения. Тылы уходили первыми, затем вторая и третья роты, минометчики разошлись поротно. Мы шли последними.

Замыкал движение разведзвод. Комбат уходил с нашей ротой. «Решил приобщиться к нашему подвигу, поближе к «героям», — пошутил ротный. Наконец после всех спусков и подъемов вышли на высокогорное плато. Тут размещалась кошара с овцами и низенькое строение из камня, почти нора, обложенная каменным забором. У входа в «нору» жалась женщина с грудным ребенком, рядом ползали еще пара ребятишек. У забора стоял высокий голубоглазый, чернобородый пуштун и что-то восторженно говорил, приветствовал, предлагая лепешки. Я и ротный взяли одну и разломали пополам, пожали ему руку и пошли дальше.

Абориген погладил руки комбата, помахал солдатам и что-то все горланил вслед. Едва мы скрылись за холмом, как раздался выстрел, и тут же послышался истеричный, дикий женский крик, полный ужаса.

Комбат развернулся и вместе с Айзенбергом побежал назад.

Кавун остановил роту, и мы заняли оборону. Маты Подорожника были слышны даже нам.

Минут через десять появился разведзвод, который подгонял командир батальона. Подорожник весь путь продолжал бить кулаком по голове и пинать ногами какого-то разведчика. Это был Тарчук (перед рейдом доукомплектовали разведзвод, и он, как бывший спецназовец, попросился к ним, а мы не возражали, ротный с радостью сделал этот «подарок», старший лейтенант Пыж не ведал, какой это «данайский дар»).

— Сволочь! Убийца! Мерзавец! — ревел комбат. — Ты зачем человека убил?!

— Не человека, а «духа», — пытался что-то мямлить в оправдание солдат, вытирая кровь с разбитых губ и носа.

— Кто приказал стрелять в человека?

— Никто! Мы, отходя, всегда пастухов убивали! Они все на «духов» работают!

— Здесь тебе не спецназ. Это армейский батальон, и ты, гнида, служишь в доблестном первом батальоне. Мразь! Убийца!

Солдат стоял и молчал, затравленно глядя исподлобья. Он был заметен испуган и не ожидал такого поворота событий.

— Негодяй! Этот мужик меня лепешкой угостил, руку жал. А ты его, как собаку, просто так, мимоходом застрелил! А там ребятишек трое. Теперь с голоду умрут.

Убить человека просто так, ради удовольствия — это выше моего понимания. В голове не укладывается, откуда взялся этот выродок. Ведь простой деревенский парень. А за месяц из озорства или еще, черт знает, зачем, как мух, застрелил двух человек. Изувер какой-то!

— Дать миномет недоделку, пусть трубу тащит! Автомат забрать, гранаты тоже. Нагрузить минами мешок, пусть корячится. Сволочь!

Комбат кипел, усы от негодования дрожали, он готов был сам застрелить этого мерзавца.

— Такому все равно в кого стрелять. Застрелит и ребенка, и беременную женщину. Нравится, наверное, война.

Переход длился день, а казалось, целую вечность, да еще двигаться приходилось под раскаленным солнцем. Хорошо, что броня зашла в сухое русло и встретила нас. В колонне ночью произошла катастрофа: улетел в пропасть БТР с командиром танкового батальона. Погибли два офицера и два солдата, трое было ранено. Кошмар!

Потом был двухсуточный марш. Еда на броне, костерки, разведенные у гусениц в колее. Пыль, пыль, пыль...

Колонна ползла со скоростью черепахи. Техника растянулась на многие километры. Мы уходили из района одни из последних. Цепочка машин петляла и ползла как гигантская змея. Правда, эта змея громыхала и пылила колесами и траками.

Ротный подозвал меня перекусить, и я бегом догнал его БМП. Техника стояла, не заглушая моторов, где-то что-то застряло.

— Какая мощь! Что скажешь, «замполь»? — спросил ротный.

— Да, впечатляет!

— Впечатляет... Вот смотри: тут собраны пара бригад материального обеспечения, бригада РЭБ, полк связи, артиллерийский полк, артиллерийская бригада, батальоны связи, еще черт знает что. Штабы, штабы, штабы. Сплошные кунги и будки на колесах. А в горы идут четыре «кастрированных» батальона. Мы в горах по отношению к «духам» всегда в меньшинстве. Одна надежда, что если прижмут, вызвать авиацию или артиллерию на себя, может, повезет и свои не зацепят.

— У меня из головы не выходит убитый афганец. Если мы тут убиваем просто так, то какую тогда интернациональную помощь оказываем? Этот пастух всю ночь не выходит у меня из головы. Так и стоит передо мной: руки жмет, лепешку сует. Глаза добрые. Рядом баба с детьми.

— Ну, этого ты видел глаза в глаза, а представь: прилетели вертолеты или авиация, бросили бомбы, пустили «нурсы» — и привет кишлаку вместе с детьми, стариками, ханумками. «Духи» или не «духи» — никто не разбирается. Посмотри, сколько вокруг развалин, тут жили до нас люди, взгляни, у каждого кишлака, за каждым домом свежие могилы, а за пять лет их, наверное, около миллиона.

— Кошмар. Неправда. Не может быть!

— Правда. Это война ради войны. Нужно армию где-то обкатать, вот и обкатывают. У американцев был Вьетнам для проверки армии и техники, а мы тут проверяем.

— Но до бесконечности это продолжаться не может.

— Не может. А может, и может. Как остановить войну? Как генералам и политикам сохранить лицо? Войну начать легко, а вот закончить трудно, очень трудно. Особенно вот такую партизанскую. Партизаны и каратели.

— Не ожидал оказаться карателем. Я ехал добровольцем сюда, как в тридцатые ехали в Испанию.

— Ошибся. Мы тут воюем с целым народом, почти со всей страной.

* * *

Колонна все тянулась и тянулась. Авангард уже вошел в Кабул, а мы все ехали и ехали. Несколько раз наносили удары прямо с дороги по окрестностям в ответ на выстрелы мятежников. Но это были вылазки сумасшедших. Шла исполинская сила. Артиллерия и авиация тотчас же перепыхивала тот квадрат, где что-то шевелилось.

* * *

В полку сразу началась неразбериха. Приказы сменяли один другой. Разгружаться — не разгружаться. Отдыхать — не отдыхать. Подать наградные списки, помыть людей, навести порядок. Солдаты сложили мешки, оружие поставили в оружейку, а боеприпасы не сдали. Ожидался новый выход. Куда — было не ясно. Обстановка в штабе была очень нервная, и никто ничего не мог понять. Командир полка приказал представить ротного и взводного сапера к орденам, отличившихся солдат и офицеров нашей роты — к медалям. Целую ночь писари трудились над представлениями на награды. Командир роты сиял.

— Ну вот, за полгода в первый раз в этом батальоне отметили. А то все чужак и чужак, «выкормыш с дороги». Орден «За службу Родине» 3-й степени! Такого ни у кого в батальоне нет. Красота. Ну, а всем вам зеленым салагам «За отвагу» — это что-то! По месяцу прослужили и уже к медалям. Ладно, я пойду, разомнусь беляньким, а вы тут порядок наводите. Завтра, если поступит команда, сдадим боеприпасы.

Допозднá наводили порядок, мыли бойцов, чистили оружие. Ушли в общежитие глубокой ночью.

* * *

— Всем встать! Бездельники! Где ротный? Почему зарядки в роте нет? Кто ответственный? Через пять минут построение. Со всеми офицерами

и прапорщиками! — проорал начальник штаба батальона, бегая по комнате, и затем пнул дверь, выскочив наружу.

Ротный был более-менее нормальный, только заспанный. Старшина храпел в каптерке, дежурный его не добудился. Вот и скандал — нет зарядки! Техник в шесть тридцать утра на ногах еле-еле стоял, а командир ГПВ даже на ноги встать не мог, пришлось строиться без него.

В других ротах было еще хуже, ряды командиров поределели, а стоящие на ногах качались. Наша рота держалась лучше всех.

— Товарищ капитан! Почему боеприпасы не сдали?

— Так вы же приказали не сдавать.

— Я ночью отдал другой приказ, и дежурный по роте его получил.

— Не знаю, разберусь!

— Разберись! Орденопросцы-орденоносцы! Хрен всем, а не ордена и медали. Бездельники! Техник пьян. Командир ГПВ где?

— Болит желудок...

— Желудок переполнен водкой? Ко мне его!

— Где наградные?

Быстро послали писаря в роту, и он примчался с пачкой бумаги.

— Вот, товарищ майор, — протянул я их начальнику штаба.

Подорожник взял пачку, посмотрел фамилии в листах и демонстративно медленно порвал все на четыре части и сунул мне обрывки в руку.

— Навести порядок, сдать боеприпасы, привести солдат и себя в божеский вид, построение через два часа. — И он ушел.

Комбата Цыганка нигде не было видно, опять в дивизию убыл, все должность в штабе пробивает. Командир роты собрал офицеров и задумчиво начал констатировать:

— Ах, Иваныч — сволочь. Завидует. Нашел причину докопаться. Выждал чуть-чуть и ужалил. Все раньше боялся, что я его подсижу. Мы результат за весь полк дали, а он с третьей ротой был, и нет ничего. Зам. комбата был со второй, и тоже нет ничего. Ну и хрен с ним. Сорвался такой красивый орден, а по большому счету нам орден не надо — замену давай.

— Может, отойдет, охладится? Успокоится? — спросил я.

— Да, уж нет. Не успокоится. Запомятный хохол, все бесится, что на боевые за комбата ходит, а не назначают никак на должность. Хрен ему по всей морде. Я вот тоже хохол, но не запомятный. Вполне даже добрый. Не настоящий, наверное. Ну, да ладно, спать хочется больше, чем получить еще один орден! Пошли все в задницу!

После Джелалабада я чувствовал себя в полку гораздо уверенней. В роте солдаты меня признали, а с офицерами я сдружился. Понемногу я привык к обстановке, освоился. Бытовые условия, конечно, отвратительны, но могло быть и хуже. Больше всего бесило то, что лишний раз помыться было невозможно. С боевых как-то вернулись, пыльные, грязные, а в полку воды ни холодной, ни горячей. Душевые заработали только утром. Солдаты и офицеры кое-как быстро помылись, а через полчаса, когда я только сел за оформление наградных на бойцов прозвучала сирена: «Тревога!».

Весь полк пришел в движение.

Срочный выход в Чарикарскую «зеленку». Начало марша через два часа. Только наши БМП разгрузили, а уже надо снова пополнять боеприпасы, получать продукты, экипироваться.

ЧП! С заставы второго батальона украли четырех солдат. Нужно попытаться отбить, хотя бы их тела.

Пехота носилась как угорелая. Техника потихоньку выползала из парка и строилась в колонну, а бойцы на медленном ходу загружали машины. За пару часов все более или менее было готово, и полковая колонна помчалась по Кабулу. Шла только броня и минимум колесных машин. Город проскочили быстро, регулировщики из комендатуры и афганцы обеспечивали «зеленую улицу». По «баграмке» мчались на всех парах. «Зеленка», мимо которой мы двигались, безмолвовала. Вдоль трассы сидело множество вооруженных афганцев в форме и не в форме. Кто его знает, кто они такие. Они не стреляют, и мы не стреляем. Сидят, значит, так и надо. На мой вопрос, кто это, ротный коротко ответил:

— «Духи».

— Как «духи»? С чего ты взял?

— А так — «духи»! Только мирные. Сегодня они за нас. А кем были вчера и кем будут завтра — неизвестно.

Колонна полка подошла к окраине Чарикара и замерла на обочине дороги. Я зашел на заставу поболтать с Витькой, замполитом местной роты. Солдаты показали, где его можно найти — в полевой ленкомнате. Там вдруг наткнулся на разглядывавшего развешанные по стенам плакаты майора Золотарева. За столами сидели несколько офицеров из второго батальона.

— Садитесь, товарищ лейтенант, — кивнул мне на свободную лавку замполит.

Я сел и загрустил. Вот незадача: попался на глаза, теперь не отвяжешься.

Зам. комбата по политчасти в рейд не пошел: опять давление подскочило, а я назначен за него и пока не попадался сегодня начальству. А вот сам же и нарвался. Все время как на войну идти, так этот Сидоренко болеет и болеет. А я почему-то отдуваться должен. Ну почему? Два месяца служу, а видел его раз шесть.

Тут зашли в помещение Микола, Мелентий и еще офицеры, замполиты рот и батальонов полка.

Оказалось, совещание, а я случайно забрел чуть-чуть раньше, чем меня оповестили.

— Товарищи офицеры, — грозно нахмурил брови наш начальник, — вы видите, какой тут бардак? Полный развал! Сарай, а не ленкомната, боевых листов нет, документация в завале, солдаты распущены и неопрятны. Анархия на заставах. А где замполиты батальона и роты? Чем занимаются? Только что коров сами не воруют!

Трое унылых офицеров поднялись и стояли красные, потные, смущенные.

— Ввожу в курс дела всех, кто не знает, — продолжал Золотарев монотонное свое бубнение. — Четверо солдат под руководством командира выносной заставы — прапорщика — украли корову и тащили ее к себе. Местные жители, видимо, услышали и захватили «героев» апрельской революции. Прапорщик убежал, сумел добраться до заставы, ранен, в госпитале огняли ногу.

Наступило гнетущее молчание. Мы все были в шоке.

— Товарищ майор! Разрешите возразить? — спросил какой-то капитан.

— Можете не возражать. Я знаю, что вы скажите. Вы не владеете обстановкой. Эти негодяи попались второй раз. Позавчера, оказывается, они уже украли эту корову. Их афганцы поймали, побили и отпустили. Побили потому, что солдаты были не вооружены. В этот раз они взяли автоматы, но почти не было боеприпасов. По магазину всего. Патроны кончились быстро. А у прапорщика был нагрудник с магазинами, вот он и отбил, убежал отстреливаясь. Мерзавец! Всех бросил.

Задача перед полком: пройти «зеленку» от Чарикарской дороги. Восемьдесят первый полк пойдет от Баграма вместе с разведбатом. Десантники сорок пятого полка пойдут со стороны гор. Но сначала артподготовка, будем бить, пока не отдадут тела. Всем по местам, по ротам! Ваши командиры сейчас получают указания.

Мы дружно встали и вышли в гробовой тишине из комнаты.

— Как дела? Что было на самом деле? — спросил Мелентий у парня из пятой роты.

— Б... ство! А кто его знает что? Прапор был на заставе старший. Солдаты толком ничего не говорят. Их сейчас особисты трясут. Но все, вроде, так и есть, а может, и не совсем. Прапор сказал, что побежал за ними вдогонку.

— Что с бойцами? — спросил я.

— Уже давно трупы. Их убили еще в винограднике. Фролов, уползая, слышал, как бойцов добивали. Гады! Звери! Скоты!

Артиллерия, танки, минометы принялись утюжить «зеленку». Артполк, разместившийся за дорогой, повел интенсивный огонь. Взрывы, словно огромные фонтаны, взметались в виноградниках. После выстрелов орудий крупного калибра целые дома взлетали и рассыпались. «Зеленку» застелило пеленой из пыли и дыма. «Ураганы» и «Грады» беспрерывно выплескивали залпы огня, заряжались и отправляли новую партию смертоносного груза в кишлак.

Мы шли к ротам, как вдруг примчался «бобик» — ГАЗ-69 с афганцами, облепившими машину со всех сторон. Они выгрузили из машины три скрюченных тела. Я подошел вместе с другими офицерами поближе.

Тела лежали в неестественных позах, без штанов, в крови и грязи. Оскальпированы и кастрированы. Кожа свисала ломтями с рук и ног.

— Н-да... Сварили, да еще раскаленным шомполом, как шашлык, проткнули. Мерзавцы!

Лейтенант-переводчик заговорил с ополченцами и, услышав ответ, перевел:

— Четвертого пока не нашли, автоматы «духи» не вернут. Мятежники ушли из кишлака. Солдаты — воры и жулики, грабили часто местных жителей. Воровали кур, овец, теперь украли корову. Вот и попались. Сняли с мальчишки пастуха часы. Он прибежал домой и рассказал, а в кишлаке отдыхала банда. Бойцам жутко не повезло. Эти болваны почти не сопротивлялись, патронов совсем мало было.

Комполка разъяренно пыхтел. Толстые мясистые щеки и губы нервно дрожали. Вид истерзанных солдат привел его в ярость, и он, как раненый слон, готов был растоптать все на своем пути. Его душа жаждала мести и крови.

— Артиллерист! — заорал «батя». — Огонь из всех стволов! Беспреданно, пока снаряды не кончатся. Снести, сровнять с землей эти чертовы дома. — Наши — гады, но и эти — звери. Огонь! Огонь!

Командование отдало приказ наносить удары до тех пор, пока не выдадут последнее тело и оружие.

Солдаты из подразделений, кто посмелее, сбегали и посмотрели на убитых, возвращаясь в глубоком шоке.

Во взводах стоял гул, все были возбуждены и негодовали. Батальон приготовился стереть в порошок лежавший перед нами кишлачок. В

роты распределили усиление: по два огнеметчика, по одному минометно-му расчету. Полковая бронегруппа, растянувшаяся вдоль дороги, развернула орудия. Танки, самоходные орудия, БМП, минометы «Василек» — все это начало утюжить подходы к селению, его западную окраину.

Несколькими колоннами подразделения проходили мимо молчаливых развалин. Ни малейших признаков жизни не наблюдалось. Мы осматривали дом за домом, двор за двором. Ни одно живой души. Сарай и подвалы забрасывались гранатами и дымовыми шашками. Все вокруг наполнилось едким дымом. Он клубился и поднимался из виноградников, из дворов. Кязиры (как ходы сообщений) нейтрализовали таким вот душающим способом. Есть ли там мирные жители, были ли там боевики? Кто знает... Колодцы глубокие, криков не слышно, и выбраться никто не сумеет при всем желании. Солдаты продвигались осторожно и, не спеша, осматривали все вокруг. Саперы шли впереди, снимая растяжки. Вдруг немного правее раздались выстрелы. Третья рота наткнулась на банду, и завязался бой. Мы ускорили движение и тоже наткнулись на группу из отходящих душманов. Короткая перестрелка — и «духи» ретировались, унося раненого или убитого, судя по крови на тропинке.

Ротный по связи передал приказ:

— Стоять. Темнеет. Занимаем оборону на ночь, соседи — третья рота справа, разведвзвод слева.

Взводы заняли оборону в брошенных строениях и принялись обживать.

Я, Сергей Острогин и лейтенант-минометчик подошли к огнеметчикам.

— Чего не стреляете, сержант? — спросил Сергей.

— Да вы ж не приказываете, мы и не дергаемся. Прикажете — стрельнем.

— Мужики! А покажите как, мы сами и бабахнем, — предложил им я.

Солдаты показали принцип действия, быстро все объяснили и выдали каждому по огнемету. Огнемет представлял собой толстую трубу с зарядом внутри (сюда целишься, сюда нажимаешь, отсюда летит, там взрывается, если попал, то кто-то сгорел).

Я осторожно взял огнемет в руки, тщательно прицелился в виднеющееся на переднем плане высокое строение. Полчаса назад там было видно какое-то движение. Выстрел — заряд влетел в окно, и большее сооружение сложилось, как картонный домик.

— У-ух ты, — единым выдохом произнесли все стоящие на крыше.

— Ура-а-а, — послышались восхищенные крики взвода.

— Теперь я, я! — заорал минометчик.

— Подожди! — одернул его Серега. — Иди вон из миномета стреляй. Дай нам самим пошалить!

Серж прицелился в другой дом — эффект тот же. Ура-ура-ура-ура! Бойцы смотрели как в кино на эффект объемного взрыва. Детский сад. Мы, правда, тоже не далеко ушли.

— Не высовываться! Всем в укрытие, — заорал подошедший Кавун. — Вы тут что за цирк устраиваете?

— Да, вот «шмель» осваиваем, — ответил я.

— Ну что ж, теперь и я освою.

Ротному показали как, и он выстрелил под наше дружное «ура». На связь вышел комбат Подорожник.

— Что за пальба? Чем стреляете?

— Подавили три огневые точки противника из «шмелей».

— Подавили... что-то я огневых точек не наблюдал. Разве оттуда по вам стреляли?

— Еще как.

— Больше не развлекаться. Хватит дома ломать!

Подорожника наконец-то утвердили в должности командира батальона, и он немного психовал.

— Да в общем-то, больше их целых и нет, — сказал ротный и, повернувшись к солдатам, Иван добавил: — Будем уходить — я выстрелю последний заряд. Ясно?

— Ясно, товарищ капитан. Стреляйте, не жалко, нам же легче: тащить не надо.

Ротный, улыбаясь, хлопнул по плечу взводного.

— Сергей! Ну что, угощайте чаем и ужином.

— Сейчас, сейчас. Плов, наверное, узбеки уже делают.

Все спустились вниз, оставив на крыше наблюдателя. Не спеша попили свежий, горячий, настоящий чай, не из пакетиков. Усталые, мы полулежали у самодельного стола из перевернутых ящиков.

Блаженство. Душа отдыхала. Ноги и спина гудели все тише и тише. Наступало расслабление, наваливалась дремота.

Командир тяжело вздохнул:

— Да, мужики, нам сегодня пока везет. Вторая рота на засаду нарвалась, два «карандаша» ранено. Третья рота попала на растяжки в винограднике — семеро раненых. На КП батальона снайпер убил минометчика.

— Кого? — встрепенулся лейтенант-минометчик.

— Субботина, прямо в висок.

— Субботина... Хороший был солдат... Жалко-то как. Вот б... и.

— Валера! Будем уходить все мины в «зеленку». Может, кого завалим. Нечего их туда-сюда таскать. Понятно?

— Понятно, товарищ капитан, — ответил лейтенант Радионов.

— Валера! А ты не родственник нашего высокого начальства?

— Нет, даже не однофамилец. У нас первые гласные в фамилии разные.

— Н-да... — задумчиво произнес Острогин, — с гласной тебе явно не повезло. А то ты бы сейчас не с нами в «зеленке» валялся, а где-нибудь в кабинете, в штабе, наградные на себя выписывал.

Мы дружно засмеялись. Валерий тоже смеялся, но довольно грустно.

Наступила ночь. Темная-темная, жуткая. Артиллерия продолжала изредка из чего-нибудь стрелять, в воздухе висели то световые мины, то «факела» (осветительные снаряды), то осветительные ракеты.

Время от времени трассы очередей вспарывали небо. Кто и зачем стрелял — неизвестно. Наверное, от страха или от тоски. Постепенно наступала прохлада, и с ней появилось множество комаров. Комары — это еще одно издевательство над усталым солдатом. Они проникали везде. Я забрался в спальник и закрыл лицо капюшоном от масхалата. Пищали эти гадости над самым ухом, время от времени бросались в атаку, заползали под одежду и кусали, кусали, кусали.

Нервы не выдержали, я встал, подсел к костру к бормочущим по-своему трем узбекам. Два однофамильца Якубовы и Исаков о чем-то весело вели свое непрерывное «хала-бала». Среди них очень выделялся Гурбон Якубов. Здоровенный парень с большой кудрявой головой и пухлыми губами, добрый и очень веселый. Все время что-то писал по-узбекски в тетрадь или блокнот.

За мной следом поднялся и ротный. Тоже не выдержал налета комаров.

— Якубов, чай есть? — спросил я, присаживаясь.

— Нальем, товарищ лейтенант. Есть, есть хороший чай, — затараторил Гурбон.

— Дружище, ты откуда родом? Хорошо по-русски говоришь.

— Я из Ферганы, из самой. Был шеф-поваром в ресторане, работал в интуристе. Я очень хороший повар, а стал в армии простым автоматчиком. Жаль, что не поваром служу.

— Ну что ж, будешь главным поваром третьего взвода, шеф-поваром третьего взвода первой роты первого батальона.

Бойцы дружно засмеялись. Якубов — громче всех, и его щеки тряслись как огромные узбекские лепешки-лаваши.

— А что ты все пишешь то в блокнот, то в тетрадь? Вроде не письма. Донесения Ахмат Шаху или Гульбедину Хекматияру? — спросил ротный.

— А кто это? Я их не знаю, — заинтересовался солдат.

— Да это местные главари бандитов. Наверное, пишешь, сколько у кого патронов, как зовут командира роты и сколько боевых листов у замполита в походной ленинской комнате, — продолжал Кавун, улыбаясь.

— Да нет, что вы, товарищ капитан! — испугался солдат и быстро затараторил: — Я пишу в блокнот, что вижу вокруг. В основном о природе, о своих ощущениях.

— А-а, ты сообщаешь наше передвижение, маршруты выдаешь! — воскликнул я с издевкой и с напускным подозрением.

— Что вы, что вы, товарищ лейтенант! Я описываю, где был, что видел, что было за день.

— Ну, а вот и шпион! В роте много пособников душманам, — грустно подытожил ротный. — Все смотрит, все записывает, все сообщает. Завтра расстреляем.

Якубов рухнул на колени.

— Товарищи офицеры, я об Афганистане пишу, о войне, интересно ведь.

Смеялись и хохотали все, кто не спал.

— Так, Якубов! Писать мемуары разрешаю, но особисту не показывай. Все, что сотворишь, на цензуру к замполиту. Будешь великим узбекским писателем — пришли книгу с автографом, — закончил со смехом Ваня.

— Есть, прислать книгу, — серьезно ответил Гурбон.

— Н-да... — задумчиво выдавил из себя ротный. — Были писатели-баталисты, а теперь пошли повара-баталисты. Где чай-то, Якубов, акын ты наш доморощенный?

Солдат засуетился, стал протягивать сахар, галеты, кружки, чайник. Предложил плов. Мы поели еще раз, попили чайку. Хорошо! Вкусно!

— Гурбон! Не знаю, какая у тебя будет книга и какой ты будешь писатель, но готовишь ты замечательно! — воскликнул я.

Все узбеки смеялись, давно догадавшись, что мы разыгрывали Якубова. Он и сам уже это понял и весело хохотал вместе с нами. Отойдя от костра, Иван задумчиво проговорил:

— Вот как плов сделать из ничего, чай приготовить, суп сварить — узбеки мастера. Но воевать — не любят страшно. А их третья часть роты. А теперь еще и повар-мемуарист на нашу голову. Пошли спать, замполит. Завтра рано вставать, наверняка. Пошлют, думаю, дальше прочесывать «зеленку». Наверное...

На рассвете меня растолкал связной от ротного.

— Товарищ лейтенант! К командиру.

Я нехотя натянул кроссовки, взял автомат и, почесывая укушенные руки и шею, побрел к Кавуну.

— Все! Уходим! Поднимаем солдат — и готовность к отходу. Хорошо, что штурм и прочесывание кишлаков отменили. А то вчерашние потери увеличились бы. Уходя, все минируем и поджигаем.

Рота зашевелилась. Заметно было, что солдаты радовались приказу, вперед идти не хотелось никому. Сарай с сеном задымился, все, что могло загореться, загорелось. Саперы поставили сюрпризы, взводы

потянулись из оставляемых укреплений. Я открыл дверь в дом, выдернул чеку из запала гранаты Ф-1, сунул ее в стакан. Стакан поставил на ребро двери, в угол — привет входящему. До свидания, ребята! Сюрприз от «шурави».

Откуда-то из глубины кишлака раздались выстрелы, пули застучали по дувалам. Что-то упало, бабахнув в стороне, там, где мы были недавно. Рядом разорвались несколько минометных мин. Уф! Успели уйти!

— Минометчик! Ответь тем же. Все мины расстрелять! — приказал ротный Радионову.

Минометчики установили миномет и взялись расстреливать оставшийся боезапас. Под эту «музыку» рота начала вытягиваться из укреплений в сторону дороги. Взвод за взводом, гуськом, шаг в шаг, след в след, нога в ногу, один за другим. Быстрее, быстрее из этой проклятой, ненавистой, жутко опасной и стреляющей со всех сторон «зеленки».

Дорога. Броня. Свои!... Живы!

Над головами пролетали снаряды, разрывались в глубине кишлачной зоны. Обработка огнем и металлом продолжалась.

Комбат собрал офицеров у командирской машины.

— Задачу выполнили, выдвигаемся через полчаса. Проверить еще раз личный состав, оружие и доложить. А то обратно в «зеленку» полезем, если кого забыли.

— Почему уходим так быстро? — поинтересовался Женька Жилин, командир третьей роты. — Что работы нет там уже?

— А твоя рота уже наработала! Виноградники хорошо облазили! Семь раненых. Или еще не все растяжки и ловушки ногами зацепили?

— Да что мы!

— Не пререкаться.

— Я и не...

— Молчать! Такие потери на ровном месте! Позор офицерам роты! Почему это ваше стадо носилось по арыкам и виноградникам? Почему не было управления?!

— Эх...

— Молчите? Вот и хорошо, что понимаете свою вину. Уходим, потому что последнее тело «духи» ночью подкинули. Оружие не вернули, да и не вернут. А полк должен готовиться к новой крупной операции. Выход через неделю. Потому и уходим в спешке. Но потом еще вернемся поработать.

— По машинам! — скомандовал зам. комбата Лонгинов, и все заспешили по местам.

— Вернемся сюда еще ни раз, — грустно вздохнул Острогин. — Будь она неладна эта «зеленка», проклятущее место.

Серезка Ветишин оказался в нашей роте совершенно случайно. Корнилов уехал в командировку сдавать технику, Грымов приболел, Грошиков повез сопровождать в Союз «груз 200» — получилась брешь среди офицеров.

Кавун подсуетился и выпросил в штабе полка молодого «летеху», прибывшего только на некоторое время, хотя бы на один рейд.

Он проходил по прямой замене из резерва ТуркВО во второй батальон. Но командир второго батальона, майор Папанов, об этом еще не знал, иначе бы мы парнишку ни за что не заполучили.

— Серезка! Если будешь себя хорошо вести, тогда мы тебя оставим себе, — пообещал Острогин.

— Я же не вещь! — возмутился Ветишин. — Как это вы меня оставите себе? Я, может быть, еще не захочу.

— Захочешь! Мы тебе понравимся. Отличный коллектив роты, ширкарный гарнизон, частые экскурсии в «оазисы», пешие прогулки по высокогорным «альпийским лугам», восхождения к снежным вершинам, воздушные путешествия на вертушках, регулярные стрельбы! Где еще такое найдешь? Не служба, а отдых и спортивные развлечения.

— Как интересно, — криво усмехнулся лейтенант Ветишин, — но что очереди из офицеров, стучащихся в двери вашей канцелярии, я не заметил. Кроме меня, конкуренты на замещение вакансий есть?

— Скажу тебе честно — нет! — вздохнул я. — И вряд ли когда-нибудь будут.

— Лейтенант, никто еще не говорил, что мы тебя возьмем в эту славную роту! — воскликнул Кавун и продолжил обработку: — Нужно оценить твои способности и возможности в деле. А скоро предстоит дивный рейд в район Бамиана, где стоят статуи Будды, вырубленные в скалах, которым около двух тысяч лет. Возможно, мы их увидим. Мечтал ты, лейтенант, о таком?

— Честно? Никогда. Мечтал о службе в Венгрии и Чехословакии!

— Но попал-то в Центральную Азию! — продолжил свою речь ротный. — А я, как опытный командир, прослуживший и на заставе и в рейдовом батальоне, скажу следующее: «Пусть у нас тяжело, пусть опасней, но все же это не одиночество на заставе в глубине «зеленки». Засунут тебя в нее, и выберешься оттуда уже только в отпуск или в госпиталь по болезни. Застава — это глиняная хибара, два десятка солдат с тремя БМП, а вокруг на многие километры кишлаки, виноградники и «духи». «Духи» мятежные и «договорные» отряды самообороны, которые сегодня друзья, а завтра уже враги».

— Через какое-то время завоюешь, как волк на луну по ночам, — засмеялся Веронян. — Можно будет биться головой о стенку, выть, орать,

материться, но все время сидеть безвылазно на одном и том же месте. Это как маленькая тюрьма.

Старшина говорил хрипло, с сильным армянским акцентом, и этот акцент почему-то особенно помогал ему сгущать краски и без того мрачной картины.

Ветихин непроизвольно передернул плечами, поежился и воскликнул:

— Ребята! Уже хочу к вам! На все согласен!

— Ха-ха-ха! — дружно засмеялись все.

— лейтенант, принимай взвод, все будет хорошо, — улыбнулся техник роты Федарович. — Что не знаешь — объясним, чего не умеешь — научим.

— Но-но! Не портить мальчишку! — воскликнул Кавун. — Чему ты, «старик», и Голубев можете научить, я знаю.

— Ну, какой же я старик? Мне всего-то тридцать шесть лет, — возмутился Федарович.

— Ну и что, тридцать шесть лет. Ты на себя в зеркало взгляни повнимательнее. По морщинам тебе все шестьдесят! Нужно меньше пить!

— Ну что, вы все время с замполитом об одном и том же: меньше пить, меньше пить! Я тут, можно сказать, веду не жизнь, а монашеское существование. Ни водки, ни женщин.

— Тимофей! Тебе сколько же водки требуется? — ужаснулся я.

— Еще столько же, и желаю не по двадцать чеков. По сорок чеков — это вообще разорение. Хочу по шесть рублей, как дома.

— По сорок чеков — ухмыльнулся Иван. — Не бери, не ходи к бабам и работягам-спекулянтам ночью за горячительными напитками. А то так и вернешься домой без магнитофона и без дубленки. Джинсы купить будет не на что, только мелочь на презервативы останется.

— Да черт с ним, с магнитофоном, главное — домой живым вернуться, а не в «ящике». Страшно, вот и пью, чтоб успокоить нервы. У меня, между прочим, трое детей дома, а я тут с вами гнию заживо.

— Без нас ты бы уже давно окоцурился! — рявкнул Кавун. — Я тебе скоро лечебно-трудоустройственной профилакторий устрою. Получку буду изымать и отдам перед отъездом замполиту, а то скоро печень совсем откажет. Скажи спасибо, что пить мешаем!

— Ну, спасибо! Разрешите выйти, товарищ капитан?

— Иди!

И техник, красный, как рак, от злости, вышел из канцелярии.

— Обиделся на правду. Но ничего, критика полезна, пусть злитесь на себя. Тебя это, Голубев, тоже касается, хватит водку жрать по ночам! — продолжил возмущаться ротный.

— А когда ее пить, родимую? Днем нельзя, выходных нет, но после рейда стресс снять ведь необходимо. Придумали Постановление в Политбюро и правительстве, а люди должны страдать.

— Сизый! Ты тоже свободен. Иди во взвод к бойцам и прекрати пьянствовать. Все, шагай отсюда, да и вы все остальные.

— лейтенант, тебе сколько лет? Ты такой юный, как первокурсник, — поинтересовался, присаживаясь на лавочку в беседке, Острогин.

Сергей действительно выглядел лет на восемнадцать. Розовый, как поросенок, голубоглазый, русоволосый, кудрявый ангелочек!

— Ребята, что вы, мне на днях будет двадцать один год. Я давно совершеннолетний и вполне взрослый.

— Девчата знакомые, наверное, сохнут по твоим ясным глазам, — прохрипел прокуренным голосом Голубев. — Эх, где моя молодость?

— Сизый, тебе тридцать девять лет, а ты из себя корчишь древнего старика, — ухмыльнулся я.

— Откуда к нам, Сергей, ты попал? — поинтересовался Острогин.

— Из резерва ТуркВо, три месяца сидел в учебном центре. Нас там триста лейтенантов было, на случай непредвиденных обстоятельств. Вот и сейчас кого-то во втором батальоне убили, я вместо него.

— Не повезло парню, — вздохнул Острогин. — Ну что ж, пойдём в бытовку, кинешь там свои вещи, койку Корнилова займешь, пока его нет. Все взводные и техник живут там, а ротный и замы, как «белая кость», в общежитии. Ночевать придется всего два дня, потом уходим в рейд.

* * *

— Товарищи офицеры! Разрешите войти, порядок навести? — поинтересовался заглянувший солдат.

— Чего тебе, Колесников? Какие проблемы? — удивился Острогин.

— Прибраться хочу. Помыть пол и протереть пыль.

— А ты что разве дневальный? По-моему, нет, — усомнился я. — Кто в наряде? Исаков, Алимов и Ташметов? Ну-ка, быстренько сюда Исакова!

В бытовку осторожно заглянул Исаков.

— Слушаю.

— Дневальный, почему Колесо прибежал убираться в бытовке вместо тебя?

— Мне не полежено.

— Не понял, — приподнял удивленно брови Сергей. — Повтори!

— Не буду мыть пол. Ведро, тряпка — для женщин.

Острогин взял тряпку в руки, намочил в ведре, выжал и протер угол, потом протянул Исакову:

— Теперь твоя очередь!

— Нет, не буду! Я не женщина. Нет.

Острогин ткнул тряпкой в грудь дневальному.

— Солдат, выполняй приказ наводить порядок! Я тебе приказываю! Товарищ солдат, я вам приказываю наводить порядок.

— Не буду, это дело русских, я не буду ничего делать.

— Ну, толстомордый, сам виноват, — воскликнул Острогин. — Сейчас у меня похудеешь, я с тебя спесь соблю.

Сергей сделал подсечку и повалил на пол узбека, сунул в его руки тряпку и принялся тереть ими пол. Солдат вырвался и принялся брыкаться и отбиваться, громко визжа и сильно лягаясь ногами. Ведро опрокинулось, и вода разлилась по бытовой комнате.

— Наводи порядок, Исаков, — предложил я. — Тебе же лучше будет, все равно заставим выполнить приказ.

— Нэ буду, гады, сволочи, «анайнский джалаян», пидо...

— Ах ты, мразь, — рявкнул Голубев и, схватив его за воротник, потянул по мокрому полу.

Солдат извернулся и ударил прапорщика ногой, свалил на пол и принялся душить. Мы схватили его за руки, за ноги и начали драить пол этим дневальным. Визги, хрипы, маты, вопли. Когда в бытовой комнате установился полный бедлам, скрутили ему руки за спину и повели в караульное помещение в камеру. Все его земляки собрались в коридоре и оживленно обсуждали происшедшее.

Начальник караула лейтенант Мигунько испуганно спросил:

— Что произошло, ребята?

— Бунт на корабле! Пусть посидит денек, успокоится, подумает, — ухмыльнулся Острогин.

— Я вас всех перестреляю, особенно тебя, лейтенант, ты покойник, — рычал и плакал Исаков, растирая по щекам слезы, слюни и сопли. Все лицо у него было исцарапано, нос разбит.

У Ветишина набухла ссадина над бровью, у Острогина сбиты были в кровь костяшки на руке, у нас с Голубевым исцарапаны подбородки и щеки.

— Щенок, я тебя в пропасть из вертолета сброшу, — зарычал командир ГПВ. — Ишь ты, вояка выискался, только рис, чай, да кур способен в кишлаках воровать, чмо болотное.

— Я снайпер, а не чмо, у меня два «духа» на счету, — рыдал Исаков. — Справились, да? Всех убью.

— Ну, все, через неделю заберем, когда успокоишься, — сказала я, и мы вышли из камеры.

— Мужики! — заволновался начальник караула. — Так не пойдет! Вы завтра уйдете воевать, а этого «бабуина» куда я дену? Решите что-нибудь в штабе батальона с арестом на семь суток.

— Решим, решим, все будет в порядке, я сейчас принесу записку об аресте. Договорюсь с Лонгиновым. Отсидит и дневальным по роте бесшумным будет. Никаких боевых. А то действительно подстрелит «летеху», он между прочим, Сережка, твой подчиненный.

— Ник, я знаю, уже один раз с ним беседовал. Ох, и взвод достался, из пятнадцати человек — всего два славянина.

— Если сейчас не слошим «мафию», то этот «бухарский халифат» нам устроит веселую жизнь. Молодежь совсем «затуркали»: каждый день синяки то у Свекольниковы, то у Колесникова, то у Царегородцева. Всем достается, — задумчиво процедил я сквозь зубы.

* * *

— Алимов! Ташметов! Тактагуров! Все ко мне! — прокричал Острогин, входя в казарму. — Взять тряпки, веники, ведра и мыть всю казарму, лично буду контролировать. Возражения есть?

— Нет. Никаких. Разве трудно? Мне никогда не трудно, — принялся быстро лопотать Алимов.

Схватил ведро, тряпку и начал убираться в бытовке. Остальные взялись за канцелярию и умывальник.

— Вот то-то! Видал, Сережка? Никому битым быть не хочется! Правильно, Алимов? — воскликнул Острогин.

Солдат заискивающе улыбнулся и кивнул в ответ.

— Снять всем ремни, сейчас буду бляхи выгибать, раздеться. Гимнастерки ушиты — разошьем, каблуки заточены на сапогах — срубим. Будете образцовыми солдатами.

Через полчаса у тумбочки дневального стоял в огромной пилотке, широченной гимнастерке, болтающейся как парашют, Алимов и глупо улыбался. Разогнутая бляха сломалась, и поэтому ремень он держал в руках вместе со штык-ножом. Каблуки на сапогах отсутствовали, и теперь он, и так небольшого расточка, стал еще короче.

В роту ворвался комбат.

— Что случилось? Что за мордобой? В чем дело? Под суд отправлю всех, сукины сыны! Не смей солдата пальцем трогать!

— А если он не выполняет приказ и молодежь лупит каждый день? Национальную рознь сеет, между прочим, русских, говорит, ненавижу.

— Стой, комиссар, успокойся. Не надо политику разводите. Сейчас наговоришь на такую статью УК, что хоть святых выноси. Вас наказывать пока не буду, солдата завтра с гауптвахты забрать, нечего ему в комнате пыток для допроса пленных сидеть. Он все же не «дух», а солдат Советской Армии. Сейчас же написать объяснительные записки и сдать их мне. Решение приму после рейда.

Комбат ушел, злобно шевеля усами.

— Разберусь как попало, накажу как-нибудь! Всегда мы у Подорожника виноватые, — вздохнул Острогин. — Не любит он нас, ой, не любит.

Все узбеки роты и еще несколько ходоков из других подразделений собрались в ленинской комнате и что-то оживленно обсуждали.

— Посторонние, марш отсюда! — скомандовал я.

— Это земляки пришли, — злобно прошипел Хайтбаев. — Поговорить не имеем права?

— Имеете право, но после дембеля, в Ташкенте. Кыш, я сказал, всем отсюда!

Что-то ворча под нос, пятеро солдат встали и вышли. Человек пятнадцать бойцов напряженно смотрели на меня.

— О чем задумались? Какие проблемы? Бунт организовываешь, Хайтбаев? Или ты зачинщик, Алимов?

— Нет-нет! — забормотал солдат. — Все хорошо.

— Хайтбаев, тебе, как боссу «мафии», я обещаю такую характеристику, что в университет не вернешься! Ишь ты, что удумали: русских молодых солдат каждый день избивать и за себя работать заставлять!

Вошел ротный и сходу отвесил три затрещины: Тактагурову, Алимову и Хайтбаеву. Остальные невольно вжали головы в плечи.

— Ах, «анайнский джалап», кутаки несчастные, я вам устрою сладкую жизнь! После рейда узбекский наряд по роте целый месяц! В полном составе! Касается всех! Якубовых, Хафизова, Рахманова и прочих участников бандитского сообщества. Исакову — никаких боевых действий. Вечный дневальный — через день! Чмо должно быть на хозяйственных работах, а не воевать. А вы за него в горах будете отдуваться! Разговор окончен, разойдись.

* * *

Ваня угрюмо посмотрел на офицеров, сидящих за столом.

— Мужики! Ну, начудили. Шуму-то, шуму на весь батальон. Мало мне склок с Подорожником — еще добавили. Никак не даете уехать домой спокойно. Обязательно было мыть пол Исаковым? Да еще перед выходом в рейд? Балбесы. Всем успокоиться и переключиться в мозгах на войну!

Как надоела эта извечная проблема: офицеры — славяне и солдаты с Востока. И мы должны их заставлять служить и работать. Вот отсюда, из армии, корни национализма в стране. Ну что все злые и приуныли? Веселее, жизнь продолжается! Замполь, не докладывай, сами разберемся. Лейтенант Ветишин! Ты у нас всего на один боевой выход, что будет дальше, не знаю, но будь внимателен! Почему-то «мусульмане» тебя невзлюбили. Наверное, очень молодо выглядишь, не чувствуют командира! Малейшее неповиновение — давить в зародыше! Ну, с богом! Выводить взвода на строевой смотр.

В этом районе полк не работал ни разу, территорию контролировали десантники.

Вертолетами выбросили нас рано утром в центр горного хребта. Начиналось все хорошо. Солнышко, сверчки, ветерок, тишина. Выползли на задачу, когда было еще прохладно, закрепились, залегли. Ротному растянули над «эСПСом» плащ-палатку: тень под палящими лучами — это великая вещь.

— Замполит, заползай, отдохнем пока!

— Да я с бойцами пойду, осмотрю склоны, может быть?

— Ну, осмотри. Молодость, все несет тебя куда-нибудь, мину на ноги ищешь.

Побив кроссовки о камни, обойдя взводные опорные пункты и разомлев от нахлынувшей жары, двинулся обратно. Когда вернулся назад, то сразу спрятался в спасительную тень укрытия командира.

В стороне от нас начался бой.

— Что там, Иван?

— Да Василия Ивановича молотят! Комбат с третьей ротой нарвался на «духов», укрепрайон штурмует. Орет, вертолеты вызывает. Посмотри в бинокль, — и протянул его мне.

Напротив друг друга возвышалось две вершины. На одной были наши, через распадок — «духи». «Духи» били из безоткатного орудия и гранатометов. Наши из двух АГСов и миномета. Пулеметы работали без остановок. Бой разгорался все сильнее.

— Нас не вызывают?

— Нет, сказано наблюдать за левым флангом.

— Потери есть?

— Есть. И раненые и убитые. Иваныч и Женька- ротный голосят по связи. Сейчас артиллерия заработает.

Артиллерия наконец-то накрыла высоту, однако стрельба не уменьшилась, не стихла. Разрывы ложились по всему укрепрайону мятежников, но им уходить в светлое время возможности не было. На открытом месте уничтожим быстрее. В промежутках, когда прекращала огонь артиллерия, на высоту заходили вертолеты и били, били, били. Вертолеты сменяли штурмовики, и вновь артиллерия.

— Товарищ командир, кто-то идет к нам, — в укрытие засунул голову Витька Свекольников.

Мы вылезли и увидели проходящих мимо бойцов, но не из нашего полка. Они с завистью глядели в нашу сторону: им-то еще предстояло топтать. Молча прошли они мимо, не останавливаясь и не задерживаясь ни на минуту.

— Это восемьдесят первый, — уверенно сказал ротный. — На карте комбата видел у них задачу — одна точка за нами, какой-то дурак заплакивал. Ложимся, отдыхаем.

Третья рота продолжала бой, а нам везло. Если б знать заранее, что эта тишина подда и обманчива...

Где-то вдали с другой стороны тоже постреливали, но как-то вяло. Солнце и легкий ветерок, спокойствие и забытие. Навалилась обволакивающая дремота. Веки тяжелели, мозги тупели, голова, руки, ноги наливались свинцовой ленью.

Тишина, спокойствие...

— Командир! Командир!!! — дикий вопль разбудил нас в укрытии.

Перед «эСПСом» на коленях стоял солдат и что-то визжал несвязное.

— Ты кто? Чего орешь? — спросил, продирая глаза, ротный.

— Я Джумаев. Мы мимо вас проходили. Пятая рота восемьдесят первого, спасайте! Там всех убивают!!! — Лицо солдата, серое от пыли и залитое потом, было перекошено от ужаса.

— Как убивают, кого? Стрельбы нет никакой, — удивился я.

— Вам не слышно, но там почти всех наших убили и ранили «духи».

— Чего ж связь молчит? Где командир? — заорал Кавун.

— Убит, нас окружили, помогите, это рядом, совсем рядом, — продолжал верещать солдат.

— Рота, подъем! Первый и второй взвод, за мной, Сизый и ППВ с нами! Остается третий — наблюдать!

Солдаты схватили оружие, боеприпасы, и мы помчались вместе с Джумаевым на помощь гибнущим. На ходу ротный доложил по связи обстановку, матеря командование соседей.

Перебежав через хребет и лошину, мы попали под прицельный огонь, «духи» стреляли издалека.

На небольшом пяточке, за грудой камней лежал солдат и поливал автоматным огнем противника, чуть выше стрелял еще один боец. «Духи» отвечали гораздо более плотным огнем, били с хребта напротив и сверху по нашему склону.

Пули с визгом улетали вверх, ударяясь о камни, голову поднять было совершенно невозможно. Страшная картина открылась передо мной.

Солдаты лежали вдоль спуска, окровавленные, без признаков жизни, мешки и оружие валялись тут и там. Я подполз к одному телу, потрогал его безжизненную руку, заглянул в лицо. Глаза открыты, в них бесконечность и боль, смерть. Солдат лежал холодный, безмолвный. Отмучился. Рядом валялась снайперская винтовка. Отложив автомат и взяв ее, посмотрел в прицел. На большом валуне через ущелье стоял бородатый мятежник и что-то орал, размахивая автоматом. Приплясывая на камне, он время от времени стрелял в нашу сторону.

«Оборзел, козлиная», — подумал я, прицеливаясь. Ба-бах — и вместе с выстрелом удар, словно кто-то злобно врезал мне кулаком в глаз. На прицеле не было смягчающей резинки наглазника. Прицел вместе с отдачей ударил прямо в бровь. Держась за глаз, я потихоньку завыл от боли.

— Ты ранен? — подползая ко мне, встревоженно спросил взводный Сережка Ветишин. — Что случилось?

— Да, вот эта херня, зараза, в глаз. Посмотри, на выступе был «дух».

— Был. Теперь под валуном лежит. Вон еще один бежит к нему. — И Серега, прицелившись, стрельнул.

— А-а-а, у-у-у. Твою мать, больно! — закричал Серега, бросил винтовку и тоже схватился за лицо.

Он взглянул в бинокль и расплылся в улыбке.

— Еще один лег! К черту эту снайперку, все глаза повышибаем. — И Ветишин потер бровь.

Мы ползли по хребту вверх, мимо трупов и стонущих раненых. Огонь усилился. Мятежники взбесились, увидев, что добыча, почти добытая и так легко доставшаяся, уходит из рук. Нашей помощи, а тем более такой дружной и эффективной они не ожидали.

Откуда-то снизу летели гранаты и разрывались невдалеке. Бах-бах. В ответ мы бросили несколько своих гранат. Бах-бах-бах.

Выстрел из гранатомета пришелся в разрушенный СПС. Осколки просвистели над моей головой. Тьфу! Пронесло.

Чумазый солдат лежал за ручным пулеметом и вел непрерывный огонь. Рядом, раскинув руки, лицом вверх лежало большое тело офицера. В голове, точнее во лбу, зияло пулевое отверстие.

— Кто?

— Зам. командира роты. Тяжелый очень! Дальше я его тащить не мог, всех рядом ранило. Мы несли «Утес» и старлея, а снайперы и гранатометчики поливали нас сверху. Всех повалили. Спасибо, вы спасли! Выручили. Еще минут пять — и крышка, обошли бы со всех сторон.

Под рукой оказалась «муха», взведенная, но не отстрелянная. Присев за камнями, я выстрелил в «духовское» укрытие.

— Бу-бух!!! А-а-а. Аллах-акбар. А-а-аа!!!

Крики и стоны раненых. Может, кого и убил. Человек пять-шесть наших вели огонь по скоплению мятежников на вершине, остальные солдаты ползком вытягивали раненых и убитых.

К нам подполз здоровенный сержант.

— Ты кто? — спросил я у него.

— Я — Карабод, сержант, зам. комвзвода.

— Как все получилось? Куда вы бежали?

— Мы утром вылезли туда, где сейчас «духи» окопались. Поставили пулемет, бахнули по какому-то пастуху. Нам нужно было еще чуть дальше пройти: вся рота сидит через ущелье за изгибом. Только двинулись, по нам как дали из миномета и гранатометов. Стреляли снайперы! Старшего лейтенанта сразу снесло пулей в лоб. Мы побежали с ним на руках вниз, к вам. Они как «реактивные» нас нагнали, прижали, начали расстреливать сверху и снизу, подходили совсем близко. Что было, что было...

— Что ж по связи не вышли на нас? Мы и боя-то не слышали.

— Да связиста убили сразу, а я частот не знаю, ну и не до того было. Этот «Утес» и раненых тащили, еще испугались все. Офицер-то сразу вырублен, без командира хреново. Совсем хреново.

Пули продолжали свистеть и, рикошета, с визгом выбивали искры из камней, разлетались по сторонам. Патроны пока не кончались. Отлично! Можно жить! Солдаты стреляли короткими очередями. «Духи» очереди веерами пускать перестали. Экономят, как и мы, патроны. Огневых точек стало заметно меньше, значит, уходят. Отползают, утаскивая раненых и убитых.

Артиллерию на них не навести, мы лежим друг от друга в тридцати-пятидесяти метрах. Специально не уходят, сидят, пока не стемнеет, чтоб не добились.

Перестрелка все никак не стихала, время почти шестнадцать часов. Уже три часа, как мы ведем бой. Желудок вдруг включил свой двигатель, внутри заурчало. Эх, поесть бы, а то меня желудочный сок изнутри растворит. Это, наверное, от нервов.

Первый толковый бой, первый убитый рядом. Трупы лежат вплотную, на расстоянии протянутой руки.

Позиция моя была еще та, аховая. Груда камней, под ней остывало тело солдата, затем лежал я и с другой стороны еще одно тело, а за ним лежит боец Карабод.

— Сержант, у тебя есть что-нибудь пожрать? Тебя как звать?

— Василием! Мой мешок где-то там дальше, где я отстреливался.

— А есть хочешь?

— Еще как, с утра ни крошки. Вообще, в мешках у ребят что-нибудь есть. Им-то уж ни к чему.

Последние слова он произнес с грустью, словно пожалел не только их, но и себя, ведь сам мог лежать на их месте. Вот тут или чуть дальше. Но повезло. Могло и не повезти. А повезет ли дальше? Ведь этот бой не последний.

Он раскрыл ближайший мешок, вынул штук шесть маленьких баночек с мясом, вскрыл их открывалкой и разделил на троих. Вот что всегда при мне, так это ложка, которая засунута вместе с сигнальной ракетой за магазин от АКМа. Сержант достал свою ложку из-за отворота сапога. Я обтер ложки салфеткой из набора и поставил баночку на спину солдата. На тело. Больше ставить некуда. Карабод сделал то же самое. Пулеметчик есть с нами не захотел, и мы с сержантом приговорили все вдвоем. Время от времени мы посылали очередь за очередью вперед и по бокам: ближе нас к «духам» никого.

Я вдруг прислушался и услышал какой-то хрип. Хрип, еще, еще.

— Хр-хр-хр-х-хы.

Перебравшись через мертвых к лежащему офицеру, увидел, что его тело содрогалось мелкой дрожью, глаза были закрыты, а рот приоткрыт. Ожил?!

Он с хрипом дышал. Дышал! Был жив. Несмотря на ужасное ранение в голову. Кровь чуть запеклась вокруг раны, от пулевого отверстия по лбу шла бороздка запекшейся крови, коркой засохшей в волосах. Живой...

— Парни! — зашипел я стреляющим в стороне солдатам. — По цепочке быстро найти ротного, передать, что офицер лежит с пулей в голове, но еще живой.

Минут через пять подполз ротный, быстро взглянул на раненого и посмотрел выразительно мне в глаза, затем выдал длинный витиеватый мат.

— Да, дела! Минут через десять вертушка раненых заберет, пятерых мы вытащили на площадку. Как же его нести? Волоком нельзя — голову повредим, да и пуля может сдвинуться. Давай, лейтенант, бери этих двух бойцов и наших пулеметчиков, вот тех. — Он махнул головой в сторону лежащих рядом двух пулеметчиков-таджиков. — Даете море огня, бросок двух-трех гранат, из гранатомета еще долбанешь по вершине и изображай атаку. «Ура» кричи. Сейчас начнет темнеть, и дождь помаленьку накрапывает.

Дождь действительно пошел, мелкий-мелкий, как пыль. Ротный продолжил:

— Может, отойдут. Не успеем загрузить его, больше не будет вертушки. Через минут двадцать солнце совсем зайдет. — Солнце уже почти зашло за горную вершину, и лишь багрянец пробивался сквозь пелену сырости.

— Зибоев, Мурзайлов! Ползком к камням и с криком « ура » расстреливаете по ленте пулеметной! Ясно? — спросил я.

Солдаты кивнули головами, однако желания выполнять приказ на их лицах не читалось, но они слышали все, что я сказал.

Карабод и второй солдат с ПК, оставшийся живым и невредимым, поняли наш замысел, но приняли его с сомнением. Что-то пробурчали, но не возражали.

— Ура! Ура! Ура!!!

— Бам! — выстрел из «мухи».

— Трата-та-та, — отвечает пулемет.

— Бах-бах-бах, — брошена граната.

— Та-та-та, — вторят автоматы.

— Ура! Ура! Ура!!!

На четвереньках, пригибаясь и беспрестанно стреляя, мы продвигались вперед к вершине. После выстрела из «мухи» и взрыва гранат ответный огонь прекратился.

Бросок вперед на четвереньках, полуползком — и мы на вершине. Там никого. Бинты, кровь, патроны, упаковки лекарств, стреляные гильзы. Никого! Ушли. Только сквозь пелену дождя, в мутном мареве слышен топот убегающих врагов. «Духи» бегут!

Очередь, очередь, очередь, еще, еще, еще... в темноту. Гады! Сволочи!!!

Я схватил пулемет у Зибоева и с криком «А-а-а» расстрелял половину ленты вниз в сумерки. Потом выпустил ракету в воздух, чтоб свои случайно не накрыли по ошибке.

Вертолет уже приземлился на площадке, солдаты быстро грузили раненых.

Сержант Карабод и второй солдат бросились обратно к командиру, осторожно положили его на плащ-палатку и с помощью наших бойцов понесли быстрее к вертушке.

Эх, не успели! Не успели... Еще на полпути к площадке вертолет взлетел и, раскачиваясь, удалился в надвигающиеся тучи. Быстро смеркалось.

Вдруг кто-то вылез из ущелья и закричал:

— Нэ стреляйте, я свой.

— Ползи сюда! — подозвал ротный. — Кто такой? Что за свой?

— Я из восьмьдесят первого. Меня ранило, командиры! Гогия моя фамилия.

— Степан! — окликнул ротный санинструктора. — Осмотри и перевяжи!

Мы присели возле охающего солдата, который поведал жуткую и невероятную историю.

Он и еще один солдат несли раненого по склону с левой стороны. По ним ударили из автоматов и гранатомета. Напарника наповал, ране-

ный получил еще несколько пуль и привалил грузина своим телом. Гогия тоже ранило. «Духи» подошли, взяли автоматы, полоснули очередями по лежащим, но все пули принял мертвый солдат, которого тащили. От страха Гогия обоссался, но молчал. Ногой кто-то пнул его в бок, вырвал автомат. Тут мы сверху кинули гранаты, начали стрелять, «духи» убежали. Со всех сторон грохот, голову не поднять, да еще придавило телом. От страха вырубился.

— Товарищ капитан! Что-то раны найти не могу, весь в крови, но вроде в чужой!

— Смотри хорошо, может, внутреннее кровоизлияние?

— А вот царапин несколько. Где болит?

— Нога, пятка болит! — ответил гортанным голосом раненый.

— Да там осколок торчит большой в подошве ботинка, сейчас сниму. Во! Осколок ботинок пробил и в пятку попал, но только рассек кожу, кровь уже засохла! Грузин, ты шо, это усе? Чи ни? Все ранение?

— Нога болна!

— Нога! Болна! Как тресну по башке, чурка. Болна!

— Я не чурка, я грузин.

— Вставай, нечего ползать! — зло заорал санинструктор.

— Товарищ капитан, да его пару раз поцарапало! Обоссался просто!

— Воняет?

— Да нет, я в переносном смысле. Трус он!

— Ну, трус не трус, а повезло, могли и яйца отрезать.

— Валяй бегом к сержанту Карабоду и помогай своим. Где убитые лежат, видишь, Степан? Надо их выносить.

Уже в темноте подняли обоих мертвых солдат из ущелья, собрали вещи, оружие, поставили растяжек и вернулись к себе на точку. Карабод и его три солдата стояли над командиром, натянув палатку, защищая его от хлынувшего вдруг ливня.

— Да, жаль, не успели к вертолету. Как мы раньше не заметили, что он живой?

— Иван, ведь с такой раной, по-моему, ничем не помочь. Что увезешь, что не увезешь.

— Ника, когда получишь пулю в лоб, не дай бог, конечно, и будешь валяться в грязи, тогда посмотрим, что ты скажешь!

— Ворон! Каркаешь!

— Ну, а ты тоже брякнул! Надеяться нужно до последнего. Наш закон — раненых и убитых не бросать! У «духов» такой обычай, кстати, тоже. А раненого любого, даже безнадежного, надо спасать, чудеса бывают всякие.

Итог боя был трагический: из разбитой роты шесть убитых и шесть раненых, да оцарапанный Гогия, но он не в счет.

Всю ночь по очереди с нашими четырьмя солдатами эти бойцы стояли над старшим лейтенантом. На рассвете прилетел вертолет и всех их увез. Старший лейтенант скончался через три дня в госпитале. А вдруг выжил бы, если б сразу вывезли. Вот так-то... Прав ротный... Стало пять раненых, не считая Гогии, и семь убитых. У нас в роте потерь не было, нет даже раненых. На утро ротный с грустью мне сказал:

— Запомни! Чаще всего убивают в первых рейдах и последних. Никогда не откладывай отпуск и особенно берегись после отпуска!

— Это ты к чему?

— Железобетонные, проверенные кровью и смертью приметы! Старлей в отпуск должен был ехать, дочка родилась. Бойцы сказали: уговорил его командир роты отпуск перенести. У человека уже мозги на дом переключились, а его в рейд! Это уже из области психологии. Бдительность потерял, концентрацию. Расслабился. — Иван принялся жевать сухарь, глядя вдаль.

— А чего ты так задумчиво на меня смотришь? — удивился я.

— Да у меня этот рейд последний, тьфу, тьфу, крайний, надеюсь, — вздохнул Иван.

— Кстати, Ваня! Я спал ночью в свободные от проверки постов часы вполне спокойно, кошмары не мучили. Переживания нахлынули, когда под утро пришла очередь бодрствовать.

— Сволочь ты, равнодушная, — вздохнул ротный.

Вчерашний бой я видел снова и снова, как в кино. Убитые наши, подстреленные душманы, раненый офицер, кровь, пули, взрывы, едкий страх перед надвигающейся со всех сторон, смертью четыре часа непрерывной перестрелки. Война перестала быть прогулкой, альпинизмом, туризмом, приключением, она стала жестокой реальностью. Ко мне прикоснулась война и обдала своим смердящим, трупным дыханием.

* * *

Наступило утро — и новая задача. Вертолеты перебросили батальон через два глубоких ущелья. Эта горная гряда уходила к заснеженным вершинам. Наш маршрут к ним. Задача — пройти над кишлаком до самого начала речушки, протекающей от заснеженных скал. Патроны, гранаты, выстрелы к гранатомету, «мухи» нам забросили на площадку вертолетом. Свои все кончились вчера. Обвязавшись лентами от «Утеса» и АГС, солдаты стали похожи на матросов-анархистов.

— Хреновая задача! — сказал Кавун, собрав офицеров. — Ситуация следующая: разведка будет чесать кишлак с двух сторон, а мы прикрываем их сверху. Рядом никого. Третья рота, вчера сильно потрепанная, будет от нас в десяти километрах. Прочешут разведчики ущелье — отходим к нашему полку. Идти двадцать километров. Сейчас десять утра, к шестнадцати выход на задачу. Острогин с первым взводом в голове колонны. — Серега поморщился. Его взвод — это он, три солдата и зам.комвзвода. — Два сапера еще идут с ним. Дальше вся колонна. Замполит и санинструктор в конце. Подгонять, лечить, оживлять. Воодушевлять!

Все хмыкнули. Тяжело вздохнули... Задача нелегкая. Своих рядом нет, а «духов»? Кто знает...

Вчерашняя трагедия перед глазами. Та же ситуация, только нас не шестнадцать, а тридцать пять.

— Их, мудаков, ничему жизнь не учит, — рявкнул Острогин.

— Кого их? — ласково поинтересовался командир.

— Всех начальников. Что комбат сказал на это?

— Комбат был строг и заботлив. Матом не ругался. Сказал: «Милый Ваня, не будешь ли так любезен, сходить во-о-он туда, а?» Пожелал успехов в ратном труде. Напомнил, что мы коммунисты и комсомольцы. А если серьезно, то насчет мудаков из «верховного командования» он с нами солидарен. «Кэп» (комполка) в бешенстве, но решает ведь не он. Армейская операция! Ну, а крайние — мы. Минометчик один убит, а в третьей роте четверо ранено. Им сильно досталось! «Килькоед» Мелешенко в шоке, но тебе, Ник, его успокаивать некогда. Трогаемся, в путь. Орлы, мать вашу, пехоту ноги кормят — вперед, марш!

* * *

Часа через четыре наконец-то привал. Осталась гораздо меньшая часть пути. Высота уже как на ладони. Толкать и подгонять «умирающую» роту я уже устал. Хорошо, что идем без минометчиков, а то еще и мины пришлось бы тащить. Комбат наш миномет отдал разведчикам. Погода баловала. Легкий ветерок, тучки, не жарко.

Я отошел чуть в сторону от привала. «Лучше нет красоты, чем пописать с высоты.» Встал на край, глянул вниз и отпрыгнул назад. Лежа, пополз обратно к пропасти. Глубоко внизу текла живая река. Люди, коровы, лошади, козы, овцы. Уходят оттуда, куда идем мы. В бинокль посмотрел и увидел, что в толпе много вооруженных людей.

Пулей примчался к своим.

— Ротный! Скорей, там «духи» по ущелью уходят!

— Как увидел?

— Да, чуть не обделал их с обрыва.

— Рота, без мешков за мной! — скомандовал командир. — «Утес» и АГС на месте, занять оборону тут.

Перебежав, мы залегли вдоль обрыва, ротный посмотрел в бинокль. Нас пока не заметили — везет. Улыбаясь удовлетворенно, он отдал приказ:

— По цепи передать! По моей команде выпустить по два магазина и по гранате РГО бросить в ущелье. Снайперам выбрать мишени. Потанцуем!

— Иван! Вроде там мирных жителей много? — с сомнением произнес я.

— А мы их не тронем, — ухмыльнулся он, — стреляй только в вооруженных. Мы вчера тоже были с утра мирные.

— Огонь!

«Бух, бух, та-та-та-та-та, бабах», — огнем полыхнула рота. «Ах-ах-ах», — отозвалось ущелье эхом.

«Ба-ба-бах, та-та-та-та.» Это продолжалось минут пять. Вначале внизу все бросились врассыпную, часть мятежников попадали убитыми, через какое-то время кто-то из оставшихся в живых начал стрелять в ответ.

— Прекратить огонь! Отходим! — скомандовал ротный. Злые огоньки мести плясали в его глазах. — Это им за все вчерашнее! Офицеры, бойцы, подъем, сворачиваемся, уходим на задачу. Быстрее к мешкам.

Я в последний раз взглянул вниз. Жуткая картина. Все валяются или ползают в крови. Хрипы, вопли, стоны. Редкий ответный огонь. На этот раз не повезло «духам».

— Ну, замполит, молодец! Как шикарно «духов» нам нассал? Сейчас по связи доложу, пока комбат не визжит из-за нашего концерта.

После коротких переговоров неудовольствованный и злой Иван распорядился:

— Вперед! Руководство бесится, что мы еще не на задаче! Офицеры, вперед, вперед, первый взвод не задерживаться.

Ну вот, рота уже под горкой. Еще чуть-чуть осталось.

— Второй взвод! Ветишин! Занять оборону здесь! Первый взвод быстро наверх, затем после его доклада — второй! Затем ГВП! — распорядился Иван.

— А можно ГВП останется с третьим взводом? — хитро улыбаясь, спросил Голубев. — Место больно хорошее.

— Нет, нельзя! Пулеметы поставим наверху. У-у-у, Сизый — старый сачок.

— Ну, не такой уж и старый. Просто я заменщик!

— Самозванец выискался. Это я заменщик, а тебе еще ходить до конца года.

— Я и не...

Вдруг наверху началась ураганная стрельба, и разговор прервался на полуслове. Шквал выстрелов там, где уже был первый взвод.

— Серега! Что там? — заорал ротный по радиостанции.

— «Духи!» «Духи» обходят со всех сторон. Мы на пяточке в старом «ЭПСсе». Обложили, твари. Их просто тьма. Спасайте! Быстрее!

— Ну, вот абздец! Вперед в гору, замполит! Третий взвод и второй взвод — за мной! ГВП вперед! Все в гору, — дико заорал Кавун.

Я бросил на бегу мешок — тяжело! Меня обогнал на середине горной дистанции худющий солдат — Ларионов. Он же из пулеметчиков. Вроде должен быть сзади. ГПВ далеко позади ползет. Оглянулся. Пехота лезла, пыхла, сопела, хрипела, чертыхалась, материлась, рычала. Без стрельбы, пока. Сверху шел бой, но нас не задевал, «духи» нас не видели: мы были за склоном. Ротный и арткомректировщик карабкались чуть ниже меня. Вдруг грохнул короткий выстрел. Ларик поглядел мне сверху в глаза и как заорал:

— Я его завалил! Завалил!

— Кого? — рявкнул я.

— «Духа»! Он за валуном! — ликовал солдат и уже шепотом, продолжил: — Выскочил, гад, прямо на меня, а я вперед успел выстрелить.

За валуном лежал здоровенный бородач в униформе и хрипел. Больно, однако!

— Сейчас «помогу» ему, — сказал я солдату, осторожно выглядывая, и дал длинную очередь, начиная с того, что между ног у бородача, и до груди.

Бородач издал предсмертный рык и, широко раскинув ноги, затих. До него было всего метров семь. Еще чуть-чуть и он бы нас опередил. Вся рота как на ладони. Собирай потом наши окоченевшие трупы третьей рота. Сзади подполз «наркоша» Васька Владимиров.

— Ларик, с меня орден! Молодец! Как ты его? — удивился я.

— Да он оглянулся и что-то скомандовал, а я в этот момент его и снял. А если б он не обернулся? Верняк, нас бы всех уложил. Он, видно, командовал этими «духами». Мятежники залегли за валунами.

— По гранате за камни! — крикнул я обоим бойцам и кинул свою РГД.

«Бам-бам-бах-ах-ах» — взорвались гранаты, и и тем же ответило эхо в ущелье. «А-а-аллах! Шайтан», — донеслись крики и стоны.

«Трата-та-та-та, щелк-щелк», — в ответ раздались выстрелы. Пули защелкали вокруг и рикошетами от камней с визгом разлетались в стороны.

Снизу выполз ротный с несколькими бойцами.

— Что тут? Что творится?

— Ларионов «духа» завалил, я его добил. Остальные за валунами.

— Бери бойцов, пулемет и ползи выше к Сереге! Собьют его, собьют и нас, будет тогда, как вчера! Понял?

Я кивнул в ответ. Вот зараза! Опять я крайний. Не везет.

— Васька, Мурзаилов, Ларик, Керимов! За мной!

Мысли путались в голове. Все как вчера. Все как вчера. Наша очередь. Обрезанные яйца, отрезанные головы, нам всем пришел полный «абздец». А жить-то хочется. Сил все меньше, а ползти надо, хоть ноги почти как ватные и легкая дрожь в руках.

Навстречу вдруг из-за камня выполз пулеметчик Хафизов с трясущимися руками и ногами.

— Ты откуда? Где взвод? Где все?!

— Т-та-там, — ткнул он пальцем неопределенно и туда же отвел бегающие глаза. — Командир, не знаю! Не знаю где все.

— Назад, сволочь, застрелю!

Он пополз с нами, но все равно полз самым последним. Вдруг мы наткнулись еще на одного труса.

— Хайтбаев! Скотина, ты почему здесь? Взвод там, а ты здесь!

Сержант забился, как крыса, в щель между камнями, обняв автомат. Этот вождь «узбекской мафии» лежал с перекошенным лицом и весь трясся.

— Шлепну как собаку, гадина! Назад к взводу!

— Не ори, не пойду! Там смерть.

— На счет два, ты труп! Раз... — И я ткнул ствол автомата ему в нос.

Кровь тонкой струйкой потекла по губам и подбородку. Второй раз считать не пришлось. Злобно ругаясь и что-то шипя на родном языке, затравленно глядя мне в глаза, он выполз из своей щели. За следующим выступом лежал свернувшийся в калачик Алимов. Ну и дела, все тут! Рядом лежал Колесо (Колесников) и, закрыв глаза, стрелял из автомата, куда-то в небо.

— Колесо! Очнись! От тебя воняет! Взводного бросили, сволочи! Где Острогин и саперы?

Алимов, весь трясясь, показал рукой в сторону груды камней, а Колесников промышчал:

— Мы не дошли, «духи» обстреляли. Мы отсюда бой ведем.

— Вижу, как ведете, и чего еще ваши жопы на барабаны не пустили? Лечь всем в цепь и вести прицельно огонь по «духам»! Серега-а-а! Серега-а.

— Да, я здесь, — заорал он в ответ. — Я тут с саперами. «Духи» нас давят! Ура замполиту! Родной ты мой! Вылез! Ник, я тебя люблю-ю! Живем!!!

— Наверное, живем. Ты там с кем? Сколько с тобой?

— Только два сапера. «Духи» с обеих сторон залегли. Молотят. Где взвод, не видел? Узбеки разбежались, гады.

— Я их тут всех собрал. Все живы. Только обделались твои «орлы»!

До Серегиного укрытия было метров тридцать и приходилось лежать, но это нас обоих подбадривало. Свистящие над головой пули настроения не поднимали. Мандраж во всем теле усиливался. Была какая-то нервная дрожь. Всего ломало и выворачивало. Я снял бушлат и прополз по камням и колючей траве немного вперед.

— Колесо! Будешь заряжать с Алимовым магазины!

— Васька! Ларик! Хафизов! Хайтбаев! Огонь! Держаться! Всем огонь огонь!

По нам несколько раз выстрелили из гранатометов или «безоткатки». Одна из гранат прошла чуть выше над головами, другие взорвались в камнях, не долетев. Не попали, мерзавцы.

Вдруг с вершины, метрах в двухстах от нас, заговорил кто-то в громкоговоритель.

— «Шурави!» Сдавайтесь! Не тронем. Сдавайтесь, а то все будете мертвый! Совсем—совсем мертвый. Сдаётся, будете живой. Командир, сдавайся! Не тронем! Выходи!

Сереге заорал в ответ:

— Иди сюда сам, попробуй возьми в плен! Давай, друг, скорей! Вперед!

Под эти свои вопли он вместе с саперами палил во все стороны. Стреляли мы, стреляли в нас. Что-то орало в мегафон «духи».

Саид Мурзаилов выполз на пригорок с ПК, взялся за дело, и «духи» сразу приуныли. Хафизов с РПК, поборов страх, прикрыл правый фланг. Все — нас уже не сбить. Колесо и Алимов не успевали перезаряжать магазины. Этот ад уже продолжался, черт знает, сколько. Голова гудела от грохота и гари. Несмотря на начавшийся дождь, было жарко. Все тело горело и пылало. Возбуждение боя захватило, понесло. Горный костюм промок насквозь. Я что-то кричал, командовал, куда-то стрелял, переползал, швырял гранаты. Вдруг автомат заклинило. Патрон перекосило! Достал шомпол, разобрал автомат, патрон не выбить — никак! Зараза! Кто-то зарядил в магазин патрон 7,62 от АКМ. Как он в магазин поместился?

— Бойцы! Огонь! Я сейчас отползу, держаться!

Я сполз чуть вниз в укрытие и продолжил вышибать перекошенный патрон из ствола. Минут через пятнадцать это удалось. Вдруг навстречу мне выползли все бойцы, один за другим.

— Куда! Куда, сволочи! Назад! Парни назад! Назад!

— Товарищ лейтенант! Ты куда ушел? Одним нам там страшна, сап-сем страшна, — забубнил верзила Мурзаилов.

— Да тут я, тут, сказал же — держаться!

— Мы испугались, — промычал Хафизов.

— Назад! Огонь! Всем огонь! Не отступать!

Раздался топот сапог, шум камней, крики:

— Свой, не стреляйте.

Подбежал Сергей с саперами.

— Вы куда все делись?

— А ты какого хрена примчался? — удивился я.

— Ну, а как вы объявились, думаю: все, спасены. Да и «бородатые» чуть отползли. Кричим, переговариваемся, душа поет, а как тебя не слышно стало и огневая поддержка стихла, «духи» вдруг как попрут. Им же трупы и раненых вытащить надо. Я в одного верзилу весь магазин выпустил, а он орет, идет и не падает! Стреляю, а он, скотина, не валится! Патроны кончились — вот мы и дали деру.

— Много мы их перебили?

— Ник! Да черт знает! Там целая лавина пошла. Будем держаться, пока сможем. Если собьют — крышка нам всем.

Снизу закричал ротный:

— Мужики, сейчас вертушки подойдут, поддержат! Не отползать, держаться.

— Товарищ замполит! Патроны кончились, я все зарядил в магазины, — пробубнил Колесо, дергая меня за рукав.

— Колесников! Надо говорить «товарищ лейтенант»! Пентюх! Чему тебя учили!

— А меня в Союзе учили подметать, землю копать, да строить дома. Я стрелял всего один раз в учебке и уставы не изучал.

— Колесо, ползи за патронами к ротному. Хватит болтать!

«Духи» продолжали поливать нас свинцовым дождем. Патронов не жалели. Что-то кричали в мегафон, что-то обещали. Автомат начал заедать от толстого слоя нагара, и при смене пустых магазинов на заряженные приходилось затворную раму досылать ногой. После этого он все равно стрелял! Да, это тебе не американская М-16! Та уже давно бы зачала.

Вдруг появился «крокодил». Летевший вертолетчик явно не понимал, где кто находится. Рота дружно зажгла дымы. «Ми-24» сразу радостно принялся уютить господствующие над нами высоты.

Дружное «ура» пронеслось над нашими позициями.

— Ура! — заорал и я. Слезы радости и счастья брызнули из моих глаз. Спасены!

Погонов и Гудков вытащили к вадунам «Утес» и АГС и молотили по противоположной вершине. Наша радость была недолгой. По вертолету стрелял ДШК, и вертолет, плюнув «нурсами», еще разок развернулся и ушел.

Я бросился на четвереньках к ротному.

— Ваня! Куда он улетает? Что случилось?

— Они сказали, что топливо кончается.

— Другие прилетят?

— Вряд ли. Нам только все орут: держись, Иван! От комбата до комдива. Комдив только что сыночком называл. Призывал держаться. Помощь идет...

— Какая?!

— Третья рота и разведзвод. Но им идти часа два-три

— Что ж, вытащат нас, как мы вчера ту роту восемьдесят первого полка.

— Не паникуй! Ползи наверх. Держаться! Побежим — ляжем все вдоль склона. Давай назад к бойцам. Держаться! Помни, что яйца отрежут обязательно. Ха-ха-ха! Любят они, гады, замполитам яйца отрезать.

Да! Могильный юмор ротного спокойствия не прибавил. Зацепив несколько пачек патронов, я выполз на край плато. Серега стрелял и матерился. Бойцы вели огонь одиночными и изредка очень короткими очередями. Теперь мы вели огонь, уже толком не видя противника. Смеркалось. Дождь усиливался, холодало. Поток воды постепенно превратился в мокрый мелкий снежок.

Кавун выполз к нам на пяточок.

— Мужики, — он обнял нас с Острогиным за плечи, — артиллерия стрелять не может. Рота лежит вплотную с «духами». Патроны кончаются, АГС уже все расстрелял, «Утес» тоже, «мух» больше нет. Минут через двадцать стрелять будет просто нечем. Снег сейчас нас прикрывает, и «духи» толком ничего не видят. Я принес мешочек патронов, заряжайте магазины — пойдете в атаку. Как вчера. Надо сбить их с плато. Вернуть СПС, тот, где ты, Сергей, сидел. Сбросить их, мерзавцев, вниз. Тогда артиллерия сможет бить вокруг плато.

— Как в атаку? — удивился взводный. — С кем идти в атаку? Три узбека, я, замполит и Колесо?

— А Мурзаилов? Это же ПК! Пулемет! Смотри, какой гигант-боец.

— Да у него половина ленты осталось! — возразил Серега. — Тоже мне огневая поддержка.

— Саперы и Васька с вами пойдут! Я, Степа, Ларик и арткорректировщик прикроем с фланга. Придавим высоту слева.

— Взять только СПС? Берлин брать не надо? — переспросил я. — Опять я иду в атаку, каждый день в атаку, сколько можно?

— Крайняя атака. Взять СПС и все. Шутник!

— Закрепитесь в нем. Дальше никуда не надо. По магазину каждый выпускает и вперед! Потом гранаты бросайте. Еще раз говорю: пошуметь как вчера!

— Да граната всего одна осталась Ф-1, — засмеялся я. — Больше ни у кого нет.

— На, возьми еще две, мои РГД. Больше ничего. С богом!

Мы собрали бойцов. Серега схватил меня за плечо.

— Ну что, Ника? Рискнем! Делать-то нечего больше, деваться некуда.

— Бойцы! Даем залп и вперед! Захватываем СПС, — скомандовал я. — Конечно, ураганного огня не получится, но по магазину расстрелять. И с криком «ура» атакуем на четвереньках, перебежками вперед, стреляем короткими очередями. Тем, что останется от запасов патронов, добиваем раненых «духов».

— У кого есть штык-ножи или лопатки, взять с собой. Может, рукопашная будет, — продолжал Острогин.

— Ну дела!.. — только и вымолвил Колесников.

— Не ссы, Колесо, все будет в ажуре, — засмеялся недобро Васька.

Мы растянулись в линию, проползли метров пять. «Духи» вели ленивый огонь. Экономили патроны.

— Вперед! В атаку! — заорал я что было сил. — Ура! Суки, гады, сволочи! А-а-а. Ура!

Сидя, лежа, с колена стреляли вокруг меня солдаты. Саид встал в полный рост и выпустил длинную очередь из пулемета. Что-то выкрикивая по-таджикски, пошел вперед, не переставая стрелять. Мы с Сергеем швырнули по гранате и, подгоняя солдат, бросились к укреплению.

— Быстрее! Ура-ура-а-а!!! Быстрее!

— Ура-а-а... — понеслось из восьми или девяти глоток.

В несколько прыжков одолели ровный участок, не переставая стрелять.

Сейчас, сейчас, сейчас будет схватка. Рукопашная! Ужас какой — зарубить или заколоть человека. Морально я к этому был не готов часа три назад, но в этот момент заколол бы и зарубил любого. Если не зарежут или не застрелят меня самого. Вот сейчас очереди в упор, в грудь, в живот, в голову — и мы все ляжем тут. Но что это? Камни не отвечают огнем, СПС молчит. Слышен шум осыпающихся камней, вниз, в ущелье. Они бегут!

— Гранату! Гранату вниз! — заорал Серега. — Скорей бросай «эфку», Ник!

Я метнул Ф-1 вниз. «Бах-бах-ах-ах-х-х», — эхом ответил гулкий взрыв.

Вся группа залегла на краю плато и принялась короткими очередями стрелять во все стороны. Взводный пустил осветительную ракету: по ущелью удалялись чьи-то силуэты. Отступили. Ушли!

— Серега! Будем жить! Мы спасены! — я обнял его.

— Задушишь! Ник! Ура! Удрали! Колесо, ротному передай — «духи» ушли. Бегом, родной ты мой!

Мы заняли оборону. Оборону — это громко сказано. Опросив солдат, выяснили, что патронов у всех штук по пять-шесть. У меня было — пять, у Сереги — три, у Васьки — семь, у саперов — ни одного. Для ПК три патрона в ленте. Гранат нет, «подствольники» уже давно без гранат. Знай «духи», при каких обстоятельствах они отступали, наверняка вернулись бы и взяли бы нас голыми руками минут через десять. Все стояли и на краю обрыва радовались жизни.

Ротный подбежал, весь занесенный снегом. Пурга усиливалась, капитан был похож на Деда Мороза.

— Мужики! Орлы! Герои! Занять здесь оборону саперам и первому взводу. Мурзаилов иди к ГВП, вы будете там, где главарь убитый лежит.

— А где мы будем? — спросил я. — Где КП роты разместится?

— КП в центре. Второй взвод выдвинем вверх, откуда мегафон орал. Третий в центре с нами.

Через полчаса вся рота собралась на плато и расползлась по задачам. Снег валил сплошной стеной. Не было видно ничего в пяти метрах. Этот снег стал нашим спасением. Чудом и везением. Душманы не подозревали, как были близки к победе. Хотя кто знает, может, и у них боеприпасы кончались, да и раненых нужно уносить. Бродя по вершине, я с трудом нашел промокший бушлат. Становилось все холоднее и холоднее.

— Офицеры! Какие потери во взводах? Доложить! — командовал Кавун.

— В первом потерь нет, — ответил Острогин.

— Во втором нет ни раненых, ни убитых, — радостно пропел Ветишин.

— В ГПВ все целы, — изрек Голубев.

— За третий доложу я сам — без потерь! — констатировал ротный и подвел итоги боя: — Приданные саперы и артиллеристы живы, рота без потерь! Вот это да, ну мы молодцы! Такой бой выдержали! И ни единой царапины! «Духов»-то было гораздо больше! Чудеса! Так я в бога начну верить.

— Что с помощью? — спросил Острогин. — Идет,торопится?

— А ничего! Разведвзвод и третья рота где-то заблудилась в пурге, видишь, как метет! Комбату сообщили, что не видят куда идти. Ракеты бесполезно пускать: не разглядят.

— Да! Прямо снежная буря поднялась, кто бы мог подумать пару часов назад. Как на севере!

— Замполит, не надо в Сибирь тебе ехать в отпуск. Тут как в тундре, и мы сейчас можем все замерзнуть! Час от часу не легче. Бойцам спать не давать. Положить всех кучнее, пусть греются. Охранению меняться через час, пусть ходят по периметру попарно. Главное — не обморозиться. Что с боеприпасами?

— У меня нашелся магазин и граната, — ответил я.

— У меня два патрона, — улыбнулся криво Голубев.

У остальных офицеров было не больше. У бойцов ни у кого не было боеприпасов больше магазина, «мух» не осталось, пулеметы без патронов, АГС с четырьмя выстрелами.

— Да, дела! — подытожил ротный. — В эфир об этом не сообщаем. Но если они утром полезут нас прощупать, мы даже налегке до своих не добежим — очень далеко. Артиллерист! Организуй беспокоящий огонь по вершине над нами и огонь по обоим ущельям!

— Хорошо, сейчас сделаю привязку и попробую артиллерию нацелить точнее, — ответил старший лейтенант артиллерист.

Мы легли с ротным в его спальник, свой мешок в пурге я так и не нашел. Половина вещей роты осталась на склоне, и под снегом их было не отыскать. Теперь на смену жаркому бою пришла пытка стужей. Всю ночь офицеры по очереди бродили по высоте, будили солдат, трясли, толкали: не спать, не спать! Сон — это смерть. Или сильное обморожение. Ужасная метель продолжалась всю ночь. Сна не было ни в одном глазу, был только страшный пронизывающий холод. Снег и ветер, сырая обледенелая одежда. Эти муки становились невыносимы. Все тело ломало, суставы скрипели от сырости. Лишь к рассвету сон все же сморил меня. Я провалился в него, словно в пропасть.

Утро пришло с ярким солнцем. Ветер разогнал тучи, и солнце без малейших помех начало отогревать наши промерзшие тела и души. Вершина ожила.

Солдаты принялись окапываться, строить укрепления, разыскивать вещи. Нашелся в снегу и мой брошенный на бегу вещмешок, а недалеко от него станок от АГС. Вчера стреляли без него с камня.

Внизу в ущелье виднелся кишлак, в который вечером ушли «духи», но никакого движения не было. Видно смотались еще до рассвета. Ротный один взвод поднял повыше по склону, другой спустил пониже. Систему обороны создали, но патронов-то нет. Несколько минут — и нас сметут как пыль.

– Ротный! Что комбат сказал? – спросил я у сидевшего за радиостанцией командира.

– Да ни хрена хорошего! Не отходить! Сидеть, держаться, скоро будут разведчики с боеприпасами. Третья рота в буране ушла в сторону и теперь собирает свои заблудившиеся взводы.

– Ну, Женька! Как же так? Опытный офицер ведь?

– Кто их знает как. Может, заблудились. Может, испугались. Да в принципе, опасность, я думаю, миновала. «Духам» не до нас: раненые, убитые. Боеприпасы за два дня боев тоже, наверное, на исходе. Поскольку они не знают, что с патронами в роте совсем «жопа», думаю, они сегодня не сунутся. Мы не трусы, а боевое подразделение, они это поняли.

– А вертушки? – удивился я. – Почему вертолетом не забросить нам помощь?

– Вертолетчики после обстрелов из ДШК не хотят сюда соваться. Тем более что ни убитых, ни раненых тут нет. Сейчас позавтракаем и будем наблюдать за окрестностями, греясь на солнышке.

Я жевал сухарь и ковырялся в банке с кашей, наблюдая за часовым. Колесо маячил по склону, уже который час.

– Часовой!

– Я!

– Пойди сюда, дружище.

– Да. Слушаю.

Мокрый, грязный, измученный солдат с тоской смотрел мне в глаза.

– Колесо, ты чего маячишь третий час по сопке?

– Я на посту.

– А смена каждый час. За кого стоишь?

– Ни за кого. За себя. Я не устал.

– Кто с тобой на посту должен стать по часам.

– Хафизов, Хайтбаев, Керимов.

– Понятно. «Мафия узбекская.» Сержанта ко мне. Быстро. Мухой!

– Да я ничего, постою...

– Я же сказал: мухой! Сержанта сюда.

Сержант, не спеша, озираясь и ругаясь про себя, приблизился. На руках надеты кожаные перчатки, толстый воротник свитера вылез из х/б. Одет не по форме, выделяется.

– Да, слушаю.

– Не понял, повтори.

– Слюшаю, что нада?

– Ты еще и хамишь?

Коротким ударом в зубы свалил наглеца с ног в снег.

— Сволочь! Чего ты, мразь, выпендриваешься? Вчера взводного бросили, трусы поганые, сбежали. Ты побежал первый, а сегодня над солдатом молодым издеваешься, который честно бился.

Сержант, что-то бормоча на родном языке, поднялся и угрожающе зашипел. Ну прямо как змея.

— Не шипи, скотина. На пост заступаешь, Хайтбаев, сейчас же и до вечера.

— Убью! — прошипел, злобно сверкая глазами, этот недоносок.

Он потянул на себя автомат, но ударом ботинка в пах я его сшиб в снег и придавил грудь каблуком. Я все сильнее вдавливал его в снег. Сержант шипел, хрипел, выл и извивался. Несколько ударов по почкам и голове его успокоили. Опомнился.

— Встать! Сволочь! Будешь рыпаться — пристрелю как собаку, и спишем на боевые потери! С сегодняшнего дня ты не младший сержант, а в полку приказ на тебя оформлю. И не таких обламывали. Марш на пост, сволочь!

Колесников наблюдал за происходящим в стороне и явно был рад такому исходу, хотя и напуган.

Уже бывший сержант утрюмо побрел к своим землякам, испуганно наблюдавшим за нашей «милой» беседой.

— Хафизов, Керимов! Ко мне!

Солдаты дружно затрусили в мою сторону.

— Итак, трусы и бездельники! Скоро у вас начнется новая жизнь. Можно сказать, она уже началась. Получите нового зам. комвзвода, и «мафии» землячества в роте не будет. Сходи, Хафизов, обрадуй Алимова и Исакова. А потом как обрадуешь — на пост, к трупы главаря. А ты, Керимов, на пост к обрыву. Ночь делите на троих, а Колесо отдыхает за сегодняшнюю ночь. Исполнять!

Грусть и печаль появилась на лицах «азиатов». Меня радовало их уныние. Борьба с ними в роте велась, но пока успехов было мало. Воевать они не любили и не хотели, работать тоже. А вот покурить, поспать, пожрать, что-нибудь спереть — мастера. Готовы болтать на своем языке «хала-бала» целыми днями. Главное — бездельничать и отлынивать от работы.

Наблюдатели заметили подмогу. Медленно передвигая ноги в глубоком снегу, брела цепочка бойцов. Вскоре первый выбрался к нам на вершину.

— Встречайте спасителей, — радостно прокричал Мачану, сержант-молдаванин. — Подкрепление прибыло!

— Устали ждать! — ответил им ротный.

— Торопились, как могли. Несли очень много, — ответил командир разведвзвода старший лейтенант Коля Пыж.

— Разведчики! Герои! Спасли первую роту, — с пафосом произнес Острогин.

— Мужественная разведка выручила зачуханную пехоту! — поддержал иронию взводного Кавун.

— Ладно, ладно, хватит. Делите патроны и гранаты, вот лента к «Утесу» и лента к АГС, — смущенно проговорил Николай.

Сибирский богатырь, пулеметчик Гостенков, по кличке Папа, вынул из мешка два цинка с патронами. Ого! Ватников высыпал несколько гранат и положил две мухи. Два чеченца выложили из мешков по цинку патронов 7,62 к пулеметам ПК. Тарчук раздал патроны снайперам, а зам. комвзвода высыпал сигнальные ракеты. Взводный также принес на себе цинк патронов для ПК. Два таджика положили на снег ящик с двумя цинками 5,45 мм автоматными патронами.

Боеприпасы поделили по взводам, и все вокруг защелкали, заряжая магазины. Это уже кое-что, можно еще раз повоевать. Хватит часа на полтора — на два боя.

Следующим утром пришла команда возвращаться к батальону. Ущелье прочесали разведбат и саперы, понаставили мин-ловушек. Пора к своим. Наконец-то.

Я с командиром и разведчик пошли посмотреть на убитого главаря. Его документы уже давно были у нас. Автомат АКМ подарили разведчику Пыжу.

— Иван! Посмотри! У «духа» ушей нет.

— А они были? — усмехнулся ротный.

— Издеваешься?

— Угу. Их нужно у дембелей искать. Ларик или Васька срезали. Трофей! Думаю: не найти их, прячут всегда хорошо, черти! Главное, чтобы на строевом смотре каком-нибудь не всплыли перед проверяющими начальниками!

— Что будем делать?

— Уходить. Больше ничего.

Развязывать нагрудник у трупа я не захотел, надо «духа» тогда переворачивать. Ротный финкой срезал веревки и протянул нагрудник мне:

— Держи, Ник, на память! А то твой ведь весь разорванный, старый. Под тело я заложил Ф-1 с выдернутым из запала кольцом.

— Пусть забирают вместе с сюрпризом, — иронически произнес Иван, наблюдая за моими действиями. — Растешь прямо на глазах.

— Забирать обязательно придут, где-нибудь тут и похоронят поближе к Аллаху. Если повезет, сразу еще похоронят кого-нибудь с помощью твоей «ЭФ-ки», — заулыбался разведчик Пыж.

Нагрудник был весь залит кровью, но новенький, пакистанский. Да и кровь чужая — вражеская.

— Одеты они все были с иголочки, вооружены, экипированы тоже хорошо. Не простая банда, — задумчиво произнес Пыж.

— Ну, все! Снимаемся отсюда, — скомандовал ротный. — Ты, Пыж, налегке, поэтому нас прикрывай. А когда мы спустимся, снимайся с горки и ты.

Вот и вновь тяжелая дорога. Теперь по колено в снегу опять работать выючными животными.

В конце дня мы выбрались к указанному району, но батальона там уже не было. Нас встретил лишь один взвод третьей роты, который страховал наш отход. Пять минут привал, и снова в путь. Наша рота, взвод третьей роты и разведвзвод спускались ниже по хребту, все ниже и ниже. Снег все тоньше и тоньше, все теплее и теплее воздух. Бушлаты сняты и привязаны к мешкам. Морозов уже не предвидется, но есть люди слегка обмороженные в первую ночь после боя. Солнце в зените, жара и обмороженные лица, руки и ноги солдат. Парадокс!

Натыкаемся на стадо «зеленых» — это солдаты афганской армии. Грязные и замученные, сидят у костров, что-то едят. Несколько мешков с крупами, луком и рисом лежат на земле, а рядом связанные овцы. Это — будущий шашлык и плов. Афганцы дружески помахали руками, поздоровались. К нам подошел их командир, старый знакомый, он сносно болтал по-русски.

— Ваш батальон уже ушел дальше, опять догонять!

Роту пригласили поесть, но надо двигаться. Некогда. Как радушный хозяин, командир батальона «сарбозов» показал рукой на несколько небольших горок консервов.

— Возьмите себе, солдаты мои братья не хотят этот сухой паек. Видите сами — продуктов у нас много, а это все пропадет.

— Вот спасибо, друг! Консервы возьмем, — поблагодарил ротный и обнял его за плечи, — а тебе от нас тоже подарок. — И Иван подарил афганскому комбату трофейную финку.

— Вань! Ты чего отдал финку «зеленому»? Лучше бы мне подарил, — возмутился я.

— Она мне уже не сгодится! Сейчас домой, а там замена. Ну, а этот «братан» нам гору консервов дарит, а я в долгу остаться не могу.

Банки были болгарские — мясо с бобами, мясо с картофелем, мясо с овощами! У нас таких никогда не было. Бойцы дружно высыпали остатки банок с перловкой из мешков и разбирали новое невиданное угощение. Ура!

Дойдя до новой задачи, рота просидела на месте три дня, поглощая консервы и нахваливая Минконсервоощплодпром Болгарии. Наконец-то все обошлось без стрельбы. Хоть три дня спокойных.

Весь батальон спускался по хребту к инженерно-саперному полку. Вокруг были растяжки, много «сюрпризов». Возле них стояли саперы с указками, колонна шла медленно, собираясь невольно возле этих указок. Солдаты перешагивали через растяжки и быстро шли дальше, вновь скупчиваясь у следующей из них. Так мы преодолели по узкой тропе несколько проходов. Метрах в тридцати шел майор Подорожник и группа управления батальона. Разведчики передвигались за управлением, за ними — наша рота.

Перешагивая через проводки, я чувствовал, как сердце замирало, ноги и грудь становились холодными, в висках молотом стучала кровь. Задел провод — и прыгающая смерть, мина-лягушка, начиненная множеством рваных металлических осколков, взлетит и взорвется. Разорвут тишину стоны и крики.

Не дай бог. Не дай бог.

Вдруг впереди раздался громкий щелчок, и в небо взлетел цилиндрический предмет, послышался хлопок, и предмет развалился в воздухе. Чудо. Мина была старая, не сработала.

Все инстинктивно присели, затем встали и, матерясь, пошли дальше. В стороне от тропы комбат «молотил» солдата, зацепившего растяжку.

— Ватников, сволочь! Мудило. Из-за тебя чуть несколько десятков человек не пострадало! Разведчик хренов! Пыж! В наряд его по роте на семь суток!

Пыж грустно забрал у Ватникова автомат, повесил на свое плечо. Солдат совсем ослаб и морально, и физически.

— Шагай, вояка!

Тело солдата, шаркая сапогами, побрело по хребту. Что-то в нем наддомилось. Губы тряслись, глаза — пустые. Никого не видит. Руки дрожат, ноги подкашиваются. Не человек — робот, а еще спортсменом был.

Вот так чуть-чуть не достала людей смерть, когда уже все было позади.

На броне роту встретили как героев. Командир полка обнял Кавуна и всех офицеров по очереди.

— Иван! Герои! Офицеров к орденам, отличившихся солдат тоже. Медалей не жалеть! Лично тебя к «Знамени». Заслужили! По данным

разведки, вы больше двадцати трупов организовали «духам» за два дня. Расчихвостили «черных призраков» — спецназ «духовский». Командарм лично благодарность объявил всей роте! Герои!

— Мы ходили как чумные от знаков внимания. Все из управления полка жали нам руки, начальники хлопали по плечу, выражая восхищение.

Комсомолец батальона, дважды контуженый прапорщик Колобков, подбежал ко мне и обнял.

— Молодец! Наслышан о тебе лично! Не подвел! Уважаю! Перестал в моих глазах быть салагой.

— Ловлю на слове!

— Да, объявляю на весь полк! Замполит первой роты — боевик, а не «зелень»!

Я с блаженством влез на БМП и лег на башню, пушка между ног, голова между люков. Вперед! Домой! Живыми!

Возвращаемся в «дурдом». Лишь бы ненадолго.

Осеннее утро до восхода солнца совсем не ласковое. Дрожь пробирает все части тела. Воздух наполнен влагой. Хорошего настроения и так нет, а от вездесущей сырости становится еще грустнее. Однако первые лучи солнца, спускающиеся в долину из-за горных вершин, облегчают страдания души. Боевая задача обрадовала еще больше. Засесть на ближайшей вершине невысокого хребта и прикрывать проход автоколонны. Роты растянулись в цепочки и поползли в горы в разные стороны, как ручейки, извиваясь по складкам хребтов. Мы прошли мимо развалин придорожной халупы. Все двери выбиты, ворота покосились, стены обрушены во многих местах. Деревья засохли, колодец завален, пыль, да песок с глиной. Пахнет смертью. В овражке перевернутый, давным-давно сгоревший БРДМ, на обочине лежат на боку два закопченных «наливняка». Засада. Смерть. Когда это произошло? Пять лет назад? Год? Кто знает. То ли «духи» отомстили за развалины, то ли наши превратили дома в руины, отомстив за засаду. Вот мы тут и будем сидеть, чтоб техника прошла без потерь. Броня встала вдоль дороги, а мы — марш-марш наверх. Подъем невысокий, всего метров триста. Это радует, потому что утренней прохлады как никогда и не бывало. За полчаса солнце растопило росу, высушило воздух и начало жестоко припекать. Сразу стало тяжело двигаться, пехота пыхтела под тяжестью снаряжения. Идти вверх всего ничего, а пока поднимались — тельняшка мокрая насквозь от пота.

На вершине узкого каменистого хребта площадок, годных для лагеря, было совсем мало. Взводы расползлись по точкам и распределились по постам. Третья рота ушла в глубину горного массива, а на соседней господствующей высоте засел комбат с управлением батальона и взводом связи, вокруг него — отдельные взводы: АГС и разведчики.

Дорога блестящей полосой лежала у подножия, влево бежала в Кабул, вправо — туда, где я еще не бывал, на Баракибарак.

Разведрота, танки, самоходки и наша техника стали сползать с дороги по проселку в долину. Вдалеке виднелся кишлак, к нему-то разведка и пошла. Артиллерия произвела несколько залпов, минометчики, танкисты и БМП «обработали» окраину. Затем все стихло, и часа два ни стрельбы, ни движения. Пусть «духи» лучше уйдут по кяризам, чем мы будем гонять их по кишлаку, теряя бойцов. А в колодцах их будут травить дымами.

Итак, внизу тишина, наверху у нас тоже тишь и гладь. За ротного в рейде Грошиков. Еще в полку он, смеясь, клятвенно обещал, что в этот раз, если в меня стрельнет, то наверняка попадет. Кавун слегка приболел. И в этот раз взводных опять некомплект, поэтому я не остался на КП роты, а командую вторым взводом.

Бойцы организовали завтрак. Я съел из баночки разогретую кашу, попил из другой баночки чай и в СПС на боковую.

Солнце палит. День кажется бесконечным. Горячий, тягучий. Минуты идут за минутами, которые нехотя складываются в долгие часы. Зной, зной, зной. Ни дуновенья ветерка. И это называется октябрь. Я уже весь коричневый от палящих лучей. В полдень подошел ко мне сержант и сказал, что взводный лейтенант Корнилов зовет в гости.

Лениво поднимаюсь. Послать к черту и лежать дальше? Смертельно надоело бездельничать. Бока от камней болят. Взял кроссовки и перебрался по каменной гряде к площадке, где расположился лейтенант.

— Чего тебе, взводяга? — спросил я у Корнилова.

— А поболтать, з-замполит?

— О чем?

— Ну, в смысле анекдотов.

— Думать надо, а мозги уже растаяли. Наверное, ни армейских, ни политических, ни про Чапаева даже не вспомню.

— А я про это и не люблю. Я люблю про «б-баб-с». У него — была дурацкая привычка в разговоре сдваивать согласные.

— Саня, про «баб-с» — это лишнее возбуждение твоего неокрепшего ума при нашей импотентной жизни. Давай лучше чайку попьем, да на горы посмотрим. И потоскуем.

— Как это на горы потоскуем?

— А ты посмотри, какое зыбкое знойное воздушное марево стоит над горами. Над морем в зной тоже такое марево. Вот сиди на камушке и представляй.

— К-короче, предлагаешь мечтать.

— Точно. Предлагаю.

Мы сели на раскаленные камни — сидишь как на сковородке. Неудобно мечтать.

— Исаков, принеси-ка, б-будь любезен, б-бронезилет.

— Зачем?

— Т-товарищ с-солдат. Я сказал б-быстро! Пока я твое мясистое мурло не намял.

Солдат что-то забормотал по-своему, непонятное, и нехотя побрел к нам, волоча по камням бронник.

— С-солдат, поакkuratней с имуществом. И еще раз скажешь свое «ананенский джалап», так этот «джалап» в т-твоих зубах и застрянет. П-понял?

— Так точно, — ответил солдат уже без злобы и с заискиванием смотрел на взводного.

— Вот т-так и смотри л-ласково и п-преданно в глаза к-командиру. Шагай на пост, с-смени Джураева.

Мы уселись на развернутый бронник, а снайпер побрел уныло на пост, продолжая что-то бормотать.

— Вот в-видишь идет и бубнит, весь с-свет ругает и себя за дерзость и нас за то, что не вовремя и не там сели п-помечтать.

— Год только прослужил, а видишь, Саша, пытается зубы показать.

— Вырвем.

За спиной что-то заурчало. Мы оглянулись и посмотрели вниз на шоссе. По бетонке растянулась колонна КАМАЗов — «наливняков». Впереди шел БРДМ, который внезапно открыл огонь из пулемета по нашим позициям. Я, Александр, солдаты, сержант — все дружно рухнули за камни в мертвое непростреливаемое пространство. А эта сволочь продолжала поливать по нам свинцовым дождем.

Колонна была наша, а не афганская, поэтому стрелять не стали в ответ, да и для этого еще до оружия надо добраться. Кругом пули свистят и визжат.

— Пусти ракету, дескать, мы свои, а то этот мудака не успокоится. Там ведь внизу старые «горелики» валяются, вот он для остротки и долбит сверху, на всякий случай.

Корнилов прополз к «эСПСу» и пустил две ракеты, кинул мне «дым» и «факел». Я их быстро зажег, но пулеметчик то ли не видел их, то ли не верил, что на вершине наш пост, продолжал молотить. Корнилов вышел на ротного, тот — на комбата, комбат — на нас. Мы объяснили, что тут творится, что за стрельба. Комбат доложил в штаб полка. БРДМ стрелять закончил и умчался вслед колонне. Мы успокоились и сели вновь позагорать. Со стороны Кабула в небе медленно приближалась пара вертушек «Ми-8».

Вдруг вертолет, летевший впереди, пустил ракеты по нашей высоте. «Нурсы» вонзились в камни, метров на десять пониже лежанки. Солдаты и мы с взводным запрыгнули в считанные секунды в СПСы. Вторая серия ракет прошла там, где мы только что отдышали, к ракетам добавился и пулеметный огонь. Черт! Точно попали. Кучно стреляют!

Все позиции батальона заволокло клубами дыма, это солдаты подали сигналы, что на горах свои. По ротам комбат начал запрашивать, все ли целы. Удивительно, но все. Никого не зацепило. Вертушки сделали еще два круга и улетели вслед за колонной.

– Все этот козел из БРДМа на нас вертолеты сопровождения направил! Наверняка, – сказал я.

– Да уж, больше некому. По нему из гранатомета в ответ надо было дать, но потом не докажешь, что не вверблюду.

– Еще интереснее было бы вертушку завалить. Чего они, бараны, без разбора молотят? Неужели не знают, что операция армейская проводится? Ты представь, Саша, первые ракеты пришли бы метров на десять выше – легли бы все. Тут такая тушенка была бы!.. Фарш из нас тобой и всего взвода.

– Н-не хочу быть ни «фаршем», ни «паштетом», ни «рагу»! Хочу домой ж-живым, а не в ящике.

– Н-да козлизм! Не так «духи» опасны, как свои.

– Да уж, кому как не тебе это знать. Вообще от тебя, Ник, н-надо подальше держаться. Ты п-пули притягиваешь. Иди-ка к себе. Отдыхай.

– Ну, спасибо, за гостеприимство! Нет, мил-человек, я от тебя не уйду без чая.

– Джураев! Б-быстро лейтенанту кружку чая, он нас покидает. Да-да поскорее, а то штурмовики еще прилетят. Б-без тебя было т-так тихо и спокойно. А я еще хотел, дурак, с т-тобой в карты поиграть. Н-нет уж лучше посплю.

Солдат вскипятил чай в банке из-под компота, принес сухарь и сахарок. Я с наслаждением все выпил, съел, потянулся

– Саня, а может, в картишки?

– Н-нет, нет уж. Иди, иди. От тебя одни н-неприятности.

Забросив автомат за спину и повесив на грудь лифчик с магазинами, я побрел к себе. Проверил бойцов, поменял молодых часовых на старослужащих, прилег на спальник, прижавшись к камням. Сверху сержант над ними растянул плащ-палатку. Прямые лучи не палили, но от духоты можно было задохнуться. Вода во фляжке такая теплая, что лучше и не пить. Сон опрокинул в пропасть забытья, но чей-то противный голос вернул меня к реальности.

– Товарищ лейтенант! Ротный зовет! – меня за ногу теребил унылый солдат. Грязные потоки пота струйками стекали по его лицу.

– Солдат! Ты почему такой грязный? Салфетка есть освежающая?

– Есть.

– Ну так, физиономию и руки протри. А то так сразу какую-нибудь быстро подхватишь. Ты – Свекольников или привидение?

– Так точно! Свекольников!

– Хочешь быть здоровым и выжить «не чмырей», «не будь чмошником», а то задолбят сержанты и старослужащие. Ты, наверное, бывший студент?

— Да, почти год учился, пока не забрали. А в Афган я добровольцем, сам рапорт писал.

— Придурок!

— Почему?

— Потому что, значит, не я один такой чокнутый «дятел». Есть еще добровольцы на этой войне.

Солдатик грустно засмеялся.

— Как зовут тебя, не помню?

— Витька.

— Эх, Витька-Витька, Виктор — победитель! Мойся, стирайся, не унывай, не отчаивайся, и все будет хорошо. Домой вместе уедем. Понял?

— Понял, товарищ лейтенант!

— Чего тебе от меня надо?

— Командир роты зовет.

— В Кабул? В медсанбат? К своей малярийной инфекции?

— Нет, на высоту, на КП роты.

— На высоте сидит зам.комроты. Но вообще, ты прав, в данный момент он — ротный. «И. О. ротного» не звучит, а зам. комроты не понятно, ведь я тоже зам. ротного.

— Вы же замполит?

— Эх, Витька, это и есть зам, но только по политической части.

— Понятно, а я думал, как это «замполит»?

— Не поймешь: где тебя готовили и чему учили? Ни стрелять не умеешь, ни обратиться, как положено. Чего это «длинному» нужно от меня?

— Не знаю, он не сказал. А мы вместо подготовки в Туркмении дома строили.

— Да это я так, сам с собой рассуждаю. Знаю сам, как обучают, участвовал в этом процессе. Ну, иди, скажи: сейчас приду.

Грошиков встретил меня радостно.

— Ник! Жив и не ранен! Везучий! Как они все старались и лупили по тебе. Живучий, гад!

— А ты что хотел, что б попали?

— Что ты, что ты! Собирать тебя надо было бы по частям. Вниз тащить. Головная боль только лишняя и морока. Живи.

— Сволочь ты! Вместо сочувствия — издеваешься.

— Почему же издеваюсь? Я откровенно рад, что ты жив и не являешься в данную минуту «грузом 200».

— А уж как я этому рад, ты и представить не можешь. Это ты, наверное, их на нас навел. Самому до меня не дострелить, да и из вертолета ракетой надежнее!

— Х-ха-ха-ха! Молодец, не унываешь. Но тебе везет. Не убьют — будешь жить! Точно! Это я тебе говорю. Чаю хочешь?

— Чаю, чаю. Надоело уже чай хлебать.
— Ну, извини, водки нет!
— Да не люблю я эту заразу. Я коньяк люблю.
— Вот еще и носом крутит — коньяк подавай.
— Но ведь и водки у тебя нет, да и в этом пекле водку пить — самоубийство!

— Баночку сока хочешь в виде премии за живучесть?

— Конечно, хочу! Спрашиваешь.

Грошиков достал из мешка стограммовую баночку яблочного сока, пробил дырки, и мы распили ее на двоих.

Вдруг раздался сильный грохот. В долине, где ползала наша техника, к небу взметнулся столб черного дыма и пыли. Сергей схватил наушники радиостанции и стал напряженно вслушиваться в эфир.

Повернувшись ко мне, с побледневшим лицом произнес:

— МТЛБ на куски. Старший лейтенант Быковский и еще два «карандаша». Всех грохнуло. Фугас! Суки! Суки! Давай дуй к взводу, комбат будет по точкам на связь выходить. Быстрее.

Я бежал к взводу и соображал: «Сашка! Сашка! Мы ведь почти вместе в полк приехали. Такой здоровый парень, жизнерадостный! И вот его нет. А ведь еще пару дней назад за одним столом завтракали в столовке, анекдоты травили. Фугас заложили солидный — метров на тридцать столб дыма поднялся ».

Комбат спросил, как обстановка, как дела, как самочувствие после обстрела вертолетами. Приказал усилить наблюдение, повысить бдительность и т. д. и т. п.

Ночь прошла спокойно, день тоже. Сходил к Корнилову, поиграли в карты, поболтали.

— С-слушай, Ника, душа требует разрядки. Пострелять что ли в ущелье? А то по нам лупили, а мы даже ни р-разу не выстрелили.

— Давай сделаем так: часов в двенадцать ночи из всех стволов жажнем в ущелье. Сначала я, потом ты поддержишь. Для успокоения нервов. А то у меня на душе так гадко.

— Д-давай. Повеселимся.

Ровно в полночь со всех постов принялись молотить в ущелье, с Саниной задачи также присоединились все огневые точки. Постреляли минут пять, пустили для вида пару осветительных ракет. Тут на связь вышел комбат.

— Что за стрельба?

— Да часовой что-то в лошине заметил, — ответил я.

— Ну, так вот, в пять часов сбор, на точке оставить по одному бойцу тебе и соседу. Проходишь мимо него, и все вместе на мое КП. Полная

выкладка, ничего не оставлять. Развеетесь, прогуляйтесь, заодно и проверите, что в ложине творится. Времени на передвижение — один час. Опоздаете — будете тренироваться. Сейчас оружие почистить. Прием.

— Вас поняли, — вздохнул я и отправился к Корнилову.

— Ну, попали, завтра «вдует» на всю катушку. Короче, говорим, что тебе тоже было видно какое-то движение.

— Да, понятно-понятно. Почудилось, — согласился Сашка.

— Почудилось, причудилось, привиделось. Но вот, скажу тебе: пару магазинов выпустил, швырнул гранату, хоть знал, что никого внизу нет, а чуть-чуть на душе после гибели наших полегчало. Вроде как будто кого-то завалили.

— Мне т-тоже полегче стало. Ну что, утром в путь?

— Жди, только не стреляй в меня!

В пять утра бойцы засуетились, подгоняемые двумя сержантами. Все барахло сложили еще с ночи. Осталось только бушлаты да плащ-накидки приторочить к мешкам.

И в путь. В предрассветных сумерках идти неудобно. Кроссовки скользят по сырým камням, идем, то и дело спотыкаясь и чертыхаясь.

Дубино костерил на чем свет стоит себя, солдат, комбата. Меня тактично не упоминал.

Корнилов с взводом уже ждал, сидя на мешках.

— Ну, погнали?

— П-погнали.

Нам еще повезло, что КП было в принципе рядом. На высоту впереди нас я послал в дозор двух бойцов. Под их прикрытием поднялись, затем спустились и вновь поднялись. Забрёзжил рассвет, лучи солнца играли на вершинах. Еще не жарко, но уже не прохладно. По склону, поднимаясь к лежбищу управления, мы брели под насмешливыми взглядами охранения.

На камнях укрытия сидели и пили чай командир взвода связи и прапорщик, начальник батальонного медпункта.

Прапорщик Айзенберг почесал переносицу, снял с длинного носа очки, подул, протер их и, усмехаясь, спросил:

— Ну что, соколы-орлы, запыхались?

— Да, есть немного. Доложи комбату — прибыли, — тяжело выдохнул я.

— Босс сказал — не беспокоить. Встретить вас и засечь время прибытия. Уложились вовремя. Передаю приказ: вернуться на позиции, организовать наблюдение, осмотреть склоны, собрать трупы врагов. Если обнаружатся. Больше не чудить. Это все.

— Т-так, Папа, — так его звали все офицеры, — а лекарство от нервов, грамм двести, девяносто шести процентного, не выделишь?

— Нет, не выделю. Кто лечится даром, тот лечится — даром. Как сказал комбат: «Гуляйте в зад». Могу дать из сострадания сигаретку.

— Спасибо, не курю.

— Я тоже не курю, — подал голос Сашка, — но рюмку хряпну.

— А как же борьба с алкоголизмом? Согласно постановлению ЦК КПСС и Правительства в Советском Союзе весь народ в едином порыве начал борьбу с пьянством.

— Так это в Советском Союзе. Вот как приедем в него, так и начнем бороться, — засмеялся Сашка.

Мы дружно посмеялись, перекинулись еще парой фраз.

— Ну ладно, Сашка! Бежим отсюда, пока командир не проснулся и воспитывать не начал.

— А чего тебя воспитывать? Ты же замом его числишься в этом рейде. Штатный Сидоренко болен, так что воспитывать будут только взводного, — улыбнулся в усы связист, старший лейтенант Чичин.

— Н-ну, я так и знал. Снова взводный — крайний. Маленького все обидеть норовят. Все, быстро сматываемся, — пробормотал Сашка.

И мы уныло побрели обратно на задачи. Солнце начало припекать, чтоб не «свариться», нужно было спешить.

* * *

Несколько дней мы медленно «варились» и «поджаривались» под палящим солнцем, а по ночам пробивала дрожь от холода. В горах стояла тишина. Время от времени что-то происходило в эфире, нас это не касалось. Техника вся работала в кишлаках, поддерживая десантников местной бригады. Однажды рано утром получили приказ на спуск. Броня, бросок к площадке подскока — и вертушками в горы. Едва высадились, как по площадке ударили из «ЭРэСов». Реактивные снаряды с какой-то крыши пускали по наклонной доске.

Рассредоточившись, установили пулеметы и АГС, минометы, и из всего, что стреляло, рота принялась молотить по кишлаку. «Духи», наверное, уже и пожалели, что связались с нами. У роты и задачи не было чесать «зеленку», сами нарвались.

«Духи» отвечали огнем из стрелкового оружия — «ЭРэСы», наверное, кончились. «Утесом» мы придавили всех, кто пытался бегать по кишлаку.

Грошиков подозвал меня к себе:

— Ники! Возьми пулеметчика Мурзаилова и держи под контролем ручей. К тебе со всех взводов спустятся за водой. Смотри, чтоб не обошли и не накрыли. У нас все внимание на кишлак, будь осторожен. Водой-то нас не успели снабдить, а что будет дальше — не известно.

— Все понял, шеф! Если что, спасайте!

— Спасем, спасем.

Я подполз к камням, за которыми лежал пулеметчик. Солдат время от времени пускал короткие прицельные очереди и что-то бурчал на родном языке.

— О чем говоришь, Саид?

— Ни о чем, это я пою, товарищ лейтенант.

— Н-да. Довольно оригинальное пение, гортанное. Песня горца?

— Да, я в горах вырос и всю жизнь жил.

— Ну и молодец. Бери пулемет и патроны и за мной к ручью. Приказ ротного. Родничок будем прикрывать.

— Хорошо, товарищ лейтенант. Вода — это хорошо!

Этот верзила, заросший щетиной, с обветренным с детства горными ветрами лицом был похож на снежного человека. Только вместо дубины на плече нес пулемет ПК, который в его руках был не больше карабина. Настоящий «ёти».

Мы собрали свои фляжки для воды и быстро спустились к роднику. Утолив жажду горной водичкой из родника и наполнив фляжки, прилегали за бугорок. Вскоре начали спускаться один за другим солдаты на водопой, обвешанные пустыми флягами и РД.

Впереди шел Витька Свекольников, нагрудника или подсумка с магазинами на ремне у него почему-то не было.

— Солдат! Ты почему без патронов?

— Как без патронов? У меня магазин в автомате.

Я взялся за магазин и отсоединил его от автомата. В рожке торчал один патрон, второй — в патроннике. Я хлопнул два раза магазином ему по лбу.

— Ты что, гад, делаешь. Идет бой, а ты ходишь без патронов! Теперь у тебя не автомат, а дубинка. Бегом в гору, за патронами!

Еще три перепачканных солдата дружно засмеялись.

— Чего ржете? Колесо, у тебя где патроны?

— В магазине, — гордо произнес солдат и отстегнул его от автомата.

Патронов в магазине не было вообще. Солдат побледнел и, повернувшись, рванул в гору. Догнав его в два прыжка, я впел ему звонкого пинка под зад, отчего тот получил ускорение и перешел на бег на четырех конечностях.

— Кайрымов, автомат к осмотру!

(Чего смотреть — два патрона.)

Я зло посмотрел в его глупое лицо.

— Кругом! Бегом!

Пинок ускорил и его движение. Мурзаилов, лежа у пулемета, издавал гортанные звуки, напоминающие рычание льва, но это был всего лишь смех.

У Алимова в снайперской винтовке был также только один патрон. И все. Две затрещины — и на гору вернулись все посыльные без воды.

Через пятнадцать минут водоносы пришли, обвешанные подсумками или торчащими изо всех карманов магазинами.

— Быстро набирать воду и помыться! Вы что думаете: это моя глупая прихоть? Без патронов спускаетесь, а если мы на засаду нарвемся? Год назад в батальоне из третьей роты одиннадцать осло... бов, вот также за водичкой спускались налегке. Яйца их и уши у «духов» до сих пор в трофеях.

— Да тут же рядом, — начал оправдываться Алимов.

— Рядом не рядом, но вы бы и дальше так же пошли бы. Магазин пристегнут, а что в нем — неважно. Один рожок полный, а это на две минуты легкой перестрелки. А что дальше?

— Воду тяжело нести, фляжек много, — вздохнул Свекольников.

— А твое тело тащить будет еще тяжелей. Запомнить на будущее: патронов много не бывает, лучше подсумок с магазинами на боку бьет по яйцам, чем без подсумка и без яиц!

Солдаты затравленно и уныло смотрели на меня. Царегородцев явно готов был от усталости умереть на месте. Но что поделать: им нужно учиться воевать, чтобы выжить в течение этих двух лет в боевом батальоне.

— Всем помыться еще раз хорошенько и наверх.

— Да что мыться снова! Пока в гору залезешь, перепачкаешься, — вздохнул Царегородцев.

— Царь, мыться, мыться, чтоб быть на человека похожим, иначе в раз желтуху или еще что подцепишь и в госпиталь загремишь.

— Да уж, чем по горам таскаться под пулями, лучше в госпитале болеть, — промямлил Царегородцев.

— Дурак ты, братец. Здоровье потеряешь — не вернешь. А здесь — школа жизни. Через полгода будет полегче. Терпи. По взводам вперед!

Солдатики ополоснули руки, лица и побрели в горку, а чуть позже и мы с Мурзаиловым.

— Нэ переживайте, товаришш лэйтенант. Молодые, глупые. Повоюют немного — поймут. Нэ поймут — умрут.

На вершине заканчивалась суета с разбором фляжек.

— Ник! Нам задача: пройти сквозь кишлак, взять пленных и трофеи. Все хибары сжечь. Ты идешь в замыкании. Кишлак небольшой, работы нам на часик. Как мы его пройдем, быстро спускайся и бегом по вон той дорожке к нам. Сигнал — красная ракета. Дарю тебе Мурзаилова с пулеметом. Наблюдайте вокруг. Наши далеко. С той стороны броня подойдет, на ней и уедем. Район «духовский» — не спать, а то всем крышка. Ни тебя, ни нас вытащить будет невозможно.

Рота спустилась в долину при огневой поддержке моего взвода и принялась прочесывать кишлачок. Там было всего-то с десяток домов, и через пару часов из всех дворов появились дым и огонь. Время от времени слышны были одиночные выстрелы, короткие очереди или взрывы гранат.

Вдруг земля в нескольких местах на хребте вздыбилась от разрывов мин. Раздался треск очередей с вершины невдалеке.

— Мурзаилов! Видишь, откуда бьют?

— Да, вижу.

— Вот и стреляй короткими очередями туда, экономь патроны. Прижми минометчиков, не давай стрелять.

Я взял радиостанцию и передал, что нас обрабатывают «духи». По высоте и дальше за ней ударила полковая артиллерия. Накрыли гаубицы кого или нет — неизвестно. Мне дали сигнал, и мы помчались к своим. Через кишлак бежали, не задерживаясь. Вдоль дувалов и в арыке лежали несколько трупов мужчин. У дороги валялась лошадь, а за ней и всадник в неестественной позе. Вот и не ускакал. Трупный запах начинал витать в воздухе. Быстро! Было жарко, однако.

Броня подошла к окраине кишлака, и рота усаживалась на БМП. Возле командирской машины стояли семеро бородатых и небородатых аборигенов, положив руки за голову.

— Вот, видел, замполит, сколько наловили? — улыбался Сергей. — Сейчас их разведке сдадим, пусть морочатся. Подгоняемые прикладами и пинками пленники влезли на бронемашину, и колонна быстро двинулась к полковому лагерю.

Когда сидишь на башне и твои ноги отдыхают, когда пыльный ветер обдувает твоё лицо, когда много еды, воды, становишься почти счастливым. Можно даже подремать, помечтать, пофилософствовать.

Например, какого черта я здесь забыл? За каким хреном меня сюда занесло? Ведь полстраны и знать не знает, где этот Афганистан. А что мы здесь воюем, вообще, почти никто в Союзе не знает. В газетах написано, что я и мои солдаты сажаем деревья, строим школы, восстанавливаем дома и мечети, помогаем убирать урожай.

Сколько же урожая я помог собрать, давая гусеницами виноградники, а как удобно ремонтировать жильё, стреляя по нему из гранатомета. Радости у местных жителей от моего присутствия не наблюдалось, глаза счастьем не светились. Никто нам был не рад. Я совсем не так себе представлял все это.

Интернациональная помощь — это как война в Испании, где полмира помогало в борьбе с фашизмом.

А что тут? Мы воюем с местным населением, а также добровольцами или наемниками со всего света. Негры, арабы, европейцы. А успехи

наши такие же, как и успехи американцев во Вьетнаме. Чем больше воюем, тем больше воюют против нас. На место убитого отца встает сын, за погибшего брата мстит младший брат. Так может продолжаться до бесконечности. За пять лет ситуация только ухудшилась. Контроль осуществлялся за шестнадцатью-двадцатью процентами территории страны, да и то только там, где находились военные городки, посты и заставы.

В официальной пропаганде, которую я толкаю на политзанятиях, говорилось: если бы мы сюда не вошли, то в Афган вошли бы американцы. Это, конечно, вряд ли, а если бы и вошли, то по горам вместо меня ползали бы Биллы и Джоны. Хотя им Вьетнама по самые гланды хватило.

Вероятно, Брежневу и компании захотелось расширить лагерь социализма. Экзотического социализма, в условиях средневековья. Есть же социализм в Туркмении и Таджикистане. Почему бы не построить его еще в одной азиатской стране?

А то, как же так: Ленин, Сталин, Хрущев лагерь расширяли, а при товарище Брежневе — все по-прежнему.

Ну, а затем генсеки стали умирать один за другим, совсем обветшало руководство страны. А что делать с этой войной — никто не решил. Не до того, не успевали. Пришел к власти, опубликовал мемуары и умер. Да и наша военная верхушка просто так войну не отдаст. Должности, звания, награды. Одних героев-генералов уже не один десяток. Стрелки на карте в уютном кабинете рисовать — не в атаки ходить и под бомбежкой трястись. Небольшая война — самое выгодное дело для высокого командования из министерства и генштаба: уважение появляется у руководства страной (не даром хлеб едят, деньги получают), растет военный бюджет. В общем, за непонятные высокие идеи отдаются солдаты и младшие офицеры. Вот теперь Сашку Быковского и экипаж МТАБ сожрал молох войны...

Руки грязные, рот забит пылью и песком, потное тело чешется, помыться бы... Несбыточная мечта... И несбывшаяся. Пока доползли до своих, уже стемнело, полевую баню свернули. Вот так всегда: все — для тыла, все — для штабов, все — для победы. А для фронта...

Рано утром роты подтянулись к вертолетной площадке. Успели только пополнить запас патронов и гранат, получить паек на трое суток, набрать воды во фляжки.

Офицеры и сержанты шумят на солдат, я тоже внес свой вклад в суету, подогнав несколько бойцов легкими затрещинами. Не успеваем, поэтому торопимся.

Поздоровавшись с разведчиками, вдруг заметил висящего на дверце БМП одного из вчерашних наших пленников.

Он стоял на цыпочках, голова свесилась на грудь, руки были скручены за спиной, а от связанных запястий была протянута петля на шею. Легкий ветерок шевелил на голове волосы и бороду.

— Что с ним, Петро? — спросил я у взводного-разведчика.

— Злой был очень и ругался, подвесили к дверце, надо было на цыпочках стоять. А он, гад, ругался и плевался. Ну, я ему и дал по «кокам». Зачем он встал на ноги, так ведь дышать невозможно, — ухмыляясь, ответил Турецкий.

— Ну, вы живодеры!

— Ладно-ладно, умник, пойди с ними поговори по-хорошему, может, чего расскажут. Этот как встал на ноги и захрипел, так остальные наперебой все рассказывать начали.

— Хотя бы сняли его, а то завоняет и закоченеет.

— Ваш «дух» — вы и снимайте. Нам он уже ни к чему.

— Да пошел ты к черту! — я сплюнул в песок, и, закинув поудобнее автомат через плечо, двинулся за ротой.

Рядом проходил афганский батальон. «Зеленые» с ужасом смотрели на подвешенного. Мусульманин не должен быть повешенным — к Аллаху не попадешь в рай. Их командор что-то громко говорил нашему командиру полка, оживленно жестикулируя.

Подполковник, как африканский носорог, налетел на командира разведроты.

— Мудаки! Вы что вытворяете?! Почему «дух» на БМП висит на всеобщее обозрение?! — с этими словами «кэп» врубил разведчику мощную оплеуху.

Галеева назначили ротным неделю назад, это был его первый рейд — и такой прокол.

— Ты что, всех нас под монастырь подвести хочешь, п... к х... в? Царандовец доложит в штаб, что мы тут над пленным зверствуем, и ты с роты слетишь, а я — с полка! Я тебя в порошок сотру, морду разобью, б..., п...ст. — Далее нецензурная брань продолжалась минут пять.

Все это время командир тряс Сашку Галеева за грудки с такой силой, что его голова раскачивалась, как маятник. Ротный был на две головы выше, да и подбородок поднимал вверх, поэтому дать по физиономии командир никак не мог, а мог только треснуть пару раз в грудь.

Офицеры-разведчики пулей метнулись за БМП и наблюдали, высунув головы, как жирафы.

Два разведчика подбежали и, срезав веревку, оттащили труп к ложбине. Через пару минут над телом возвышалась груда камней. Вот теперь порядок.

Вертолеты садились и улетали с площадки один за другим.

Пригнувшись и закрываясь от пыли, мы заскочили в вертолет. Борт взвился в воздух, и началась болтанка. Он летел по ущелью, раскачиваясь из стороны в сторону, с борта на борт. Я сидел, вцепившись руками в сидение, бойцы испуганно смотрели в иллюминаторы, снайперу не хватило места, и он лежал на мешке, катаясь по днищу и глупо улыбаясь.

Каменистая площадка в обрамлении гигантских валунов была довольно унылой. Роте повезло: задача стояла самая легкая. Все три точки совсем рядом. Одно угнетало и не радовало. В помощь и для контроля был придан зам. комбата Лонгинов, по кличке Ходячий Бронежилет. Этот высокий и стройный капитан на боевых действиях почему-то никогда не снимал с себя бронежилет. В горах он носил легкий вариант, а в «зеленке» и на броне — тяжелый бронник, вооружался с ног до головы, таскал почти «цинк» патронов, кучу гранат. Спортсмен, любитель альпинизма, «деревянный по пояс», он нагнал на роту тоску и уныние. Только его нам не хватало для полного счастья. Он сразу же принялся энергично подавлять ротного. Сергей заметно психовал и, отозвав офицеров в сторону, развернув для вида карту, начал давать указания:

— Мужики! Этот «дятел» сейчас будет мозги всем нам пудрить, а потом комбату все недостатки доложит. Чтоб на постах солдаты были в касках и все в бронниках! Особенно в бронниках! И чтоб по точкам не бродили, не загорали. Ясно! Все — по точкам!

Что оставалось делать? Только выругаться и выдвинуться по задачам.

Не успел я со своим взводом занять точку, как был вызван на КП роты с парой солдат.

На высоте в командирском укреплении стоял, широко расставив ноги, зам. комбата. В тельняшке и бронежилете, с биноклем на груди он смотрелся очень внушительно. Ну и чудак!

— Товарищ лейтенант! Очень медленно ходим! Приказы надо выполнять побыстрее, — возмутился капитан Лонгинов.

— Да я и так весь вспотел, так торопился.

— Потеем мы все, а ваши шуточки сейчас из вас выйдут с очень большим потом. И нечего ухмыляться. Взять одного сапера, пулеметчика, санинструктора. — Степан при этих словах громко выдохнул и заматерился. — Еще четырех солдат и пройти через кишлак. Восемь человек вполне достаточно! Кишлачок просматривается с гор полностью, мы вас, если что, прикроем. Займитесь делом, найдите что-нибудь. Нужны трофеи, результаты. Взвод АГС и вторая рота миномет нашли. Поработайте, чтоб не только языком молоть!

— А я языком не мелю попусту, а с взводом работаю, да еще за батальон отдаваюсь.

— Вы это можете мне не говорить, за кого вы работаете. Это ж надо так умудряться: исполнять три должности и ничего не делать?

— Это не вам судить, делаю или нет.

— Но-но, не хамить.

— А я и не хамлю. А как исполняющий обязанности замполита батальона считаю, что я работаю как замполит роты хорошо. И хотел бы получить задачу от командира роты.

— Во как! Завышенная самооценка у некоторых. Посмотрим, какой результат будет в «зеленке». Время на выход — тридцать минут. Уточняйте задачу у командира.

За его спиной активно жестикулировал Грошиков. Он тряс кулаком, делал большие круглые глаза и строил мне страшные рожи. Лонгинов, он же Бронежилет, оглянулся и возмутился:

— Вы что, товарищ старший лейтенант, паясничаете за моей спиной?

— Я не паясничаю, а замполиту батальона внушения делаю.

— Ну, это не замполит батальона, а случайность и недоразумение.

— Между прочим, эта случайность из рейда в рейд с нами ходит, а что-то наш штатный зам с батальоном в горы не поднимается.

— Разговорчики! Выполняйте распоряжение!

Сергей отвел меня в сторону и сказал тихим успокаивающим голосом:

— Ника! Не обращай внимание, не кипятись. Он ищет повода до тебя докопаться. Главное — не нарвись на засаду, не влезьте на мины. Сапер везде впереди! Я думаю, там ничего нет, но если что найдешь — молодец, будь постоянно на связи, почаще выходи в эфир с докладами, и Бронежилет будет счастлив.

— Серега! Дай ПК, а то нас маловато, а прикрытие с гор — это для зеленых дураков, как я. Но я кое-что уже понимаю. Там ведь, если что случится, вы нам толком не поможете. Только разве что трупы собрать. Потом.

— Ладно, давай аккуратнее. — Серега похлопал меня по плечу и пошел к Бронежилету.

Почему я? Почему этот заносчивый капитан меня так всегда достает? Откуда такая неприязнь? Я, правда, никогда в долгу не остаюсь, но что противопоставить заму комбата?

Кишлак был небольшой, вытянутый вдоль ручья, полтора десятка дворов. Ряды виноградников, немного ухоженных террас с клевером, пшеницей, кукурузой, коноплей. Жителей не было. Дом за домом мы осматривали местность, и не было ни души, ни оружия, ни боеприпасов, ни животных. Ничего. В центре стоял самый большой «дувал», росли орешник, шелковица, яблони. Это оказался «дукан». Много мешков с сахаром и мукой, ящики с чаем, корзины с яблоками.

Сержант под прилавком нашел автомат и радостный подбежал ко мне с находкой.

— Вот нашел, товарищ лейтенант, я такой и не видел ни разу.

Это был итальянский автомат «Берета» и магазин патронов к нему. Больше ничего, кроме двух старых ружей (мультиуков) и сабли, в деревне не нашлось.

Бронежилет находкам обрадовался, доложил о результатах в полк и приказал:

— Сжечь все, что горит, раз есть оружие, значит, есть и «духи». Поджечь склад с продовольствием и возвращаться «на базу».

Легко сказать «сжечь все, что горит». А чему тут гореть? Разве что соломе. Сарай с сеном загорелись быстро, соломенные крыши тоже. Склад продуктовый подорвал сапер тротиловой шашкой, пластидом свалил огромный старый орешник, ну это уже из баловства.

Когда мы поднялись наверх, Бронежилет подпрыгивал от счастья.

— Где трофеи? — воскликнул Лонгинов и, схватив автомат, принялся заряжать, разряжать, разбирать, собирать, щелкать всем, что щелкает. Поставил вертикально пару камней на валуне и стал стрелять, пока не кончились патроны.

— Молодец, лейтенант, молодец, замполит! Можем, когда стараемся!

— А мы всегда стараемся!

— Не оговаривайся. Даже поощрение в штыки принимаешь, замполит!

— Товарищ капитан! Я солдат все время учу, что нет такого обращения, как «замполит», а есть «товарищ лейтенант».

— Ступай к взводу, а то снова меня заведешь, настроение испортишь, — рявкнул Лонгинов.

За его спиной Серега опять махал руками, качал головой и делал круглые глаза. Я развернулся и, забрав своих солдат, ушел во взвод. Говорить с ним бесполезно, лучше пойти поспать. Единственный плюс от этого прочесывания — поели плов, попили чай, виноград, орехи, яблоки — скрасили сухой паек. Теперь лечь и выспаться.

Выспаться не удалось. Рано утром рота получила задачу пройти по хребту вдоль всего ущелья двадцать километров и соединиться с афганским батальоном. Пока «зеленые» будут работать внизу, нам оседлать высоты и прикрывать сверху.

Как назло день выдался жарким, солнце нещадно пекло, а укрыться нигде. Мой взвод отправили снова в ущелье продвигаться вдоль ручья и осматривать дома, а остальная часть роты шла по горам.

Первый двор пустой, второй тоже, третий, четвертый, в пятом ворота оказались заперты, и на стук вышел белобородый старик.

Сержант Худайбердыев схватил деда за бороду:

— Аксакал — душман! Анайнский джалап. — Это было узбекское нецензурное выражение.

— Стой-стой, убери руки!

Только получив пинка под зад, сержант выпустил старика и начал кричать:

— Товарищ лейтенант! За что? Они все «духи». Его надо пристрелить.

— Не ушел, значит, не «дух». Да он к тому же старый.

— Да они все на вид старые, а ему наверняка всего лет пятьдесят. Не ушел, значит, шпион.

Пока мы ругались, дед упал в ноги и что-то кричал, воздев руки к небу, слезы текли из глаз по щекам. Я поднял его за руку, похлопал по спине. Видно, понял, что солдаты могут пристрелить, а, почувствовав во мне начальника, он что-то быстро затараторил:

— Командор... командор... командор. — Это все, что было понятно.

— Успокойся, дед, шагай во двор, — подтолкнул я его легонько за ворота.

Бойцы уже сустились во дворе, заглядывая во все двери, во все сараи, подвалы, кяризы.

— Ханумки! — радостно закричал один из узбеков.

— А ну, назад, всем во двор и выйти за ворота.

— Нужно под паранджу заглянуть! Может, это и не бабы, а «духи» маскируются, — кипятился Худайбердыев, — а то мы отойдем, а нам в спину стрелять начнут.

— Нам начнут стрелять в спину, если ты к женщинам лезть будешь.

Сержант сердито сопел, видно, очень хотел аборигенок посмотреть и пощупать. Только-только выгнав солдат со двора и успокоив старика при помощи таджика-переводчика, я вдруг за забором услышал дикий смех и свист.

Худайназаров скакал на белом—белом жеребце, другой солдат тащил ишака за ухо. Аксакал стал причитать и, схватив меня за руку, что-то быстро говорить.

— Мурзаилов! Успокой его. Скажи: никуда мы не заберем скотину. Эй вы, балбесы! Отпустите животных, мы уходим. Надо своих догонять.

— Товарищ лейтенант! Надо с собой коня и ишака забрать. Пусть пулеметы и миномет везут, а то мы как ишаки загружены, — закричал сержант.

— Папуасы! Оставьте животных! Худайбердыев! Вперед во главе колонны. Прекратить мародерство.

— Какой-такой мародерство? Трофеи.

— Сейчас по башке обоим наступу, тебе и Алимову. Быстро с коня — уходим!

— Можно тогда хотя бы их застрелить? Нельзя же «духам» выючных животных оставлять!

— Эй вы, убийцы, быстро взяли мешки и бегом отсюда. Никого не убиваем, ни в кого не стреляем. Пленных не берем.

Узбеки, что-то сердито говоря друг другу, побрели вдоль дувала, вверх к подножью вершины, на которую предстояло забраться. Высота небольшая, но метров на двести предстояло подняться. Обрадованный старичок, счастливый от того, что ничего не забрали и остался живой, улыбаясь и заглядывая мне в лицо, что-то быстро говорил и гладил меня по руке.

— Дедок, шуруй домой. Буру бача, буру! — прикрикнул я, улыбаясь, и махнул рукой в сторону дома.

Аксакал принялся кланяться и что-то громко бормотать.

— Мурзаилов! Что он говорит?

— Он вас благодарит, весь ваш род, желает счастья и много жен.

— Какой добрый и щедрый. Спасибо, жен не надо — не прокормить. Главное, чтоб в спину не стреляли, когда отойдем от кишлака.

Через полчаса, забравшись на высоту и заняв оборону, я с удовольствием наблюдал за ползущими вдалеке по хребту и по склону фигурами солдат и офицеров. Особенно колоритна была фигура Бронезилета в горной экипировке с двумя автоматами и огромным рюкзаком. «Берету» он нес лично, никому не доверяя. (Оба ружья Лонгинов сломал, а саблю я забрал себе). Целый день мы брели по долине, и теперь можно было немного подремать. Добравшись до моего взвода и чуть отдышавшись, зам. комбата сразу принялся орать:

— Что там за скачки были? Вы что, ковбои на родео? Никакой дисциплины и организации!

— Да все нормально. Пока я с местным населением объяснялся, эти юные натуралисты с животным миром общались. Местное население претензий не имеет, радуется жизни.

— О вашем командовании и управлении взводом мы в полку поговорим, а пока, лейтенант, занять вон то плато за высотой над кишлаком.

— Это еще километра три по хребту. Я думал, что мы уже на задаче и можно готовиться к ночному отдыху.

— Умничать будем в полку на подведении итогов. И умничать будут те, кто вернется живыми и здоровыми.

— Постараюсь вернуться, вашими молитвами, товарищ капитан, — улыбнулся я.

— Ну, ухмылки ваши сейчас быстро сойдут с лица. С расчетом «Утеса» и одним ПК через пятнадцать минут сидеть на краю хребта над кишлаком. Время пошло. Бегом!

Вот сволочь. Еще и издевается. Тут ходу на полчаса, не меньше. Придется бежать. Рота села отдыхать, а мы двинулись. Четыре бойца пыхтели рядом со мной. Движению мешала трофейная сабля. Ее я решил привезти в полк и повесить на стене над койкой. Сталь — так себе, лезвие в зубринах, но ручка из кости очень красивая. Вот только бежать с ней в одной руке, а с автоматом — в другой очень неудобно, особенно спускаясь по каменным осыпям, петляя по тропинке, прыгая с валуна на валун. Сбежав со склона на плато, мы уже поднимались на маленький пригорок. Солнце быстро садилось за дальний горный хребет. Темнело очень быстро. В тот момент, когда, казалось, еще минута — и мы на нужном пятачке, откуда-то засвистели пули, у самых ног и вокруг нас защелкали рикошеты, и донеслось гулкое эхо автоматных очередей. Все бойцы кубарем покатались за каменную гряду.

— Зибоев! Откуда стреляли?

— Нэ знаю, кажется, сбоку, — ответил пулеметчик.

Молодой младший сержант Лебедев показал рукой в сторону параллельной каменной гряды.

— Вон пещера, может, оттуда били? Очень кучно. Пули прямо за пятками легли, в вас метили.

— Ну, сержант, рывком за гряду, там оглядимся и отобьемся. Вперед!

Мы вскочили и бросились к небольшим камням, за ними шел пологий спуск, и сбоку нас было не достать. Вновь засвистели пули, рикошетили от камней, я навзначь ласточкой нырнул за камни, бойцы упали рядом. Все тело от головы до пяток била нервная дрожь.

— Все целы? Не ранены, не зацепило?

— Целы.

— Нет.

— Нет, — дружно забормотали и при этом заматерились солдаты.

— Юра! Огонь из автоматов всем расчетом по пещере! Зибоев! С пулеметом ползи на правый фланг и молоти по всему, что зашевелится.

Вчетвером начали вести огонь по пещере и вдоль всего склона. Расстреляв по паре магазинов, я приказал прекратить огонь.

— Расчет, за мной на задачу, ползком! Быстрее!

— А пулемет как же? С ним ползти, особенно со станком, неудобно, — занял сержант.

— Ничего! Жить хочешь — поползешь со станком не то что на спине, а в зубах! Со стороны Зибоева раздалось несколько очередей и радостные вопли. Я на карачках перебежал к нему и увидел, что в ущелье у большого валуна валялся убитый осел. В этом направлении по камням пулеметчик и стрелял.

— Что там?

— «Дух» за камнем спрятался. От камня к камню перебегает. Не уйдешь, шайтан.

Действительно, от камня к камню переползал и перебегал какой-то человек, и в конце концов спрятался за холмом.

— Быстрее на задачу, мы его из «Утеса» достанем.

Когда мы выскочили с пулеметчиком на склон, расчет уже собрал пулемет и приготовился к бою.

— Парни, выбирайте себе мишени в этом бандитском гнезде. Все, что бегаёт, должно лежать!

Два пулемета и два автомата принялись обрабатывать кишлак. Первой упала корова, затем ишак, затем человек, затем еще человек. Зажигательные 12,7-миллиметровые пули подожгли несколько стогов, пару сараев. Постепенно мятежники открыли с нескольких точек ответный огонь. В бинокль я увидел, что большая группа мужчин убегает из кишлака в дальнее ущелье, на ходу изредка огрызаясь огнем.

Должна вот-вот подойти на помощь рота, тогда будет гораздо легче все сопротивление подавить.

— Зибоев и расчет «Утеса»! Огонь перенести вон в ту дальнюю лощину. Видите: народ бежит? Достанем?

— Достанем, — успокоил меня братец-мусульманин и принялся молотить из ПК, посылая очередь за очередью.

Вскоре закончилась лента, он быстро перезарядил и продолжил вести интенсивный огонь. НСВ стрелял реже, у нас к нему всего две ленты, и вторая уже заканчивалась. Я выбрал двор, в котором что-то копошилось, оттуда вроде стреляли, и бахнул туда из «Мухи». За спиной послышался топот приближающейся роты. Бойцы подбегали, падали на землю за камни, рассредоточивались и сразу начинали вести огонь.

Я посмотрел в бинокль: в лощине лежали человек двадцать. Может, убитых или раненых, а может, кто-то и залег, замер, притворился мертвым.

Подбежал зам. комбата и сразу заорал:

— Прекратить огонь, прекратить огонь! Стоп! Стоп!

— Как прекратить огонь? Эти козлы нас отметелили, мы тут как ящерицы ползали, чудом уцелели, а теперь — прекратить огонь? Оттуда из распада, где теперь только тела валяются, пять минут назад отстреливались. Это, кроме того, что чуть не перебили нас из пещеры, когда мы выдвигались сюда. А по вам не стреляли? — удивился я.

— Замполит! Кончай войну. Прости меня, засранца, но это я по тебе стрелял! — заорал в ухо Грошиков.

— Серега! Это уже не смешно! Как это ты стрелял? Ты что, действительно, дурак?!

Сергей взял меня за плечи и потащил в сторону, а Бронежилет смотрел в бинокль и делал вид, что его произошедшее не касается.

— Ты понимаешь, какая штука вышла, — тихо забормотал он, — прости меня, контуженого идиота. Этот чертов Бронежилет Ходячий смотрел-смотрел в карту, потом уставился в бинокль и как заорет: «“Духи” впереди замполита, главарь с саблей!» Он же не видел ее у тебя. Ну и схватился за автомат, да давай стрелять. Я тоже не ожидал, что ты так буквально исполнишь приказ и примешься бежать. За пятнадцать минут к задаче вышел. Я подумал, от вас «духи» убегают или засаду делают. Ну, ротой и давай по тебе колотить. Твое счастье, что сразу не попали, а после того, как первыми очередями не завалили вас, я решил в бинокль посмотреть, поправку на ветер в стрельбе сделать. Смотрю: твою мать, ты мечешься. Это все сумерки — плохо видно. А так, если бы не посмотрел в бинокль, еще пара очередей и лежать бы вам всем на гребне. Все долбаный Бронежилет. Мудак, что с него возьмешь.

Я с ужасом смотрел на него. Мои глаза невольно округлялись и расширялись.

— Ты чего глаза выпучил? — заулыбался Серега. — Все уже позади. Два раза я тебя не подстрелил, но в третий раз точно дострелю, — и глупо заржал.

— Дурак ты и шутки дурацкие. Я из-за тебя кишлак уничтожил. Куча народа валяется, все горит, а ты ржешь!

— Но они же отстреливались, значит, все было не зря, а если и зря, то не все. Ха-ха-ха.

— Сволочь ты, поручик, а еще друг. Чуть не убил меня и даже не переживаешь. Гандон!

— Да переживаю, переживаю. — Обнял меня Грошиков и принялся мять ребра мне так, что они захрустели. — Могу даже слезу пустить и на колени встать. Прошу прощения. — И Серега встал на колени, головой при этом доставая до моего подбородка.

— Ну, Сергей, теперь моя очередь. Молись, чтобы я промахнулся. Но это очень трудно сделать, ты ведь такой длинный.

— Вот тебе и благодарность за то, что в него не попали!

Бронежилет докладывал тем временем комбату обстановку в районе.

— Грошиков! Уводи роту обратно на вершину хребта. Ночевка будет там. Сейчас прилетят «крокодилы», обработают кишлак, а затем будет бить артиллерия.

— Рота, сбор, быстро уходим! — заорал Сергей. — Быстрее, быстрее, быстрее, а то еще зацепят вертолеты по ошибке.

Да, это они могут, бухнут и глазом не моргнут, с такой высоты мы для них, что муравьи ползающие, свои или «духи» — им не разобрать.

Едва-едва рота убралась на безопасное расстояние (хотя разве можно быть в безопасности, когда в небе наши асы, уничтожающие внизу все живое), как налетели четыре вертолета и принялись сеять в долине смерть и разрушение. Хотя все, кому надо было, уже сбежали. Затем ущелье, куда убежали «духи», обработала артиллерия. Под ее грохот мы наспех построили укрепления и улеглись на ночевку. Но не тут-то было. Часа не прошло, как новый приказ: сниматься со стоянки и двигаться по хребту до ручья для соединения с афганским батальоном.

Сергея в задумчивости чесал череп.

— Н-да, ни разу еще ночью не приходилось бродить по горам. Вот, черт бы их побрал, всех штабных начальников. Без отдыха, без сна. Часов до четырех придется идти. Командиры взводов! Организовать укладку мешков, чтоб ничто не звенело, не гремело. Идти бесшумно, без криков, без матов. Ругаться только шепотом.

С этой минуты вся вершина, как живая, зашипела. Солдаты, сержанты и офицеры шипели друг на друга. Через полчаса колонна вышла. Я теперь брел, подгоняя отстающих. В замыкании трое: я, Мурзаилов с ПК и санинструктор. Едва какой-нибудь «умирающий» солдат падал без сил, пулеметчик занимал оборону, я со Степаном приводил его в чувство.

Нашатырь, вода, затрещины — все, чем богаты. Времени долго отдыхать нет, отстанем — заблудимся, пропадем.

Бойцы роты перемещались тихо, как призраки, без шума, без стуков, без матов. Часа в три ночи мы, наконец, выбрались к ручью. Темно, не видно ни зги. Пулеметчиков разместили на высотках, сидим — ждем. А вдруг вместо афганского батальона придут «духи»?

Ожидание было совсем недолгим. Вскоре вдоль ручья появились тени, которые материализовались в людей. Афганцы. Знакомый по десантированию комбат! Наши таджики криком остановили их, и ротный пошел на переговоры. Через несколько минут Сергей вернулся.

— Все нормально, отличные ребята, все понимают. Комбат-молодец, у нас учился, в Ташкенте!

— Что он будет делать? Какой у него приказ? — переспросил Бронезилет.

— Им приказано идти с нами и действовать вместе. Мы идем впереди, они — за нами. Двигаем! Замполит, снова замыкаешь с пулеметчиком и санинструктором. Смотри только не уйди к «зеленым», а то обратно не примем.

— А ты меня еще раз с «духами» не попутай.

Вот так, опять на марше в хвосте. Да еще ночью. Самое главное — с ослабевшими солдатами не отстать и не потеряться. Прохладная ночь радовала душу, и идти было легко и более-менее приятно. Если только может быть приятным марш по горной местности с полной выкладкой.

Еще до первых лучей восходящего солнца мы вернулись на ту же точку, откуда весь предыдущий день топали по горам. Здесь ничего не изменилось. Пустые банки по всем склонам, запах человеческого кала и мочи. Хорошо бы в темноте не наступить на кучу дерьма, своеобразные мины-ловушки вокруг позиций. К этим минам на ночь добавляем сигнальные мины. После проверки укрытий саперами (настоящих мин нет), можно спать. Блаженство.

Завтрак. Баночка с компотом, еще меньших размеров баночка со свиной, сухарь, галета, кружка чая. Те, кто курят, закурили. У кого есть сигарета — сигарету, у кого нет целой сигареты — курит окурок или «бычок», свой или чужой. Если дадут. Какое счастье быть некурящим. Смешно и одновременно грустно наблюдать, как боец-связист нашел несколько совсем мелких-мелких окурков, распотрошил их, собрал в кучку и свернул из газетки самокрутку. В роте некурящих мало. Я, Острогин, Степа — санинструктор и Витька Свекольников. Все остальные мучаются и страдают. Страдают оттого, что курят всякую дрянь и часто. На марше дымят, на привалах дымят, а когда лежат на горе, так от безделья курят почти каждые пятнадцать минут. Закурят и тоскуют по дому, задумчивые и печальные. Как старики на завалинке в деревне.

В ущелье вошла разведрота, и афганцы, весело помахав нам на прощанье, спустились к ним.

Вскоре все скрылись в ущелье, ушли в кишлак вправо по ручью, туда, где находилось большое скопление домов, которые мы не проверяли.

Через час из-за горной гряды показались дымки. Что-то подожгли, очень хорошо горело. Вскоре раздались выстрелы, взрывы.

Сергея вдруг выскочил из «эСПСа» и, громко матерясь, начал командовать. Я подбежал к нему.

— Что случилось?

— Беда с разведкой! Засада! У них куча раненых. Берем НСВ и ПК, санинструктора, твой взвод. Тебя, само собой. Товарищ капитан, вы ротой покомандуете без меня? — это уже Бронежилету.

— Покомандую. А надо ли самому, может, замполита хватит с командиром ППВ?

— Нет, не хватит. Я там нужнее. Опыт — великое дело! На сборы — три минуты, брать только боеприпасы и воду.

Вниз, вверх — и мы оседлали гребень. Пулеметы установлены, «Утес» собран. Взводный Голубев зарядил его и стал прицеливаться. На противоположном склоне вокруг пещеры лежали раненые разведчики. Из пещеры велась стрельба. Разведка была зажата так, что голову не поднять. Скальная стена нависала над ущельем, узкая тропка стелилась вплотную к ней. Раненых не вытащишь. Ведь стрелял «дух» и вправо, и влево. Просто беда!

— Пулеметам — огонь по всем дырам: непонятно, откуда он бьет. Автоматчику, снайперу — всем огонь! Огонь! — зло орал Грошиков.

Бешеный огонь заставил «духа» или «духов» заткнуться и затихнуть.

— Разведка, что у вас? — запросил по связи Сергей.

— Засада! — ответил Галеев.

— Это я вижу, как дела?

— Шестеро ранено, один убит. Прижали нас на тропе. Головы не поднять. Видите: две щели в камнях?

— Видим.

— Вот оттуда «дух» и бьет. Он стоит, обложен камнями — достать тяжело. Прикройте нас пулеметным огнем, сейчас взводный по верхнему козырьку подползет, тогда прекратите стрельбу. Турецкий бросит гранату сверху, только так можно «духа» достать. Не зацепите Петра.

Мы принялись стрелять, не жалея патронов. Пулеметы били по расщелинам очень точно, но, несмотря на наш бешеный огонь, афганец продолжал «огрызаться».

Я посмотрел в бинокль: взводный подползал по каменному козырьку все ближе и ближе.

— Прекратить стрельбу! — заорал Серега.

Петя подполз совсем близко и бросил в пещерку одну за другой две гранаты. Бах, бах!!! Солдаты подбежали к пещере и снизу за ноги потянули стрелка. Вытащить никак не получалось. Наконец выдернули и давай его пинать. До нас доносились мат и дикие вопли солдат и мятежника.

Удивительно, но он, несмотря на множество ранений, был еще жив. Два разведчика, матерясь, распорили афганцу живот ножами и бросили тело в ущелье. Эхо донесло что-то гортанное нечленораздельное.

Взяв санинструктора и пехоту, мы отправились вниз, сверху нас прикрывали пулеметы. Один взводный и шесть солдат были серьезно ранены. Перевязали их наспех и потащили наверх на площадку. Пещера, где засел мятежник, оказалась складом, а он его охранником — смертником. Из склада вынесли более сотни реактивных снарядов и множество выстрелов к гранатометам, патроны, мины. Саперы все это добро перед отходом подорвали, когда все уже вернулись на хребет. Прилетевший вертолет забрал погибшего и раненых. Разведчики заняли площадку, а мы обнялись на прощание и ушли обратно к себе. Весь вечер, пока не заснул, перед глазами стояли израненные тела разведчиков и окровавленный афганец, звереющие солдаты, кромсавшие тело столько бед принесшего врага.

Утром роту с площадки сняли вертолеты. Вот и все, возвращаемся в полк. Броня ждет команды начать движение, выстроившись в ротные колонны.

Полк стоял вдоль речушки, протекающей в зарослях кустарника. Я подошел к пологому берегу помыть руки. Разулся и, блаженствуя, подержал ноги в мутной грязной воде. Грязной, но прохладной. Приятно. Огляделся вокруг: на том берегу — и справа, и слева — стояли афганцы и поили скот, женщины полоскали белье, мылись. На нашем берегу солдаты умывались, стирали носки, портянки. И то, что сверху по течению воду пили овцы, нисколько не смущало женщин, невозмутимо стирающих белье.

Я вернулся к машинам, офицеры и прапорщики роты стояли кружком и о чем-то оживленно беседовали, громко смеялись.

— Над чем ржем, отцы-командиры? — предчувствуя, что надо мной, поинтересовался я у толпы.

— Над тем, как ты саблю трофейную сломал, — ответил взводный Эдик.

— Вот смеху-то было бы, если бы тупой Бронежилет нас там завалил.

— Это точно. Тебе нужно держаться подальше от Грошикова, — улыбнулся Острогин.

— Насколько подальше? На дальность прямого выстрела из АКМ или на пушечный выстрел?

— Ну, что-то близкое к пушечному выстрелу. Главное, чтоб он по ошибке вертушки не навел. Ха-ха,- засмеялся командир ГПВ, — ему еще полгода служить, так что все это время ты в зоне повышенного риска.

— Да, уж точно! Он в меня стреляет чаще, чем «духи»!

— Эй, солдат, — окликнул Эдуард Свекольников, — водички принеси. Бегом!

Довольно неприятный тип этот Эдик. Грубый и хамоватый с солдатами, наглый и надменный с офицерами. Ярко выраженный карьерист, по трупам пойдет. Здоровый, как буйвол, с широким торсом и мощными руками. «Супермен» хренов.

Солдатик очень быстро вернулся с фляжкой и протянул ее командиру взвода. Грымов сделал три больших глотка и сморщился. Передал фляжку Острогину, Серега взял ее и собрался было глотнуть. Но не успел.

— Витька! А ты откуда воду принес? Не из речки случайно? — заорал на него я.

— Из речки, — глупо улыбнулся солдат.

— Н-да, там ты видел, какая вода течет?

Острогин с фляжкой в руке молча и тупо смотрел на бойца.

— Видел, — ответил чумазый Свекольников.

— Ну, какая она? — спросил Сергей угрожающе.

— Грязная...

— А какого же черта ты ее набрал и пить даешь? Эдик, в речке той и ноги моют бойцы, и носки стирают, а местные скотину поят и белье стирают. Сплошной гепатит с холерой вперемешку.

Эдик мгновенно стал белый, как мел.

— Убью! Убью, гад такой!

Соддата как ветром сдуло, от греха подальше.

— Итак, Эдик, выбирай: малярия, гепатит или холера, — засмеялся техник.

Острогин, все еще державший фляжку в руках, зашвырнул ее в кусты.

— Серега, не разбрасывайся ротным имуществом, — крикнул весело Грошиков, — болеть ведь не тебе же!

Болеть, действительно, пришлось не Острогину. Болеть пришлось Эдику. Болеть долго и серьезно. Гепатит оказался очень «жестким», в тяжелой форме. Витькина ли фляга воды свалила его, или в горах зараза прилипла — неизвестно, но только на пару месяцев взводного мы лишились. И так с офицерами в роте был постоянный некомплект, настоящий проходной двор, а тут еще такая нелепость.

Больше всего страдал Свекольников: боялся возвращения лейтенанта, переживал и мучался от того, что выступил в роли «отравителя», и от страха расплаты, которая может наступить после выписки из госпиталя офицера.

Мы же отнеслись ко всему философски. А, может, Грымову повезло. А то завалили бы вдруг «духи» за эти месяцы. Мишенью-то Эдик был уж очень большой и приметной.

С каждой минутой я все больше и больше ненавидел идущего впереди меня сержанта. Парень был из тех, на ком «природа отдыхала». Маленького роста, рыжеватый, с веснушками, которых хватило бы на пятерых, с торчащими ушами, кривоногий. Вещмешок отвис и при ходьбе стучал ему по заду, сапоги явно на пару размеров велики, и поэтому он шлепал ими, запинаясь, спотыкался. Мы с ним все больше отставали от роты, уходящей быстрее и быстрее с хребта в район, где стоит наша техника. Автомат у бойца висел на одном плече, на другом он нес ствол от пулемета НСВ «Утес». Силуэты солдат начинали таять в раскаленном мареве воздуха. Разрыв между нами и ротой все увеличивался. Два часа я его подгонял пинками и матами, но это помогало все меньше, скоро нас нагонят «духи», и тогда нам крышка, как только они выйдут на прицельную дальность, так здесь мы и ляжем. Умирать сегодня не хотелось.

— Эй, сержант, отдай ствол, а то скоро умрешь совсем. И какой «козел» поставил тебя учиться в учебке на пулеметчика? — хрипло проговорил я.

— Я не виноват: куда послали, там и служил, — ответил сержантик.

В глазах его была затравленность, переходящая в ужас, он начинал понимать гибельность нашего положения. Связи у нас нет, рота быстро движется к технике, а я и этот «осколок» ползем как черепахи.

Как всегда в мою задачу входит собирать, подгонять и выводить отстающих доходяг. Сейчас мне достался молодой сержант из гранатометно-пулеметного взвода Юра Юревич. Это его первый рейд.

— Товарищ лейтенант, я не виноват, это старшина дал мне такие вельки сапоги. Я ему говорыл, что они хлябают, а он сказал: других няма.

— Ладно, «бульба» недоделанная, хватай автомат и бегом, как можешь.

Глаза его радостно загорелись. Мое решение сержанта очень обрадовало, однако скорости ему не прибавило. Теперь мешал вещмешок, который почему-то все ниже отвисал, автомат болтался и цеплял ноги. Юра все свои усилия сосредоточил на борьбе с ним.

— «Бульбаш», ты не надейся, что я и автомат за тебя понесу, у меня всего две руки, два плеча.

— Да я ничего и не думаю, — задыхаясь, ответил Юревич, но в серых глазах мелькнула наглая надежда (подлая мыслишка).

— Стоп! Быстро переобувайся и перебери вещмешок.

Он вытряхнул все из мешка: две минометные мины в самом низу, четыре гранаты, мешочек с патронами, сверху одежда и пара банок сухая, пустые флаги.

— Меняем все местами, и мины — в самый верх. Быстрее перематывай портянки.

Я посмотрел в сторону вершины хребта, уже были видны фигуры наших преследователей. Пора чуть охладить их пыл. Дав длинную очередь для острстки — пусть не спешат — догнал сержанта.

— Бегом, бегом, пехота зачуханная! Мать твою!

И в довершение тирады дал ему под зад «сочного» пинка. Сержант приободрился и поскакал гораздо резвее. Теперь со стволом пулемета уже не успевал я. Тельняшка мокрая насквозь, рюкзак хоть и полупустой, а остатки боезапаса все же тянут плечи. К земле давил двенадцатикилограммовый ствол. Как он его нес пятнадцать километров? Теперь мне предстоит с ним бег с хребта!

Дышать все тяжелее. Черт меня дернул на эту войну. Где были мозги? Доброволец хренов. Так и пропаду ни за что. Хорошо, если легко, а если с мучениями?

Солнце медленно садилось и палило не так ужасно, как в полдень, но все равно палило. Хотелось пить, но воды не было. Кончилась еще утром. Мои семенящие шаги и легкая трусца Юревича, его надрывное дыхание и мое, слившиеся в один хрип. Загнанные боевые лошади. Когда же ротный заметит, что мы гибельно отстали? А, может, видит, материт, но надеется, что успеем уйти, не хочет всех угробить?

Сзади послышались первые выстрелы, очереди пока не долетали, но так долго не может продолжаться. Проклятый ствол! Снова переходим на бег. Выстрелы придают ускорение. Хочется жить.

Впереди возникла гряда небольших камней, ствол с плеча — очередь по горному склону повыше и еще одна — поближе. Меняю пустой магазин в лифчик—нагрудник, полный — в автомат. Теперь ствол пулемета в руку, автомат на плечо, легче не становится, вновь ствол на плечо. Чтоб треснул тот, кто придумал такой тяжелый пулемет, хорошо хоть он разборный. Быстро догоняю Юревича, руки для подзатыльника заняты, потому вновь ускоряющий пинок.

Это действует, но только минут на пять. Главное, чтоб он не упал и не отказался идти. Тогда «кранты», его не бросишь, сил тащить нет — нагонят быстро. Финалом будет короткая перестрелка, и придется себя любимого подорвать гранатой. А не хочется. Прямо жутко не хочется.

— Юрик, милый, давай скачками, быстрее! Пошел на хрен с подскоком. Жить не хочешь что ли?

Умоляющие глаза на грязном лице говорили, что хочет, но почти не может хотеть жить. Больше всего бесили эти хлюпающие сапоги, в которых он был как мальчик-с-пальчик и кот в сапогах одновременно.

Пули внезапно зарылись в каменистый склон совсем рядом. Вот это уже совсем плохо. Это уже полный абздец. Как они быстро бегут, гады. Видимо, налегке.

Но эта «духовская» очередь придала силы и сержанту, и мне. Минут пятнадцать мы неслись как метеоры, с хрипом, с клекотом рваного дыхания в горле, слюна пересохла в запекшейся глотке. Сердце бешено рвалось из груди. Молотом бьет пульс в висках, ноги как чугунные, но бежать необходимо. Проклятый ствол! Бросить нельзя: пулемет без него — кусок железа, а запасного ствола в горах нет.

Не останавливаясь, разворачиваюсь и пчусь. Даю очередь вдоль склона из автомата, зажато прикладом под мышкой, не прицельно, но пусть «духи» сильно не спешат.

До меня долетел вопль дикой радости Юревича.

— Наши! Вижу наших! Скорее, товарищ лейтенант!

Два бойца сидели и ждали нас на склоне, который резко переходил в обрыв к горной речушке.

Это был Дубино, земляк моего сержанта-недотепы, и Саид с пулеметом ПК.

Рота нашла брод и перебиралась через реку.

АГС, поставленный на вершине с другой стороны каньона, издал несколько хлопающих звуков. Ротный нас прикрывал, это уже хорошо, просто отлично. Живем!

Вот почему рота пропала из виду, они были в ущелье, и я их не видел. Дубино набросился на Юревича.

— Ну, ты, уе... к, не позорься, сопли в кулак и вперед! Урода! Почему ствол у лейтенанта?! — И бац! — затрещина.

Что он мог сказать? В ответ — только плачущее хмыканье. Дубино — сержант поопытнее. Воюет на полгода больше чем я, бывал в переделках, и это успокаивает. Вместе уже выберемся.

— Саид! Прикрывай наш спуск. Три-четыре очереди, с перерывами, и затем догоняй. Пять минут на все. Не задерживайся. Юревич быстро вниз. Мне уже гораздо легче дышать и командовать.

— Товарищ замполит, отдайте ствол — я понесу, — приходит мне на помощь Дубино.

— Васька! Сколько раз говорить, не замполит, а товарищ лейтенант!

— Да какая разница.

— Большая! К тебе же как к сержанту обращаются, а не как к командиру отделения.

— Ну и что, пусть хоть как обратятся, главное, чтоб я понял.

— Так положено по уставу. Ты же к ротному «ротный» не обращаешься?

— Нет, он в лоб даст.

— Вот видишь. Придется и мне тебе двинуть, может, поймешь.

— Да ладно, я запомнил.

— Не ладно, а так точно! Ты не Дубино, а дубина.

— Ну, так точно.

— Да не ну, а так точно.

— Ну, что вы прикапываетесь, а, товарищ замполит?

— Эй, Дубино, ты и есть дубина! Ну, какой ты, к черту, сержант!

— А я и не просился. Поставили, вот я и сержант, а вообще я пулеметчик, учебку не заканчивал, на сержанта не напрашивался.

— Отставить разговорчики, сержант.

— Ладно, отставить — так отставить, товарищ замполит.

— Дубино!

— Да что, Дубино! Дубино!

— Ничего, пошел вон! Бери ствол и пулей вниз за своим земляком.

— Товарищ замполит, — подал голос пулеметчик, — мене стрелять?

Тьфу, еще один чудила! Этого таджика из глухого таджикского киш-лака воспитывать уже не хотелось, да и силы кончились.

— Стреляй! И тоже пулей вниз.

Довольный, с хитрой улыбкой Саид—пулеметчик выпустил очередь в сторону «духов», не целясь.

— Чего не целишься?

— А куда, я ныкого нэ выжу!

— Ладно. Стреляй и не залеживайся, спускайся.

Мы с Дубино догнали Юревича уже в речушке. На том берегу он, виновато глядя на нас, зашмыгал носом.

— Васька! Отдай ствол, дальше я сам понесу.

— На, уе... ще, сам чуть не пропал и замполита чуть не погубил.

— Ну, не пропал же, не погубил же. — И довольный жизнью он зашлепал по берегу со стволом на плече.

На пригорке копошились несколько солдат, и цепочка вытягивалась вверх по склону. Это были в основном молодые солдаты, только пришедшие в роту, слабые, обессилевшие, мечтавшие упасть и никуда ничего не тащить. Пушечное мясо, люди, пока мало готовые к войне.

— Эй вы, трупы, вперед, — зарычал Дубино.

Мы вдвоем принялись подгонять наверх весь этот балласт роты. На берегу с пулеметом залег Зибоев (еще один брат-мусульманин).

Пулемет ПК на оставленном нами склоне строчить прекратил, Саид быстро-быстро спускался.

Времени в обрез, скорей нужно уходить. В этой суетящейся толпе вдруг произошло какое-то замешательство. Идущий в цепочке солдат с гортанным криком рухнул на камни. Моментажно к нему подскочил санинструктор Степан. Лежащий солдат закатил глаза, протяжно и жалобно застонал. Впалые щеки приобрели землистый цвет, из горла вырвались лишь хрипы. Вдруг он громко застонал:

— Ооойй! О-о! О-о-о!

— Грузин, сволочь, не умирай! — заорал медик.

— Чмо болотное, открой глаза! — рявкнул Дубино.

— Дыши, дыши, гад! — принялся хлопать солдата по щекам я.

Дубино, я и санитар тщетно пытались привести его в чувство. Остальные сели вдоль склона, испуганно и затравленно глядели на упавшего Тетрадзе.

— Колесо! — крикнул я ближайшему. — Бегом за водой!

Степан вколол лежащему промодол, вылил на лицо и в рот флягу воды. Мы с трудом сняли с головы раскаленную каску, стащили вещевой мешок, станок от «Утеса», бронежилет, расстегнули гимнастерку. Колесников принес в каске воды, плеснул ее на голову и грудь. Потом принес еще раз. Грузин открыл глаза, увидел наши злые рожи и тут же снова закрыл глаза.

— Ооо-о-о!

— Ну, хватит, чучело, стонать! Вставай давай, вставай, не умрешь! — Меня уже бесили эти стоны

Пулеметчик спустился с гребня склона и залег на нашем берегу реки, надо срочно уносить ноги.

— Дубино! Этих всех наверх, а я — к пулеметам!

Юревич со стволом резво полез по склону, чтоб не досталось снаряжение от Тетрадзе. Всем остальным Дубино распихал станок от «Утеса», бронежилет, мешок, мины от миномета, сам взял автомат.

— Наверх, быстро! Быстрее, засранцы! — рявкнул сержант.

У берега речушки лежали оба «брата-мусульманина» и о чем-то мирно, как дома, беседовали на своем языке.

— Мурзайлов! Ждем, как только поднимутся все доходяги, тогда уходим!

Пулеметчик нехотя прервался и с уверенностью бывалого солдата на ломаном, гортанном языке, отдаленно напоминающем русскую речь, начал костерить молодежь, горы, жару, солнце. На его сером, обветренном, заросшем щетиной лице появилась ободряющая улыбка. Как он умудрялся постоянно зарастать щетиной до самых глаз? Загадка. Недавно он памирец.

По ручью никто не шел, «духов» нигде пока не видно, поэтому нужно быстрой уходить. Даем в обе стороны вдоль ручья несколько

длинных очередей из пулеметов и уходим. На вершине склона нагоняем выходящих измученных солдат.

Смотрю на их лица, вглядываюсь в их глаза. Выдержат ли? Смертельная тоска и усталость. Пот струится по телам ручьями, гимнастерки белые от засохшей соли (это едкий солдатский пот). Пыльные сапоги и ботинки хлюпают растоптанными подошвами. Они карабкаются, как вьючные мулы. Хрипы, кашель, мат. Мало обстрелянная молодежь пока плохо справляется с выпавшей на ее долю войной. Ну, ничего. Через три-четыре месяца это будут нормальные солдаты — те, кто выживут! Те, кто не будут стараться «закосить» и сбежать куда-нибудь в тыловое подразделение (в санчасть или же госпиталь).

Сержанты затаскивали на вершину склона выдохшихся. Я тоже от протянутых рук не отказался.

Ротный взглянул насмешливо.

— Дополз? Я думал, ты пропал с этим маломерком и вертушки вызывать нужно.

— Да, это еще ничего — чуть грузин «дуба не дал». Еле-еле откачали. Давай бойцов немного разгрузим, постреляем по «духам»?

— Сейчас доложу комбату обстановку и отдолбимся.

— Связист! Связь с комбатом!

Я пошел вдоль лежащих ничком солдат. Вроде силы их покинули, умирают и никогда не оживут, но дай команду и, проклиная все, пройдут еще и еще много километров, сколько надо, и будут идти, пока не выйдут на задачу. А куда денешься?

— Артиллерист! Ставь миномет, комбат дал добро пострелять по «духам». Наводи по тому склону и вдоль хребта метров на пятьсот, расстреляй все мины. АГС и «Утес», лупите по той стороне ущелья, как только разглядите движение. Огонь пятнадцать-двадцать минут, и рвем отсюда к броне.

Бойцы радостно притащили мины к расчету, а после команды взводного минометчики принялись плюхать эти мины на ту сторону ущелья. Движение «духов» быстро прекратилось. АГС и «Утес» отстрелялись, осталось по ленте, на всякий случай.

Кавун посмотрел в бинокль на результаты работы и, улыбнувшись, хлопнул меня по плечу.

— Уходим! Ты вместе с Зибоевым и Мурзаиловым прикроешь роту. Через десять минут догоняй, подбирая доходяг.

Пехота ушла, а мы лежали и вглядывались в противоположный берег. Желания догонять «шурави» после ураганного огня у мятежников больше нет.

— Убегаем, мусульмане, и быстро! Очень быстро!

Радостно подхватив пулеметы, солдаты побежали догонять своих, да так, что и не успеть за ними.

Через тридцать минут на последнем гребне я поравнялся с ротой, перед глазами открылась необычная картина. Огромное скопление нашей техники, которая вся в оранжевом обрамлении.

— Ого! Чем их повара кормили? — заржал Иван. — Пронесло бойцов чем-то необычным, экзотическим.

— Скорей вниз, может, нам тоже этого осталось, — мечтательно произнес я и жадно облизнул губы. — Жрать хочется весь день: ни банки в мешке, ни сухаря в кармане.

— Ну, ты — желудок, Ник! — засмеялся и хлопнул меня по плечу взводный Серега Острогин.

— Все, хватит болтать, всем быстро вниз. «Трупы» гнать, т. е. доходяг, как можно скорей, через полчаса ни одной машины там не будет, а мы начнем запрыгивать по БМП на ходу. Вперед, пехота, внизу — жратва и отдых, а кто отстанет — я не виноват! — громко скомандовал ротный.

Мы спускались все быстрее и быстрее. Бежать без мин и пулеметных лент с пустыми мешками, конечно, легче. Повстанцы были на приличном расстоянии и стреляли лишь для остротки, подгоняя нашу последнюю роту, спешащую к своим. Ну, ничего, наведем на «духов» с брони авиацию. Хватит нас гонять.

Зачем мы приходили сюда, если бежим без оглядки и боимся опоздать? Зачем мы тут бродили десять дней? Стреляли, взрывали, сжигали? Кто, зачем и как все это планирует?..

* * *

А началась эта операция красиво, как в кино. Прямо реклама советской военной мощи. Нас привезли на аэродром, построили, пересчитали, проинструктировали, еще раз проинструктировали, еще раз пересчитали, проинструктировали, еще раз... Это было почти бесконечно.

К вечеру транспортные самолеты стали прогревать двигатели. Старые АН-12, постепенно заполнялись тремя батальонами нашей дивизии. Стратегия этой операции — десантирование в район Черных гор, что под Джелалабадом. Вся хитрость заключалась в скрытой и быстрой переброске пехоты самолетами, а броня выдвигалась в этот район позднее. Нас бросали к границе с Пакистаном, отрезая «духам» отход, а затем мы должны были прочесывать горы и кишлаки, постепенно возвращаясь к дислокации бронегруппы.

Самолеты загружались солдатами «под завязку», да не просто «под завязку», а так, что бойцы стояли один к одному, бросив в ноги мешки

(лететь всего минут сорок). Некоторые стояли на краю поднимающейся откидной аппарели. Наш батальон грузился последним, первая рота — самой последней. Я с интересом наблюдал за этим процессом. Подгонял вместе с ротным солдат и с удивлением обнаружил, что ни мне, ни Кавуну, ни комбату и еще паре офицеров места нет в самолете, как не пытались мы туда втолкнуться.

Седой генерал — комдив Максимов — звучно крякнув, скомандовал садиться вместе с ним в салон — гермокабину. Жизнь становилась еще веселей. В забитом чреве грузового самолета, стоя и потяя, я лететь совсем не желал. Только заскочили в салон и сели в уголке, как транспортник тотчас же помчался по бетонке и взлетел.

Почему-то в самолете раздались сразу же рычание, визги, вопли, шум, гам. На шум прямо по головам солдат бросился «бортач», через двадцать минут вернулся, трясущийся, бледный и весь взмокший. Он доложил генералу, что боковой люк начал почему-то отходить. Еле-еле притянули и закрыли. Может, на земле не закрыли хорошо, может, кто-то что-то нажал. Шутники!

Кровь отхлынула от лица комдива, и он смертельно побледнел.

Мы все похолодели. Если бы люк совсем отошел на вираже, выдуло бы не один десяток солдат. Отбомбился бы самолет пехотой по Кабулу. В гробовой тишине мы летели до Джелалабада и только на месте, построившись и проверив людей, дали волю чувствам и матам. Эта красивая операция могла обернуться катастрофой. Набили бойцами самолеты, как сеledками бочки, и доложили в Москву о выдающейся стратегической операции.

Александры Македонские, Наполеоны хреновы! Наверное, керосин экономят, перевозят как скотину. Сначала разворуют все, а потом экономят. Скотство!

Джелалабад даже не увидели, рано-рано утром в вертушки и к границе — в горы. Задачу поставили перед самым вылетом. Перебрасывали нас в Черные горы, где уже шел бой в укрепрайоне. Десантники и местная бригада бились, зажатые со всех сторон. Ротный пришел с совещания и застонал, заломив панаму: замена опять под угрозой! Там «мясорубка»!

Штурмовик с «крокодилom» сбиты. Теперь мы пойдем штурмовать горы.

Распределили десанты по вертолетам, подали списки комбату и на загрузку.

Борты уходили один за другим в мутное небо. Холодное раннее утро, голодный желудок, чужая страна и незнакомая местность — все это не настраивало на веселый лад. Бомбежка была слышна даже на аэродроме, да и местная артиллерия била беспрерывно.

Быстрый воздушный подскок на вертолетах к площадке. Выбросили нас немного в стороне от батальона, над нами возвышался какой-то бугор. Взводный Пшенкин, с которым я оказался вместе, был почти заменщик, но к нам попал после госпиталя из третьего батальона и в рейд шел в первый раз. Полтора года старший лейтенант «парился» на горной заставе.

— Саня! Жмем быстрее вверх, пока эта горочка пустая и, кажется, нет «духов», — прокричал я сквозь шумы винтов удалявшегося вертолета.

Пыль и сухая трава, поднятые вертушкой, забивали рот, нос, глаза. На плато ниже нас вертолеты садились под непрерывным огнем. Один из вертолетов улетел, оставляя за собой дымовой шлейф. Бойцы, спрыгивая на землю, сразу вступали в бой. Вершина, которая возвышалась над остальными холмами и господствовала над плато, изрыгала плотный бесконечный пулеметный огонь по нашим позициям. Да их и позициями-то трудно было назвать. Все зарывались куда могли, строили, лежа, где высадились, укрытия из камня.

На укрепрайон боевиков пикировали пара за парой штурмовики, непрерывно меняя друг друга, и наносили ракетно-бомбовые удары. Однако ответный огонь по самолетам и вертолетам не стихал. В воздухе крутили карусель четыре «Ми-24», которые также били по вершине.

Взвод оказался в тылу у «духов», нас они почему-то не заметили. Расчет АГС попал с нами, поэтому, разместившись на высоте, расчет быстро закрепил гранатомет на станок.

— Саня, «эСПСы» противника видишь? — спросил я взводного. — Начинать бить по ближайшему холму к нашей высотке.

— А, может, отсидимся? Если басмачи на нас полезут, не уйти. Где рота — ведь непонятно, а рядом своих больше нет. Собьют с горки и перестреляют!

— Мы отсидимся, а там комбата задавят. Бьем из всех стволов. Десант из лощины выбьют и за нас возьмутся. Эй, снайпер! — я подозвал молодого солдата, недавно прибывшего к нам с пополнением. — Керимов, всех, кого увидишь на горе — мочи! Не давай продвигаться к нам, чтоб никто через лощину не переполз. Всем остальным рассредоточиться.

Дубино! — крикнул я зам.комвзвода. Распредели солдат: двух наблюдать за тылом, двух — на левый фланг и ты с ними, двое — со мной, АГС с взводным будет. И связиста ко мне! Сашка, командуй АГСом.

— Хорошо. Смотри, башку под пули не подставляй.

По карте мы определились по местонахождению. Я вышел на связь, доложил и услышал голос ротного:

— Какой вас хрен туда занес? Как будешь выбираться? Мы в пяти километрах на хребте над вами. — Пять километров в горах — это пятнадцать километров по равнине. Ого!

— Не хрен занес, а вертолет «Ми-8»! «Духи» — как ладони, нас пока не засекали. Закрепились, предлагаю долбануть им во фланг!

— Подожди, спрошу у старшего.

В разговор тут же вмешался комбат.

— «Бакен-02». — Это был мой позывной. — Как видишь обстановку?

— Вижу все очень хорошо. Внизу бой, наши прижаты.

— Это я и прижат. Чем поможешь?

— АГС и десять стволов, отвлеку часть огня на себя, накрою две-три точки «духов».

— Помогай быстрее. Много «трехсотых» и есть «ноль двадцать первые». Быстрее давай огня!

Ну, вот само собой и разрешилось: вызываем огонь на себя. АГС выплюнул большинство выстрелов ленты и накрыл два укрепления «духов», снайпер завалил пару «басмачей». Наш дружный огонь расшевелил этот «муравейник» напротив. Такой наглости афганцы, очевидно, не ожидали. Прямо под боком сидит группа русских и расстреливает героев — «моджахедов». В бинокль видно было, как мелкие отряды человек по десять перебежками двинулись к нам. Испугались окружения, каналы. Мы ведь им отход отрезали.

— Бойцы, мордой в землю не зарываться! Снайпер, прикроешь меня. Я с нижнего СПСа буду бить, немного отвлеку огонь на себя, а ты их снимай по одному. Дубино, тоже прикрывай!

Идея, как отвлечь на себя их внимание, была простая. Если снять у АКСУ пламегаситель, автомат стреляет в горах так громко, что кажется, это бьет пулемет ДШК. Пусть душманы подумают, что тут работает мощная огневая точка, и огонь перенесут с гребня на меня, ребятам будет легче. Укрывшись в валунах и соорудив из камней бруствер, я выпустил по направлению «духов» пару магазинов. Толку от этой пукалки на таком расстоянии никакого, но шума как от пушки. Моя стрельба произвела должный эффект. Что тут началось! Пули градом сыпались на валуны, с визгом улетали во все стороны рикошеты. Стрелял я, лежа, приподняв руку с автоматом. Было жутковато.

Снайпер сверху время от времени производил обстрел наступающих. Василий — не знаю, прицельно ли — также вел ответный огонь. Не понимая толком, что у нас за вооружение, афганцы прекратили перебежки. Но затем, когда АГС перестал работать, они опять поползли изо всех щелей.

— Взводный, что слышно? — заорал я. — Почему молчит АГС? Дубино! Там остальные живы?

— Да живы мы! Взводный на связи, а у АГС кончились гранаты. «Духи» все лезут и лезут. Товарищ лейтенант, я вас прикрою, трюхи, а вы выползайте, а то отрежут отход.

Снарядив расстрелянные магазины патронами, я, как уж, выполз из своего укрытия. Хорошо, что начало смеркаться. Пули свистели, но меня вроде враг не видел, поэтому я выбрался целым.

В глазах сержанта был веселый ужас.

— Это было что-то, я такой стрельбы еще не слыхав. Вы прикалываетесь, а нам тут не меньше досталось. Они, наверное, ползут за пулеметом, трофей хотят взять, а тут всего-то АКСУ.

— Васька! Стреляйте экономно, сейчас поговорю с комбатом, надо рвать когти отсюда, пока можно.

Взводный лежал в окопчике и переговаривался с Кавуном по связи. Тот наблюдал нас в бинокль и ставил задачу по выходу.

— Что говорит? — спросил я у Пшенкина.

— Все роты отползли в укрытия, надо уходить и нам, как стемнеет, если раньше не обложат со всех сторон. Можем опоздать с отходом.

Авиация работать уже закончила. По укрепрайону била артиллерия, разведка и десантники отступили на ночь на дальние высоты. Мы остались вблизи «духов» одни.

— Ну что, Саша, добьем последнюю ленту из АГСа по «духам» и быстро уходим. Задержимся минут на десять лишних — и кранты — будет не выбраться. Командуй взводом, а я и Дубино прикроем отход минут на пять!

Черт, опять придется отходить в замыкании!

— Ладно, только не отставай, не засиживайся: если не успеете проскочить, то помочь тебе будет невозможно, — как бы извиняясь, сказал Пшенкин.

— Не отстану! Жить хочется не меньше твоего.

Я переполз к валунам, за которыми укрывались зам. комвзвода с двумя бойцами. Солдаты время от времени неприцельно били вниз по склону и по противоположному холму. С каменной гряды и из распадка отвечали более интенсивным огнем: патроны враг не жалел. Темнело все быстрее.

— Ну что, товарищ лейтенант? Не долго мы тут будем развлекаться? — с надеждой спросил Дубино; в глазах сержанта появилась явная тревога.

— Итак, бойцы, мы с Дубино некоторое время прикрываем отход, а вы бегом к АГСу и помогайте расчету скорее его выносить.

Обрадованные солдаты быстро уползли за камни на карачках, как большие пауки.

— Товарищ замполит, и мяне, и сэбэ погубите! Может, усе зараз уйдемо?

— Не дрейфь, «бульба», успеем, прорвемся! Хватит болтать, заряжай магазины, — оборвал я нытье сержанта. — По два рожка расстреляем и драпаем.

Открыто «духи» не перебежали, но потихоньку перекатывались и переползали все ближе. Как прекратим стрелять, поймут, что добыча уходит, и начнут преследование. Небо становилось все сумрачнее, в глубокой лощине слева сгустился туман. Солнце уже скрылось за хребтом, и только на западе еще оставалось чуть заметное красное свечение. Значительно похолодало, усилился ветер. Тоже хорошо, по холодку легче уходить.

Минуты за четыре мы расстреляли плановые четыре магазина патронов, на всякий случай я бросил в распадок гранату. Взрыв отозвался вместе с гулким эхом криками проклятий.

— Васька, хочешь жить, беги как можешь быстро. Даже еще быстрее. Мешок за спиной, полный продуктов, тянет назад, лифчик—нагрудник сдавливают грудь и живот. Дышать тяжело, когда идешь, а когда бежишь — сердце вырывается из груди. Вскоре в лощине мы нагнали свой взвод. Смеркалось. Впотьмах мы чуть не заблудились.

— Саня, Сашок, это мы! — громко и радостно вскрикнул я, а то ненароком, с перепугу расстреляют.

— Ну, молодцы, я боялся, что вас отсекут от нас.

Бег по пересеченной местности с оружием, боеприпасами, экипировкой да еще с автоматическим гранатометом только называется бегом. Прибавить скорость было совершенно не возможно. Оружие за расчет АГС тащили другие солдаты, а ведь у каждого еще по две минометные мины для приданного миномета. Вот она каторжная работа горной пехоты. Все свое ношу с собой и не свое — тоже.

Стемнело. Ночь в горах обрушивается на землю столь стремительно, что просто не успеваешь приготовиться к ее приходу. Темень — хоть глаза выколи, все равно ничего не видно. Даже луны на небе не было. Шли по направлению вроде верному, но могли и сбиться.

Ночь нас пока спасает, но может и предать, если заблудимся. Выпустишь сигнальную ракету — обнаружишь себя, и можно не успеть уйти. «Духи» бегают налегке, а мы нагружены, как ишаки.

Там, где полчаса были мы, уже закрепились мятежники. Они, не зная, где мы точно находимся, вели некоторое время огонь во все стороны, но вскоре стрельба прекратилась.

— Васька, поставь пару растяжек на тропе, — приказал я зам. комвзвода. — Может, нарвутся, это их задержит.

Растяжка — это, когда к кольцу запала гранаты привязываешь нитку, а нитку — к какому-нибудь камню или ветке. Чуть дернул ниточку, и через четыре секунды — взрыв.

И все же нам повезло. Минут через шесть-семь сзади раздался взрыв, затем крики и стоны.

— Кому-то не подфартило, — сказал Дубино.

Сразу после взрыва «духи» открыли ураганный огонь, стреляли не прицельно, пули свистели в воздухе, рикошетили от камней с леденящими душу взвизгиваниями.

Взвод уходил, пригибаясь к земле, все быстрее и быстрее, солдаты втягивали головы, испуганно озираясь. Было жутко и неприятно. Однако наши растяжки рвение преследователей охладили. Огонь из автоматов не приближался. Очевидно, у них появились убитые и раненные. Может, зацепило? Вторую растяжку «духи» пока не задели: то ли не дошли, то ли сняли, то ли обошли.

Ротный по связи дал ориентир: две ракеты — красная и зеленая. У подножья высотки нас встретят свои.

Невдалеке впереди разрезали черное небо две ракеты. Ура, мы от роты были совсем близко. Минут через пятнадцать на подъеме натолкнулись на наше подкрепление — первый взвод спустился на помощь.

Все, спасены!

На высотке командир роты был вместе с комбатом. Группа управления батальона вышла в наше расположение. Сейчас к чему-нибудь, да и придерутся. Например, к форме.

— Ну, что, все целы? Что за взрыв был недавно, докладывай, «комиссар»! — рявкнул комбат.

— Все на месте, все целы, оружие в наличии, на растяжке «духи» подорвались, — отрапортовал я ему весело.

Взводный благоразумно пристроился за моей спиной. Ну Пшенкин, ну жук! Все шишки теперь мне достанутся. Комбат был службист, брюзга и умел, даже если не за что, найти повод взгреть.

— Ну, у тебя и вид, «комиссар». — «Комиссар» он всегда выговаривал ехидно и грассируя. — Чисто партизан. Что на тебе одето и обуто?! Какой пример солдатам?! Комбат по форме одет, начштаба — по форме. А в ротах что ни офицер, то нарушитель формы одежды. Все в кроссовках, в тельняшках! Ты с какого авианосца сбежал, лейтенант? — начал распалаться майор.

Брызгал ли он слюной, в темноте было не видно, но что шутовские чапаевские усы, торчащие в разные стороны, дрожали — это было заметно.

— Батальонного замполита в горы не загонишь, а ротный замполит как анархист одет! Привести всем себя в порядок! Командир роты! Усилить охранение и наблюдение. Вести всю ночь беспокоящий огонь и пускать раз в полчаса ракету. «Духи» вокруг, а тут не офицеры, а сброд какой-то «зеленый», мальчишки! — рявкнул Подорожник.

Скрипя зубами и продолжая ругаться, он отошел от нас к своему СПСу.

— Он с чего сорвался, Иван? — спросил я шепотом ротного. — Мы их переползания весь день прикрывали, огонь на себя отвлекали, еле-еле из окружения ушли, а он как на врагов! Мудак!

— Да не кипятись! — равнодушно и даже легкомысленно ответил Кавун. — Весь день майор со взводом связи под пулями лежал, натерпелся страху, напозался — вот на нас зло и срывает. Вместо благодарности. Ты же знаешь: его любимый конек — форма, порядок, устав. Ничего, обещается, еще сам тельняшечку попросит достать и кроссовки наденет.

— Пока это произойдет, он нас всех изведет до смерти.

— Есть будешь? — поинтересовался Ваня.

— Угощаешь? — спросил я, немного успокоившись.

— Угостил бы, да нечем. Каждый ест свое, а я съем твое! Ха-ха. Завтра подъем в пять утра, и в пять тридцать мы уже будем там, откуда ты сейчас драпал. Штурм укрепрайона в шесть тридцать, по холодку.

— Вот по холодку нам там и наваляют, и остывать долго не придется.

К нам подтянулись остальные офицеры роты, и после короткого инструктажа командир приказал:

— Третий солдат на охранение, смена через два часа, от взвода по посту, офицерам распределиться для проверки. Заменщики, то есть я, отдыхают. Отбой! Замполит может спать в моем СПСе. Заслужил.

Мы полезли через камни, выстроенные кольцом неумелым солдатом, и укрытие рассыпалось, завалив спальный мешок Кавуна.

— Балбес, который это сооружение построил, ко мне!

Из темноты показалась фигура солдата. Не солдат, а грязное привидение. Опять Витька Свекольников, этот молодой солдат-первогодок только два месяца как из Союза.

— Я, товарищ капитан, строил, но я старался, честное слово, — виновато произнес он.

— Я, я, головка от патефона!

— Свекольников, почему такой грязный? — грозно насупился я.

— Да вчера мылся. — Виноватая улыбка не сходила с лица солдата. — Это сажа налипла, когда чай варил на костре, да пыль.

— Чай варил, как будто тобой чай варили!

— Свекольников, мы пойдем, чай в первом взводе попьем, а ты все восстанови, да чтоб ночью нас не прибило. Устал? — посочувствовал Кавун.

— Есть немножко! — вздохнул Витька.

— В общем, строить и ложиться спать возле нас, себе СПС тоже создай. Дубино, скажи, что освобождаю от охранения; будешь на связи. Охранять только нас. Если меня «духи» ночью уволокут — яйца отрежу. Понял?

— Понял, — широко заулыбался Свекольников.

В темноте блестели зубы и глаза, а что лицо чумазое, заметно было даже в темноте.

Да, война в горах — не сахар. Воды — в обрез, на трое суток две-три фляги, и этой водой не помоешься. К нашему сухпайку в последнее время стали давать гигиенические салфетки, которые пахли спиртом и одеколоном. Одной из них можно протереть лицо, шею, пошоркать руки. Лицо ототрешь, а руки — чисто символически. Зубы не почистишь, это можно сделать лишь, когда к технике спустишься. Тогда помоешься и попьешь вволю.

В первом взводе у костерка, спрятавшись за камнями, сидели два узбека и кипятили в чайничке воду. Маленький на литр кипятка, взятый в каком-то кишлаке, он давно весь покрылся сажей толщиной в палец. Вода уже кипела. Солдаты о чем-то разговаривали на родном языке.

— Ну, что, бабай, согрели чай? Заварку покруче — и все свободны, разводите свои «хала-бала» во сне!

Улыбки стерлись с лица. Якубов — маленький разлил жидкость по кружкам и уже хотел уходить. Но ротный остановил его.

— Якубов! Ты почему все время волком глядишь? Глаза у тебя недобрые, взгляд мне твой не нравится! Подобрей или сгною!

— По-рюски не понимай, капитан! — ответил тот и, закинув за спину автомат, заковылял в темноту.

— Вот и пойми их: о чем говорили — не поймешь, глядит волчком, в глазах — неприязнь. Прижмешь — улыбается, а отвернешься — жди нож в спину. «Узбекская мафия» в роте сильна. Нужно ее искоренять, а у меня замена на носу. Так что это твои заботы будут и нового ротного. Я и так уже в Афгане пересидел, переслужил, — выдал глубоко-мысленно ротный.

— Ваня, не все они — гнусы. Вон Якубов-большой, которого Гурбоним зовут — отличный боец, Рахмонов — хороший механик, — слабо возразил я.

Это было чисто символическое возражение. Мусульмане, за исключением таджиков, воевать не любили и не хотели. Чай погонять, плов сварить, мясо пожарить — это они любят, а воевать — нет. Да и война со своими — единоверцами тем более им была неприятна. Вот если б где-нибудь в Европе против «бледнолицых», может, все было бы по-другому, но вряд ли. Не солдаты они.

— Узбек — не солдат, узбек — дехканин, — подытожил Кавун. — У меня в роте, когда я стоял на посту, на дороге, случай был. Ночью «духи» поперели на выносной пост. Сержант-узбек побежал, все остальные узбеки побежали, их по склону потом и постреляли, за пулеметом

остался русский солдат. Он и бился до последнего патрона, подорвал себя последней гранатой, а если б все отстреливались, то «духи» бы не подобрались даже к посту. Все б выжили. Вспомни, в Бамиане кто струсила? Хайтбаев, как шакал, ползал, скулил. А ведь сержант. Кто сбежал от Острогина? Хафизов. А ведь у него был пулемет. А с пулеметом Сергей высоту бы удержал. Таджики — это бойцы, солдаты. Вон, «братья- мусульмане» Зибоев, Мурзаилов — это орлы! А узбек — не солдат. Русский царь где их всегда использовал? В трудовой армии: окопы рыть, дороги строить. А у нас их в роте тридцать процентов, а всего, мусульманского «интернационала» процентов шестьдесят. Вот и бьемся: офицеры, зам. комвзвода да несколько солдат. Хорошо, не бегут и в спину не стреляют, и то ладно. Да, к сожалению, нас, русских, не любят.

— Ваня, ты ж украинец? — засмеялся я.

— Я не украинец, повторяю, а хохол! Разницу уже знаешь? Нет еще? У Подорожника не спросил? Я тебе уже ведь говорил. Расскажет, поинтересуйся, — вновь рассмеялся ротный. — Ладно, давай пить чай. А все очень просто: украинец — живет на Украине, а хохол — там, где лучше.

Чай был отменный, хорошо заварен. Откуда-то взялись пара лепешек, сахар.

— Вот видишь: чай, лепешки — мастера. Передвижная чайхана. А воевать — это не они, — с грустью закончил ротный.

Чай в горах на свежем воздухе, под звездами, когда нет изнуряющей жары, обдувает легкий прохладный ветерок — это верх блаженства. Да если он заварен мастерски, да еще настоящий, а не помой, то так бы всю ночь сидел и пил. И лепешки были хороши. Теплые камни грели тело, вытянутые ноги сильно гудели. Шесть часов отдохнут мои конечности, а завтра вновь их разбивать и стаптывать. Сколько придется пройти, никто не знает. Пройти-то что, а вот штурмовать мощный укрепрайон, где несколько пулеметов — вот где беда!

— Ваня, какие сегодня потери были в батальоне? — спросил я с грустью.

— У нас в роте, сам знаешь, никаких, а в разведроты и у десантуры имеются. У разведчиков — один убит и трое ранено. В третьей роте тоже троих зацепило, в разведвзводе зацепило одного, один ранен во взводе связи. Еще нашу вертушку сбили и штурмовик повредили.

— Я в бинокль наблюдал, как штурмовик заходил на бомбометание, а «дух» даже не прячется, а стоит и стреляет из ДПШ. Там сзади пещерка, он на минуту скроется, а как самолет пролетает над укреплениями, выбегает и вслед — очередь за очередью.

— В этих Черных горах за месяц уже четыре летательных аппарата сбили, вот нас и притащили сюда.

Жуткие места. Граница с Пакистаном рядом. Оружие и боеприпасы в Афганистан рекой текут, не экономят. Караван приходит за караваном.

— Как думаешь, возьмем завтра высоту? Или опять поползаем под ней и отойдем.

— Думаю, поверь опыту заменщика, ловить им нечего. Мы сегодня их крепко обложили, вокруг по всем высоткам сидим, ночью они по распадку уйдут к границе. Чего им упираться? Свое дело «духи» сделали, нам вломили по первое число. Не дураки они, отступят! Хотя всякое может быть. Вот если не уйдут, то завтра будет еще та «мясорубка». Эх! Где ты, замена? Заменщик! Сволочь! Где ты? — с тоской в голосе закончил командир.

Вернувшись к СПСу, услышали сопение связиста.

— Свекольников, кто на связи? — грозно рявкнул ротный.

— Я! Связь нормальная, все в порядке, — забормотал испуганный солдат.

— Ты же спал, храпел? — удивился я. — Как ты что-то слушал?

— Да нет, у меня же наушник на ухе, я все слышу. Я чуткий.

— Ну, ладно, «чуткое ухо»! Завалишь связь с комбатом — вешайся, чумазы! — пригрозил, шутя, ротный и полез в спальный мешок.

Я снял кроссовки, сунул их к входу в укрытие, нагрудник развязал и положил под голову, автомат — под руку.

— Скорпионы, кыш отсюда! — шутливо сказал Иван и быстро захрапел.

Сон сразу пропал. Я этих тварей страшно боюсь. Ладно, пуля или осколок — это война, но умереть от укуса дурацкого скорпиона! Бр-р-р-р.

— Свекольников, скорпионов боишься? — поинтересовался я шепотом, поворачившись с полчаса.

— Боюсь, конечно, но вроде не слышно, чтоб ползали, — ответил солдат.

— Чудик! Как ты их услышишь. Они ж не слоны, чтоб топать, это же насекомые!

Солдат коротко хохотнул и замолчал.

— Витька, — продолжил я воспитательную беседу, — как ты в Афган попал? Отец — профессор, мать — директор школы... Что же не отмазали от войны-то?

— Да они и не знают. Я им письма якобы из Забайкалья пишу. Родители думают, что я в Монголии служу. У матери сердце слабое, она не выдержит, а мне очень хотелось себя испытать, проверить. Мир поглядеть.

— Испытал? Проверил? Ты такой же придурак, как и я, только звани-ем пониже. Второй доброволец в роте.

— Нет, я не придурок, я романтик, — возразил солдат.

— Вот-вот, и я романтик, только романтика наша смертью пахнет. И говном! Всю высоту засрали за три часа. Чуешь, как воняет?

Свекольников прыснул и, не сдержавшись, громко засмеялся. Кавун открыл глаза и покрыл нас матом.

— Эй, романтики хреновы! Спать мешаете старому воину. Лейтенант, валяй проверять посты, а ты слушай свою шарманку и, не дай бог, заснешь! — И, сладко потянувшись, продолжил смотреть свои сны заменщика.

Ну вот, провел воспитательную работу, поговорил по душам с солдатом и доболтался. Нехотя собрался и побрел по вершине по взводам. Один за другим меня окликнули все четыре поста. Тревожно глядяваясь в темноту, солдаты стерегли покой роты. Я расспросил всех, кто кого меняет, на всякий случай. «Старики» не любят стоять в охране, гоняют за себя молодежь. Не проконтролируешь, так на всю ночь и поставят салагу, а он возьмет и заснет. Вырежут всех, в том числе и того лентяя, который сачкует, но разве ж объяснишь это ленивому узбеку или «старик». Все надеемся на наше русское «авось».

Ветерок приносил не только бодрость, но и тревогу. Время от времени по укрепрайону били «Грады», вели огонь орудия наших артдивизиона и артполка. Иногда часовые давали от испуга очередь, тогда вспыхивали ракеты, раздавался треск нескольких очередей, и, наконец, все стихало.

«Духи» себя не обнаруживают, их позиции как вымерли. Зализывают раны. Что-то будет завтра?

Растолкав Острогина и напомнив про очередь на дежурство, я осторожно, чтоб не наступить на какого-нибудь ленивого бойца, не построившего себе укрытие, побрел спать.

Свекольников дремал, но не спал. Болтать уже не хотелось. Руки, ноги и спина требовали отдыха, а голова — хорошего сна.

* * *

Подъем начался раньше, чем мы ожидали. Утренний воздух был довольно прохладным, конечно, ведь уже ноябрь. От холода изо рта шел пар, горло побаливало, спальник покрылся росой, а на камнях проступил иней.

Ротный неласково пихал меня в левый бок ногой и торопил.

— «Духи» по наблюдению вроде ушли, идем чесать местность, разведка уже спустилась. Поднимать роту — быстро! На сборы пятнадцать минут! Офицеры — ко мне!

Наскоро поставив нам задачу, полученную от комбата, Кавун сориентировал по карте. Через пятнадцать минут вершина была пуста, и бойцы цепочкой поползли на плато. Пока роты добрались до укрепления «духов», разведчики и саперы уже осматривали высоту.

Засохшей крови и окровавленных бинтов было очень много, но ни живых, ни раненых, ни убитых мятежников не нашли.

— С собой, как и мы, всех тащат, — уважительно сказал командир роты. — Видишь, Ник, законы войны у нас с ними одинаковые. Никого не бросили! Трупы куда-то забрали, схоронили.

Мертвых унесли, а оружие не смогли, бросили. На вершине осталось несколько ДШК, безоткатное орудие, миномет, много боеприпасов.

Вскоре на вершину поднялась группа управления полка. Толстый, пыхтящий командир полка, забравшись наверх, сходу выпил полфляжки воды. Пухлые щеки и губы тряслись от напряжения. «Батя» был командиром, уважаемым офицерами и солдатами, но наблюдать его передвижения по горам было очень весело. Кроме автомата, все остальное таскал здоровенный сержант-ординарец Леха, все ему искренне сочувствовали.

Следом выполз замполит полка, тоже мужик не худенький, внешне похожий на пончик с губами-пельменями. За четыре месяца он в первый раз выбрался на боевые, наверное, за орденом.

Штабные с удовольствием фотографировались у трофеев. В это время комбату и ротным начали ставить новые задачи. Замполит полка и пропагандист собрали всех ротных замполитов и принялись нести всякую чушь.

Ну какой, к дьяволу, может быть боевой листок, идущий по рукам от взвода к взводу, или комсомольские собрания во взводах на какую-то заумную тему. В перерывах между боями ставили нам задачи по спецпропаганде и идеологии, наверное, сами не верили в их необходимость. Но говорили эту чушь, потому что получили приказ от вышестоящих «умников».

Однако в это время вся вершина, облепленная солдатами, уже зашевелилась, и полк двинулся в путь. Командир полка обматерил Золотарева за долгую болтовню, и мы радостно побежали по своим ротам.

Погрузка на вертолеты осуществлялась в километре отсюда, на следующем хребте. Десантные батальоны уже выдвинулись туда.

Трофеи распределили по ротам, и солдаты потащили их, как волокут муравьи добычу к муравейнику. Боеприпасы сложили в штабель, и саперы, уходя последними, все подорвали. Неунывающий командир взвода саперов старлей Игорь Шипилов оставался в замыкании со своими подчиненными. Мы пожелали друг другу удачи, обменялись крепким рукопожатием и разошлись. Сапером предстояло заминировать район, понаставить ловушек и сюрпризов.

Через час вертолетчики перебросили всех на следующую задачу, поближе к границе. Взвод Пшенкина ротный отправил к распадку на скалистую вершину, взвод Острогина расположился на склоне горы, а КП роты и ГПВ разместились на вершине. Командир оставил меня при себе.

* * *

На изогнутой высоте находились когда-то давным-давно возведенные «духовские» укрепления. Строить новые было лень, сапер проверил щупом наличие сюрпризов, и солдаты радостно их заняли.

«Привязываясь» к карте, Кавун и минометчик поспорили, где мы находимся, и, в конце концов, сориентировались. (Ориентирование в горах и пустыне — сложнейшее дело!) Получалось — высадили не там. Командир доложил комбату и его заместителю Лонгинову, который действовал чуть-чуть над нами на другой высоте с третьей ротой.

— Артиллерист, доложи-ка своим «стволам», где мы, — приказал Кавун.

— Товарищ капитан! Что я буду лезть сейчас, начальник артиллерии занят, да и знает наверняка, где мы находимся, — ответил лейтенант Радионов.

Его вместе с расчетом миномета придали роте, и он «загорал» на высотке вместе с нами. Арткорректировщик хренов.

Внизу ущелья стояло какое-то жилище. Довольно высокие стены окружали большой дом: через дувал без лестницы не перелезть. Во дворе гуляла скотина, на каменных террасах что-то росло.

Вдоль ущелья пролетала пара вертолетов. Когда они промчались над этим жильем, со двора вдруг им вслед раздалась длинная автоматная очередь. Придурак какой-то. Совсем очумел, наверное, от одиночества.

— Валерка! Бабахни из миномета по этой хибаре, а то они там охренели от веселой жизни! — скомандовал командир.

Но еще до того, как миномет начал стрелять, «крокодилы» вернулись. Пролетая на бреющем полете, выпустили несколько ракет во двор и по окрестностям. Снайперы! Все — в точку. Крыша дома загорелась, а со двора больше не стреляли. Вместо стрельбы раздался дикий женский крик. Крик и вой нескольких голосов нарушили наступившую тишину. Крыши дома и сарая, а также сено во дворе с треском горели, а рыдания перешли в истерику.

— Ну вот, и стрелять из миномета не нужно. А жаль, мины придется тащить на себе, если позже не расстреляем.

Иван был сильно озадачен происшедшим. В доме, оказалось, были женщины и дети. Жители, видимо, не успели уйти. Батальон высадился

внезапно, территория мятежная, наших в этом районе, может, никогда и не было. Старые пустые консервные банки нигде не валялись. Гора чистая, незагаженная, но это ненадолго. Скоро этот «недостаток» будет исправлен. Пустые ржавые банки — первый признак присутствия «шурави».

— Чего он стрелял, идиот? Ушел бы, как стемнело. Мы к дому, может, и не спустились бы. Задачи ротам в полку пока не установили, — задумчиво проговорил Ваня, почесав рыжую бороду.

— Н-н да! Дал сгоряча очередь из автомата, теперь ни самого, ни жилища. Скотина дохлая по всему двору лежит, и все вокруг горит! Чем думал человек? — согласился с ним я. — Рядом целая толпа солдат, а он стреляет, дурак, фанатик.

Слегка перекусив, попили чаю, курящие закурили.

Я даже на войне не желал начинать курить. Хотя, когда приехал, все курящие говорили — тут закуришь. Но, глядя, как в конце боевых, когда кончаются сигареты, «курилки» начинают из окурков мастерить самокрутки — мне становилось противно. Солдаты собирали «бычки», закручивали собранный табак в газету или в какую-нибудь бумажку, затягивались по очереди. Офицеры стреляли друг у друга курево, курили на двоих-троих одну сигарету. Мучались, бедолаги, без табака, стонали, скрипели зубами, матерились. Ну, уж нет! Обойдусь без этого счастья. К тому же чистые легкие, когда ходишь по горам, работают гораздо лучше.

Мы легли втроем в лучший СПС. Стены в нем были выложены в два камня толщиной — сделаны на совесть. Бойцы, кому достались места, легли в старые укрытия. Молодые построили для себя пару укреплений. Человек шесть самых ленивых узбеков легли вповалку в лощинке и о чем-то болтали.

— Эй, лентяи, прекратить свои «хала-бала»! — прикрикнул Кавун. — Спать мешаете, бабаи, шайтан вас побери!

Болтовня прекратилась, слышно было негромкое шипение нашей радиостанции и радиостанции арткорректировщика. Укрытие для ночлега напоминало небольшой колодец. Черное звездное небо над головой — черную дыру. Ветер не проникал сквозь толстые каменные стены.

В ущелье давно догорели сено и дом. Выла собака. Женщина продолжала рыдать, но уже гораздо менее истерично. Грусть... Тоска...

* * *

Рано утром сон улетел со скоростью падающих на нас снарядов. Вокруг укрытий горела трава, разрывы вздымались осколками густо по всему плато. Шрапнель свистела в воздухе, с шипением и визгом врезала

лась в толстые стены СПСа. Спустя пять минут новый, еще более жуткий удар: нас накрыли залпы «Градов».

Казалось, вспыхнула и загорелась земля. Антенну радиостанции перебило осколками, ее верхнее колено упало на мою голову. Земля под нами тряслась и вздрагивала, как живая, от новых и новых разрывов. Это ведь бьют не «духи» и не пакистанцы. Наши «боги войны» сеют вокруг смерть.

— Болван артиллерийский, убью! Скорей, выходи на КП артиллерии, пусть прекратят стрельбу! — закричал Кавун Радионову.

Минут десять еще падали снаряды, потом огонь затих. Видно, разобрались и поверили арткорректировщику, что бьют не туда.

Мы вылезли из укрытия и провели переключку: никто не убит и не ранен. Обладеть! Во взводе Пшенкина все целы, хотя вершина выгорела. К счастью, узбеки успели выскочить из ложины и забиться кто куда, по СПСам.

Высота, где ночевала третья рота, горела, как и наша. Оттуда по связи матерился зам.комбата. На Радионова сыпались все шишки.

Командир полка отборно матерился со штабными из дивизии, комбат ругался с полковыми артиллеристами, в эфире стоял сплошной мат.

Счастье, что мы не погибли, никого не ранило, не убило. Ни я, ни ротный не могли в это чудо поверить. Мы сидели на стене укрепления, которое нас спасло, и благодарили Аллаха и «духов» за крепкую постройку.

Все сухие колючки догорели. Солнце взошло и принялось припекать. Тут в небе появилась пара штурмовиков. Я с интересом и тревогой наблюдал за их приближением. Внезапно самолеты вошли в пике.

— Ложись, — заорал капитан, и все рухнули за каменные стены.

Две бомбы взорвались между нашей и третьей ротой. Осколки вновь ударили по валунам.

— Козлы, ишаки, мудаки чертовы, — стонал от злости Иван.

В воздух взлетели сигнальные ракеты, все взводы зажгли думы и огни. Штурмовики развернулись и возвратились на второй заход. Каждый из солдат запустил по ракете, получился настоящий фейерверк: жить хочется всем.

Самолеты еще покружили чуть-чуть, поверили, что мы — свои, и, помахав крыльями, улетели.

В это время в небе зависли две пары вертолетов. «Крокодилы» прилетели.

Это было уже чересчур!

— Они что, все охренели там?! — заорал Кавун. Иван выхватил радиостанцию у связиста. — Уберите вертолеты, они заходят на штурмовку!

Четыре «Ми-24» встали в карусель, немного покружили, наблюдая за нашими дымами и ракетами, а потом улетели.

И опять — удача! Бомбы штурмовиков никого не зацепили.

— Не поймешь: то ли нам повезло, то ли бомбить не умеют, — сказал, улыбаясь, Острогин, подходя к ротному. — Артиллеристы все вокруг перепали, но ни одного прямого попадания. Даже стены не завалило! — продолжил смеяться он.

— Вот и верь после этого в эффективность бомбометания и артналетов по мятежникам! — улыбнулся Кавун.

Трава и колючки вокруг нас понемногу догорели, ветер погнал огонь вниз по склону. Каменные островки укрытий резко выделялись на этом пепелище. Продолжалась свистопляска по радиосвязи. Командиры всех рангов запрашивали данные о потерях, мы отвечали об отсутствии таких, нам не верили, переспрашивали. Замполиты узнавали о потерях, о моральном состоянии, тоже не верили в отсутствие жертв.

Пехота ругалась с артиллерией и авиацией, артиллерия ругала своих арткорректировщиков в ротах и батальонах. Авиация спрашивала: как мы там оказались, мы отвечали, что они нас тут и высадили. Авиация уточняла задачи пехоты, пехота материла авиацию. Перепалка не прекращалась. Приказ на прочесывание местности не пришел, а день клонился к завершению. По-прежнему оставалось только вести наблюдение. Это означало: есть, дремать, охранять себя. Сутки завершились распоряжением усилить наблюдение, выставить посты и быть готовыми к прорыву мятежников. Так и пролежали пять дней.

* * *

Однажды утром, еще в предрассветных сумерках, поступил приказ на пеший выход. Авиация, наверное, обиделась, и вертолеты снимать полк с гор не прилетели. Выходить самим — это переход в тридцать километров по горам. А это спуски и подъемы, все по крутым склонам и таким же крутым подъемам.

Быстро позавтракали, собрали спальники, уложили по мешкам боеприпасы, остатки пайка. Воды почти не было, так как спуститься за водой не разрешило командование. Может, по дороге что-то попадет. Родник или ручей.

Первыми ушли вторая рота, группа управления батальона и отдельные взводы, затем третья рота. Разведрота и группа управления полка ушли еще раньше, они оказались где-то в стороне от батальона и гораздо ближе к броне.

Наша группа уходила в замыкании. Переход обещал быть ужасным. Минометные мины не расстреляны. Ленты для НСВ, «мухи» тоже. Хоро-

шо, что почти все ленты АГС расстреляли. Постепенно взводы вытянулись в цепочки, цепочки взводов растянулись в роту. Солдаты запыхтели и потащили все, что сюда привезли с комфортом на вертолетах.

Солнце постепенно вышло из-за вершин в зенит. Промежуток между ночной прохладой и пеклом — считанные минуты.

Мы медленно шли второй час. Вдруг в ущелье заметили группу местных жителей: это были двое мужчин и четыре женщины с детьми.

Ротный подозвал Мурзаилова.

— Ну-ка, останови их, окликни!

Пулеметчик по-таджикски что-то крикнул, женщины присели, сбившись в стайку, как напуганные птицы. Мужчины что-то громко заверещали.

— Что они говорят? — спросил Кавун.

— Они говорят, командыр, что они — мирный, идет с женами домой.

— Пшенкин! Спустись с двумя солдатами, проверь их. Если все нормально — мужиков к нам наверх, будут станочки к АГСу и «Утесу» нести, а женщины пусть идут домой или тут ждут. Будь осторожен, чтоб под паранджой не оказались бородатые рожи.

Рота заняла оборону, молодежь радовалась передышке. Воды давно не было ни у кого. Если солнце не ослабит свое жжение, у кого-нибудь может случиться тепловой удар. Я двигался в замыкании и подгонял более слабых. Мне, конечно, гораздо легче идти. Ни бронежилета, ни каски, ни мин, ни пулеметных лент. Моя «муха» давно расстреляна, продукты кончились, воды нет. Только спальник тащу да боеприпасы.

Я год до Афгана служил в Туркмении и Узбекистане, много лет жил в Киргизии, но к такой жаре все равно трудно привыкнуть. Чувствовал себя скверно. А каково же этим молодым пацанам, особенно из центра России? На почерневших от солнца и грязи лицах, там, где текли по щекам капельки пота, оставались светлые бороздки. Глубоко запавшие глаза, включенные волосы, лица перекошены гримасами страдания и усталости. Такое вот лицо солдата. Грустно. Кто сэкономил папироску, принялся курить и переругиваться со «стрелками» окурков.

Да! Видок у нас у всех... Оборванцы! Вон, Колесников скатился по камням, теперь идет практически без брюк, задница прикрыта рваными кусками ткани.

То-то достанется в полку от армянина-старшины. Веронян, конечно, поорет для приличия, но оденет. А куда денешься? Сфотографировать бы солдата таким, какой он есть на самом деле, да в цветной военный журнал «Советский воин» — в раздел «Тяготы войны», но кто ж такой снимок напечатает? А солдат выглядит очень живописно: снайперская винтовка, пулеметная лента сверху вещмешка, снизу болтается

привязанная мина к миномету, и почти голый исцарапанный солдатский зад.

Привели местных мужиков, они не сопротивлялись.

— Все нормально, командир. Местные с женами домой возвращаются, — доложил комвзвода.

— Зачем идут и откуда? Наверное, душманы? — улыбаясь, недобро спросил командир.

— Нист, нист, душман, — забормотал испуганно один из афганцев.

— Конечно, нет, кто ж признается, — согласился Ваня. — Объясни ему, Мурзаилов, мы их не тронем, пусть только помогут нести станок от пулемета, а потом отпустим.

Афганцы выслушали пулеметчика и выглядели обреченно. Нам не верили, но что они могли сделать. Не откажешься. Одеты они были в выдавшие виды халаты, сандалии на босу ногу, грязные шаровары и такие же чалмы на головах. По лицу возраст их не определишь — тридцать лет или пятьдесят, не понять. Взвалили они на себя станки и, улыбаясь, с надеждой смотрели нам в глаза: не убили сразу, жен не тронули, может, отпустят живыми?

— Рота, подъем! Вперед! — скомандовал Кавун.

Взводные и зам.комвзвода принялись подгонять солдат. Сзади своих нет, с воздуха никто не прикрывает, батальон ушел далеко вперед.

Ну, что же, передохнули, перекусили, перекурили. До чего ж тяжело поднимать измученное тело с земли, когда на тебе имущество весом, почти что равным твоему собственному. Особенно сочувствовал тем, кто несет тело «Утеса» или АГС, или миномета. Но минометчики все же по очереди несут миномет. Ох, и каторжный труд в гранатометно-пулеметном взводе!

Запыхтели, поднапряглись — встали, сдвинулись и пошли быстрее, быстрее, быстрее. Даже порой бежим трусцой на полусогнутых ногах по крутым спускам.

Так и идем. В бинокль Острогин заметилдвигающуюся за нами на большом расстоянии группу моджахедов. Командир роты приказал артиллеристу поставить миномет и придержать преследователей. Откуда они взялись? Видно, давно следили за нами. Они у себя дома, а мы на вражеской территории как оккупанты. Миномет выплюнул несколько мин, и противник залег за камнями. Видимый противник опасен, но не так, как невидимый. Главное — не нарваться на засаду.

Бойцы роты, осознавая, что нас преследуют, заметно прибавили ходу, не желая отставать друг от друга. А мне опять ползти сзади с выдохшимися, тянуть, подгонять, помогать.

Часа через три оторвались от «духов», хотя скорей они нас отпустили: не хотели вступать в бой. «Уходят, ну и уходите, Аллах с вами», — думают, наверное, они.

Горы стали пониже, лагерь с техникой полка все ближе и ближе. Командир объявил привал и подозвал офицеров:

— Ребята! Афганцев отпускаем, пусть топают к женам, а то они истонались. Детей куча и одеты бедно, может, и правда, они мирные крестьяне. Вообще-то — бедные-то они бедные, а жен по две-четыре на каждого. Вот халява, разлюли малина. Мне б так.

— Не справишься, — засмеялся я, — ты же после гепатита, наверное, и с одной не сладишь.

— Но-но, «зелень», не смей думать плохо о начальстве! — улыбнулся мечтательно Кавун. — Ислам что ли принять, есть хорошие моменты в их религии. Хватит болтать, «бачи» свободны, а то увидит какой-нибудь начальник из штабных, что носильщики-афганцы пулеметы тащат, так затрахаёт!

— Или чего доброго их какой-нибудь болван контуженый застрелит, — поддержал я.

Командир гранатометно-пулеметного взвода Голубев неодобрительно посмотрел на нас и, сплюнув, произнес:

— Лучше бы шлепнуть. Все они «духи»!

— Вот видишь, зам! Контуженый Голубев говорит шлепнуть, а там, на позициях дивизии, контуженых точно будет больше. Эй, идите сюда! «Буру бача!» «Замполь», дай им пинка под зад, пусть бегут быстрее, не будем брать грех на душу, пусть живут.

Я через таджика объяснил старшему мужику о решении командира. Что тут началось! Афганцы бросились целовать мне руки и благодарить добрых солдат, офицеров, восхвалять Аллаха.

Затем, осмелев, более старый принялся мне что-то толковать, показывая на свою руку и стуча по моим наручным часам.

— Мурзаилов! Что он хочет? — спросил я солдата.

— Да, все нормально! Ничего страшного, часы свои просит, обратно чтоб отдали.

— А кто забрал, ты, «абрек»? — грозно спросил я у переводчика.

— Нет, не я, — отвернулся, насупившись, он.

— А кто? — продолжал я допрос, хотя краем глаза заметил, что один из сержантов снял с руки часы и положил их в карман.

— Худайбердыев! Ко мне! Вытащи то, что в кармане спрятал.

— Нет ничего там, товарищ лейтенант!

По бегающим глазам было видно, что врёт. Пока абориген помогал ему тащить станок, сержант часы стянул.

Я сунул руку в карман сержантских брюк и вынул хорошие японские часы «Seiko». Сержант злобно посмотрел на меня, что-то пробормотал про «дембель».

— Сгною, гад, за мародерство, а главное — за твой злобный взгляд и вранье. Ну-ка, быстро схватил станок пулемета и вперед.

— У, сволочь! Он еще в нас стрелять будет. Посмотрите. Застрелить его надо, — прорычал сержант.

— Ага, а часы тебе как трофей вернуть надо. За часы человека готов убить?

— Они все не люди, а «духи»! Ничего, еще жизнь вас тут попинает. Скоро изменишься, лейтенант, — прошипел сержант и побрел, согнувшись под тяжестью станка.

— Вот подумай-ка. Казах, мусульманин, а единоверца готов за часы расстрелять. Хлопнуть, как муху. Ведь дома в мирное время, наверное, и мысли такие б не возникли в его голове. Что сделала война с человеком!

Сзади на почтительном расстоянии, которое постепенно сокращалось, передвигалась группа «духов». Артиллерию после ошибочного обстрела ротный вызывать побоялся.

«Духи», может, не догонят, а свои, точно, снарядами завалят.

* * *

Мы сидели вместе с Пшенкиным на башне и жевали галеты, заедая апельсинами. «Броня» разворовала склад с апельсинами. Когда стояли в саду, то неожиданно заметили ящики с апельсинами, загрузили ими все десанты и кабины. Охранял склад только один сторож. Он выстрелил в воздух из ружья, а в ответ раздалась очередь из автоматической пушки. Больше он не появлялся.

Пропал урожай. Потом неделю, пока мы лазили по горам, тыловые и технари жрали апельсины и дристалы.

Вот теперь десяток этих апельсинов катался в коробке возле пулемета на нашей башне.

— Сашка! А как ты попал к нам? Ты ведь в третьем батальоне служил.

— Почему служил, я к вам на один рейд. Случайно загребли, в наказание. Сволочи, стукачи заложили. Катьку-пулеметчицу помнишь, застал?

— Ну, помню. Когда приехал, то пили вместе за одним столом с заменщиками. Она тогда сидела, пила, плясала, орала. Чокнутая.

— Вот-вот. Я в сентябре из отпуска приехал, ну и с ней переспал. На заставу вернулся, оказалось, триппер подхватил. Лечиться там на посту, нереально, пост-то далеко на дороге, вот комбат и отправил в полк. Я уже выздоровел, а тут как-то пьяный сидел у женского модуля и попался на глаза начальнику штаба. Герой меня и загреб. Выбирай: или гарнизон-

ная гауптвахта, или взводным в рейд в вашу первую роту. Чего я на гауптвахте забыл? И надо же было Корнилову вашему ноги повредить. Черт! Устал я с вами, совсем устал. Приедем домой, вернусь на родную заставу. Начальства — никого, тишина, спокойствие. Ешь, спишь и дни до замены считаешь. Ты только про триппер — никому! Хорошо?

— Значит, не останешься?

— Нет-нет. Спасибо за такое счастье. Вы тут сами загибайтесь. Жаль, что Катька уехала, морду набить не успел. Зараза!

Я только весело засмеялся, слегка сочувствуя несчастью Пшенкина.

В полк Кавун принес небольшой мешок с апельсинами, в нашу комнату, и приказал:

— Витаминчики не трогать! Это мне для поправки здоровья!

— А как же дружба и войсковое товарищество? — возмутился я.

— Да никак! Тебе, «замполь», один, нет, два апельсина в день выделяю, и то, как не курящему. А Грошиков и водкой обойдется.

Я, конечно, самостоятельно увеличил суточную норму апельсинов в два раза.

— Что-то резерв фруктов быстро сокращается. Грабишь? — поинтересовался Иван, спустя несколько дней, явно что-то подозревая.

— Как можно? Просто помогаю заменить. С последним апельсином придет сменщик, обещаю.

— Так какого же черта ты их все еще не сожрал?

Перерыв между боевыми несколько затянулся. После второго похода на Джелалабад мы крепко засели в полку. У дивизии были дела поважнее. Особенно для нашего полка — дивизионная партийная конференция. В ходе этой конференции предстояли выборы партийной комиссии, и показуха развернулась не на шутку.

Каждый день солдаты выпускали то стенгазеты, то сатирические «молнии», то боевые листки. Все это приносили в штаб на рецензию и проверку пропагандисту, секретарю парткома, обоим замполитам.

Переписывали и вновь создавали партийную и комсомольскую документацию. Одновременно обновляли ленинские комнаты, изготовили новые походные ленкомнаты на плащ-палатках (палатки при этом дырявились, что очень бесило старшин в ротах). На территории полка нагромождали щиты наглядной агитации, строили аллею героев. Красили заборы, бордюры, казармы, штаб, клуб, размечали плац, белили деревья.

За два дня был возведен постамент, на который водрузили списанную БМП-2, отреставрировали на плацу трибуну. Все бегали как угорелые, с шести утра и до двадцати четырех часов, а времени не хватало. «Помощь» приехала из штаба дивизии в виде проверяющих готовность к работе.

На отчетно-выборную конференцию, шутка ли, приехал адмирал флота. Адмирал флота в песках Афганистана! Адмирал был не простой, а политический — первый зам. начальника главы политуправления — вот как!

Через неделю суеты и беготни под руководством штаба дивизии нас «взбодрила» группа офицеров из политуправления армии. Понаехали проверяющие — все забраковали. Все ленкомнаты, все газеты, все боевые листки, покраску заборов, казарм, мусорных бачков. Все началось заново, но еще более энергично, с привлечением дивизионных художников и писарей со всех полков. Еще через пару дней прибыла помощь в виде проверяющих из округа, и вновь все не так.

Естественно, офицеры на совещаниях были выставлены бездельниками, лентяями, дилетантами, политически близорукими людьми, почти ревизионистами и оппортунистами.

Вскоре появился очень холеный майор, высокий, стройный, тщательно выбритый, чистенький — хлыщ. Кандидат на должность секретаря парткомиссии, если выберут. А кого же у нас не выбирают, если его предлагают и рекомендуют. Альтернативы нет!

Этот тип начал ходить и командовать с утроенной энергией, накопленной во время учебы в академии. Мы уже всю наглядную агитацию переделывали по три раза. Но ведь полк не только этим занимался. Полк создавал всеобщую показуху. Столовые мыли и перемывали заново, казармы чистили и драили, постельное белье меняли и заменяли на новое, все кругом красили и перекрашивали. Оружейную комнату вылизали до блеска. Всюду бирки и на них — кто ответственный, чья казарма, курилка, мусорка, пожарный щит и т. д. А еще ротная документация, журналы боевой подготовки. Учет всего, что поддается и не поддается учету. Конспекты офицеров, конспекты солдат. А еще планы, таблицы, схемы, расписания занятий.

Писари валились с ног, глаза у них были красными от бесконечных ночных бдений над бумагами. После нуля часов спать никто не ложился, и до середины ночи все были чем-то заняты.

Это сумасшествие не прекращалось ни на минуту. Солдаты и офицеры мечтали о скорейшем выходе на боевые действия.

Наконец, все вышли на финишную прямую. Сумасшедшая суета трех недель подходила к своему апогею. Началась подготовка выступающих, плакатов, клуба, походного магазина. Походный магазин — это большая палатка, в которой ставятся столы-прилавки для продажи дефицитов, и мини-кафе. Вот на меня эту задачу и повесили. Привезли палатку, новенькую.

Командир дивизии, седой генерал, лично указал место, где ее установить, в какую сторону у нее будет вход, и напоследок благословил: «Действуй, сынок!»

Командиры бесились от бесконечного ожидания неминуемо приближающегося мероприятия. Но конференция все откладывалась — ждали адмирала, хотя по плану через пять дней после конференции выход на боевые.

Так вот, получил я палатку, получил столы, ротный неохотно выделил восемь солдат.

— Знаешь, Ник, такое ощущение, что мы все в дурдоме. Рядом ведь наш дуكان (магазин) стоит в пятидесяти метрах. Зачем палатку снимать с хранения и портить?

— Сбитнев! Это, как сказал начальник политотдела, событие чрезвычайной политической значимости, а мы с тобой политически близорукие люди.

Володя, чтобы назначили ротным, недавно стал кандидатом в члены партии, поэтому как бывший разгильдяй высмеивал все «исторические мероприятия».

И вот, несмотря на отсутствие опыта в установке огромных палаток, немного помучавшись, я ее все-таки поднял, выровнял, развесил отбеливатель (утеплитель), разместил плакаты, установил столы и стеллажи. Чувствовал, себя абсолютно счастливым, вначале боялся, что не получится. Сержанты и солдаты были довольны так же, как и я, теперь они лежали по углам и дремали.

Вдруг полог палатки распахнулся, и в палатку ворвался какой-то незнакомый офицер. Майор, как я разглядел по звездочкам. Пришлось встать со стола, где я сидел, и сделать вид, что очень интересуюсь чтением плакатов.

— Кто старший? — завизжал майор.

Это был тот самый — высокий, холеный красавчик — кандидат в секретари парткомиссии. Палатка наполнилась запахом приятного одеколона, весь он был начищен, отутюжен, тщательно выбрит. Солдаты проснулись и принялись ползать по полу и создавать видимость расправления швов и морщин на отбеливателе-утеплителе.

— Я тут старший, лейтенант Ростовцев. — Приложил руку к козырьку.

— Почему торговый центр стоит здесь? Почему дорожки к нему не посыпаны? Вход необходимо развернуть в сторону штаба! Быстро действовать, даю времени сорок минут.

— Ни х... себе, — ляпнул из угла сержант Дубино.

— Дубино! Заткнись! — рявкнул я.

Почему хамите сержанту? — обрадовался возможности докопаться до меня майор.

— Дубино — это фамилия такая. Его фамилия, — усмехнулся я.

— Вы еще и смеетесь надо мной! Издеваться! Дискредитировать! — зашелся в крике красавчик.

— Никто не издевается. Просто все устали, две недели почти без сна, и это после боевых.

— Быстро выполнять приказ, лейтенант!

— Нет, я ваш приказ выполнять не буду. Я не знаю, во-первых, кто вы, во-вторых, комдив лично все объяснил, и как ставить в том числе, указал и разметил.

— Ах, не будешь выполнять приказ?! Не знаешь, кто я?! Да я Ромашница — секретарь партийной комиссии! Это я руковожу всем этим мероприятием. Выполнять! — майор продолжал орать и делать при этом страшные глаза — напугать хотел, наверное.

— Ну, вы еще не секретарь парткомиссии, мы вас еще не избрали, — буркнул нагло я. А сам подумал, может, еще и не изберем. (Ха! Не изберем!) Если прислали, значит, изберем: других ведь кандидатур, как всегда, не будет.

— Да я тебя в порошок сотру! Ты кто по должности, лейтенант? — начал брызгать слюной секретарь.

— Зам. командира первой мотострелковой роты по политчасти.

— Ты у меня взводным станешь, я тебе устрою. Выполнять приказ! Даю сорок минут. Объявляю вам строгий выговор за хамство.

— Есть, строгий выговор, — ответил я, — только не понял, за что и от кого.

— Молчать! — вскричал майор и, повернувшись на каблуках, выскочил из палатки.

Лицо его стало красным, глаза чуть из орбит не выскочили. Еще немного воплей — и пена изо рта хлынет от бешенства.

— Ложись все! Отдыхать! — скомандовал я солдатам и загрустил.

Вот, ишак, упал на мою шею, откуда взялся такой негодяй. Тут война, люди гибнут сотнями, а такая сволочь сидит в штабе и изводит всех, да еще орденов нахватает. Майор на полковничьей должности. Сейчас станет подполковником, а под вывод досрочно — и полковником (как я угадал!).

Сержант подошел ко мне и извиняющимся тоном спросил:

— Товарищ лейтенант! Переставлять будем але не?

— Дубино, и надо же было тебе ляпнуть матом! С тебя все пошло.

— Ну вот, нашли крайнего. Чуть что, сразу Дубино. Фамилия что ли нравится всем? Да он уже злой был, як пёс зайшёв.

— Да я понимаю все. Но от этого не легче.

В палатку вбежал полковой писарь. Оглядевшись, он подбежал ко мне, взгляд нагло-ехидный.

— Товарищ лейтенант! Вас в штаб в строевую вызывают!

— Кто и зачем?

— Да капитан Боченкин. Какой-то майор из-за вас скандал закатил.

— Ну ладно, не болтай, прямо ты изнемогаешь, выполняя боевую задачу. Иду-иду.

Я вошел в штаб. Штаб гудел, как улей. Трещали пишущие машинки, трезвонили телефоны, люди бегали из кабинета в кабинет с бумажками. Строевик встретил меня удивленно и недоуменно.

— Лейтенант! Ты чего натворил?

— В смысле?

— В прямом. Тебя только и осталось под трибунал отдать. Прибежал тут новый секретарь парткомиссии, как с цепи сорвался, начал с порога орать и топтать ногами, служебную карточку твою требовать. А она, между прочим, до сих пор не пришла с предыдущего места службы, почему-то. Я ему объясняю, а он слушать не хочет, требует новую завести. Пока я ее «создавал», он вот тут у моего барьерчика топтался и

багровел. Стул предлагал — не садится. Боялся, наверное, что злость пройдет. Вот, гляди, что он тебе в нее вписал: «За попытку срыва отчетно-выборной конференции соединения — строгий выговор». Так что тебе, как замполиту, можно дальше не служить. После этого только сорвать с тебя погоны и расстрелять! — Он при этих словах добродушно засмеялся, затягиваясь сигаретой.

— Вот спасибо, обрадовали. А то я думал: наградной на орден опять вернули.

— Ты шутишь или как?

— Да какие шутки! Выговор-то он мне уже объявил — факт, а вот если еще и наградной лист вернется, тогда труба. Ромашица теперь точно его зарубит.

— Что стряслось-то, объясни? Клуб поджег? Аллею героев сжег? В клубе на сцене кучу навалил?

— Что издеваться-то? Палатку под магазин не так поставил. Спорить начал, сказал, что он пока еще не партийный босс, еще не избран и всякое бывает.

— Ха-ха-ха! Ну, ты даешь! «Не избран еще и всякое бывает». В армии всякое не бывает. Что, другого изберем, что ли? Шутник. Ну ладно, я результат твоей шутки положу к остальным служебным карточкам. Пока для истории. Весь полк ознакомлю: повеселится народ.

— Он, гад, орать начал, ногами топать, а мне комдив лично все указал, где ставить, в какую сторону вход. Ладно, пойду, скоро проверять заявятся.

В палатке дремали бойцы, усталость этих суматошных дней их просто подкосила. После Джелалабада ни минуты отдыха, да и там мы не на курорте были.

— Дубино! Собирай солдат и на ужин, затем в роту, а я тут пока отдуваться буду перед начальством.

Все ушли, а я загрустил по причине взыскания, могильной плитой рухнувшего на меня (да и черт с ним, после Афгана уволюсь, к дьяволу, из армии). Долой дурдом. Вдруг раздались знакомые голоса, и, распахнув полог входа, ворвался потный и большой, как слон, командир полка, следом вошел генерал и «начпо», полковник Севостьянов, затем замполит Золотарев, Ромашица и еще несколько штабных.

Я встал со стола и направился докладывать, но командир полка махнул на меня кулаком, и я замер, сливаясь с белым фоном утеплителя.

Генерал огляделся и произнес: «Ну, вот, тут все хорошо. Дорожку только песочком посыпать и доставить пару столов. Все. Идем дальше!».

Ромашица злобно посмотрел на меня, ничего не произнес, я вышел вместе со всей толпой. Основной замполит полка подозвал меня и промямлил:

— Дорожки посыпать, столы взять в клубе, поставить охрану на ночь, чтоб ничего не украли. Сейчас телефонную линию протянут связисты. Ну, а вы в роту — работать. Потом на совещании расскажите, что у вас тут было. Ростовцев, с вами одни неприятности. Совещание в двадцать три ноль ноль. Идите. Трудитесь.

Я отправился в роту, взял солдата, точнее вырвал у ротного (каждый человек — на вес золота: «работы» — непочатый край), старшина выдал ему спальник.

— Колесо! Двигай обратно в палатку и дежурь у телефона. Чтoб ни тебя, ни палатку, ни столы не сперли. Не проспй! Не кури!

— Есть, товарищ лейтенант. Я палатку изнутри завяжу и у телефона лягу на столе.

— Валяй!

Замученный солдат, схватив в охапку спальный мешок, радостно затрусил в сторону клуба. Я же, взяв блокнот для указаний, отправился на совещание.

Немного опоздал, но руководства все еще не было. Радостный непонятно отчего, комсомольский полковой вождь о чем-то оживленно говорил вождю партийному. Остальные все устало дремали. Из батальона я прибыл самым последним. Новый замполит батальона Константин Грицина глазами указал мне на место рядом с собой. Я присел, и он мне зашептал:

— Что там произошло у тебя? Все говорят, но толком никто не знает.

— А что произошло у меня?

— Какой скандал был с секретарем парткомиссии?

— Каким секретарем парткомиссии? Мы его еще не избрали, майор какой-то из дивизии, Ромашица, докопался.

— Ромашица это и есть секретарь парткомиссии.

— Он мне то же самое говорил, но я-то знаю, что он врет, мы его еще не избрали. Я бы его точно не избрал, и если бы альтернатива выбора была, голосовал бы против.

— Сейчас придет Золотарев и всех нас вздует. Ты не представляешь, какую крамолу ты говоришь. Такие кандидатуры в отделе ЦК рассматривают, в ГлавПУре, а ты оспариваешь мнение ГлавПУра.

— Не уверен в правильности выбора ЦК. Хлыщ холеный и блатной. Наверное, или папа генерал, или с дочкой генерала спит.

В кабинет бесшумно вплыл Золотарев, и первый вопрос ко мне:

— Что случилось у вас с майором Ромашицей?

— Да ничего. Он отменял приказ комдива, грубил, орал, хотя он пока формально никто.

— Ну, это ваше личное мнение. И ваши проблемы... Приступим к совещанию.

Все сочувственно улыбались и подмигивали. Ну, и понеслось дальше. Бред, маразм. Опять исправлять, переделывать, восстанавливать, заводить. Готовить докладчиков к конференции. Мне, к счастью, выступающего не доверили. Доверили подготовить умного сержанта с задачей менять стакан со свежим чаем на трибуне. Подстричь, одеть в новое обмундирование, чтобы «с умным, нормальным лицом, русский, коммунист».

— А у меня русского нет, есть хохол.

— Есть разница? — живо осведомился Золотарев. — Как вы понимаете, я имею в виду славянское лицо.

— Для этого сержанта есть разница. Он с Западной Украины. Он в полку никого, кроме себя, хохлом не считает, даже секретаря парткома.

— Да ну! — воскликнул майор Цехмиструк. — А я думал, хохлее меня нет. А на второе место ставил Мелещенко. Надо с твоим сержантом познакомиться поближе.

— Нет-нет! На первом — комбат, вы — второй, я — третий, — живо откликнулся Микола и заулыбался.

— Мелещенко! Ты, Микола, все время такой сытый и счастливый, явно где-то сало достаешь и каждый день употребляешь, — продолжал Цехмиструк.

— Нет, товарищ майор, он на кильку перешел, это новый вид наркотика, — прыснул Мелентий.

— Все! Прекратили базар! За работу, марш по подразделениям, — рявкнул замполит полка и закончил совещание.

— Ну-ка, ну-ка, расскажи, Мелентий Александрович, — заинтересовался Цехмиструк, выходя из кабинета и обнимая Мелентия за плечо.

— Да! Тут такая смешная история. Рота ушла на стрельбище, а Микола остался в роте стенгазету выпускать. Выпускал-выпускал, устал, проголодался. Взял банку килек у старшины-землячка, открыл, идет по коридору и вилочкой рыбку накальвает. А тут на беду комбат зашел. В роте никого, дневальный туалет моет, а Микола с баночкой. Команду «мирно» никто не подал. В казарме тишина, тут они нос к носу и столкнулись.

Подорожник подходит к Николаю, а на того столбняк напал.

— Что делаем?

— Кильку ем, — отвечает Колян.

— Ах, килечку! Рота на стрельбах, а он килечку трескает! Килечник! Килькоед!

Ну и понеслось. Старшина через окно сбежал, услышав шум, а в каптерке на столе еще банка кильки открытая стоит, комбат, как увидел, сильнее взвился. В общем, вечером на совещании в батальоне «гвоздем программы» были Микола и две банки кильки. Мол, нормальные хохлы едят сало, а этот килечек жрет. А Николай возьми да и брякни, что сало в полку нет, а килька есть. Комбат в бешенстве как заорет:

— Килька — заменитель сала?!!!

Кильку и Кольку обсуждали минут пятнадцать. Он сразу несколько прозвищ получил: «Килечник», «Килькоед», «Колька-килька». На любой вкус.

Николай стоял чуть в стороне и слушал рассказ, зеленея от злости.

— Ну-ну, насмехайтесь, издевайтесь, злорадствуйте! Пошли вы все к черту, еще друзья- товарищи называются. — И, развернувшись, он зашагал в роту. Вокруг все приснули от смеха.

— Зря хорошего хлопца обидели, — вздохнул Цехмиструк.

— Ничего, переживет, жлобина, — рубанул Мелентий. — К этому хорошему хлопцу, главное, спиной не поворачиваться.

Утром началось действие, ради которого весь полк стоял на ушах три недели. Партийный форум.

Я представил замполиту полка для осмотра Степана Томилина.

— Хорошо. Только почему без награды? — поинтересовался Золотарев.

— А у мэнэ, их нет.

— К наградам представлен?

— Так точно, к двум медалям.

— Вот и отлично, товарищ лейтенант, возьмите в роте чью-нибудь медаль, и пусть выходит с наградой. Так представительнее.

Нас обоих отправили за кулисы. На сцене восседал президиум во главе с адмиралом и командармом. У края сцены за занавесом стоял инструктор дивизии по культмассовой работе («балалаечник») и давал отмашку на замену чая.

Степан брал нервно трясущейся рукой стакан и двигался к трибуне на цыпочках с напряженным каменным лицом, движения — как у робота. В первый выход в зале раздалось несколько смешков, во второй выход количество смеющихся увеличилось, в третий — их стало еще больше. Зал ждал выхода Степана. Замполит полка сообразил: что-то происходит не так и выскочил к нам.

— Ты что творишь? С какой рожей ходишь по сцене? У тебя вид, как будто сейчас лопнешь от напряжения, двигаешься как ходячий памятник. Зал смеется. Спокойно, расслабься, улыбнись. Понял?

— Поняв, — обреченно вымолвил Томилин.

В четвертый раз он, выйдя на сцену, напряженно оскалился залу в вымученной улыбке. В клубе многие откровенно заржали. Начальник политотдела раздраженно замахал руками на Степана. Даже адмирал в президиуме проснулся, а Золотарев выскочил из зала и зашипел на нас:

— Марш отсюда! Чтоб я больше этого идиота не видел! Шуты гороховые! Уничтожу! Обоих.

Карьера выносивщика чая для Степана закончилась. Мы вылетели из клуба. Я ругался и одновременно дико смеялся. Томилин матерился и громко возмущался. Только отошли от клуба, как раздался громкий взрыв, затем второй, и от КПП поднялся столб дыма. Дежурный по полку выбежал из штаба и влетел в клуб. Оттуда выскочили командир полка, начальник штаба и помчались к въезду в полк, мы побежали следом. Из санчасти выехал УАЗик с медиками.

Произошло следующее.

Для встречи высокого руководства и обеспечения безопасности вдоль дороги разместили БМП разведроты и нашего батальонного разведзвода. Машины заехали на минное поле вдоль дороги. Поставили их для солидности, чтоб показать вышестоящему начальству заботу. На БМП находились только экипажи. Один механик захотел до ветру, и вместо того чтобы все «свои дела» сделать прямо с машины, прыгнул на землю. Ногой попал прямо на противопехотную мину. Взрывом оторвало ногу, и тело отбросило в сторону, где он головой задел вторую мину. Вот и два взрыва. Теперь солдат лежал весь запутанный в проволоке—паутине, без ноги, без головы. Подогнали танк, сапер зацепил труп «кошкой» и вытащил на дорогу.

Вот так грустно и даже трагически закончилась отчетно-выборная партийная конференция дивизии.

Адмирал додремал первую половину дня, после перерыва его увезли в штаб армии на обед, и в полк больше он не вернулся. Хватит, отметил-ся в действующей армии.

Разведчика кое-как собрали, за исключением головы, и отправили в «цинке» домой. Командованию разведроты крепко досталось за нарушение мер безопасности. А кто виноват? Всех солдат проинструктировали, что вдоль дороги минные поля и писать надо, не сходя с БМП. А парень застеснялся: недалеко кишлак, а сзади зенитно-ракетный полк, да и машины ездят. И вообще, бог его знает, почему он спустился.

Адмирал так и не узнал, во что обошлась его охрана, точнее показуха для солидности. Это место ведь днем совершенно безопасное.

Ромашницу благополучно избрали секретарем парткомиссии, а выговор в моей служебной карточке остался. Однако пока что скандал продолжения не имел. Посмотрим, что будет дальше.

Вскоре новые заботы заслонили вчерашние неприятности. Весь полк забегал, готовясь к выходу на боевые действия в Баграмскую «зеленку». Меня опять назначили исполнять обязанности замполита батальона, так как Грицина срочно заболел и попал в медсанчасть. Через пять дней я уже сидел на броне БМП, пыль и песок летели в лицо и, несмотря на опасность, я чувствовал себя счастливым. Радовался окончанию всей этой дури. Был конец декабря, скоро Новый год, и праздник предстояло провести явно не возле елки, а вокруг чужих виноградников, в далеком афганском кишлаке.

Самый любимый и самый веселый праздник — Новый год! Мы принялись к нему готовиться за неделю. Новый ротный (старший лейтенант Сбитнев) ухмылялся на наши приготовления, но не мешал. Комнаты офицерского общежития украшались, в казарме повесили гирлянды, на окна налепили всякую мишуру. Острогин у родственников в посольстве достал шампанское и сухое вино.

Но надежды рухнули 27 декабря. Тревога! Выход в Баграмскую «зеленку». Необходимо завести на заставы боеприпасы, продукты, заменить солдат. Вот вам и праздник. Раньше отдать приказ было нельзя? Двадцать дней дурака валяли. Вернемся домой в январе.

Сбитнев (каково с ним будет воевать?) был воспитанником третьей роты, а умением она не отличалась. Он собрал офицеров и весело сказал:

— Ну что, отпраздновали? Мороженое, мандарины, бананы, шампанское, конечно, не пропадут! Надеюсь, все вернемся, а на старый Новый год все это и употребим. Выходим я, замполит, Острогин, Серега Недорозий. Недорозий, тебя хоть и отправляют в Союз, а сходишь, наверное, с нами, больше некому. Не возражаешь? Замполит пойдет со вторым взводом, тоже больше некому. Грымов в госпитале и вернется ли, неизвестно. Голубев с ГВП, старшину не берем, заменика оставим дома. Пусть живет. Правильно?

— А нам, значит, жить необязательно? — подал голос Острогин.

— Обязательно! Только еще полтора года, мсье Острогин, в Афгане послужите, чтоб потом штаны в полку протирать.

— Интересное кино! — подал голос я. — Мы одновременно заменяемся через полтора года. Все будем штаны в полку протирать, а в рейд отправится тот, кто придет в третий взвод и молодой старшина!

— Ха-ха-ха, — заржал Серега. — Во, будет потеха, все начнем сачковать, а нас ротный будет под автоматом на боевые гнать.

— Его самого придется гнать, политотдельские скажут: «Товарищ, ты же коммунист!» — улыбнулся я.

— Разговорчики! Выход завтра, собирайте манатки! — рявкнул Сбитнев.

Недорозий схватил меня за руку в коридоре.

— Ник! У меня нет ни х/б, ни бушлата, ни шапки. Дашь что-нибудь?

— А, не переживай, оденем! Все будет хорошо. Не бойся, пошли экипироваться к старшине.

Сергея появился в роте как-то внезапно. Как привидение. Однажды в дверях канцелярии нарисовалась какая-то серая личность в форме капитана-десантника.

— Капитан Недорозий! Прибыл для прохождения службы в вашу роту, на должность командира взвода.

Мы дружно переглянулись. Лейтенанта забрали, а прислали капитана. Вот-те на! Ветишин, Корнилов, Пшенкин, теперь десантник. Кто будет следующий?

— Тебя как звать? — спросил Острога.

— Сергей.

— А ты откуда к нам? — поинтересовался Сбитнев.

— Из Кандагара, из спецназа. Неделю был командиром группы.

— Во! А что ж к нам транзитом? Ссылка?

— Да, я с комбригом характером не сошелся.

— Характерный, значит? Нам только очень характерных не хватало. И так балбесов полный комплект, — вздохнул я.

— Да нет! Я с ним в Забайкалье служил слишком долго. Сюда приехал, а он уже комбриг.

— А сколько долго? — спросил Сбитнев.

— С этим не очень долго — три года, а всего в Забайкалье пятнадцать лет.

Наступила гробовая тишина. Пятнадцать лет в Забайкалье! И все капитан и капитан.

— Серге! Пойди в кааптерку, вещи положи, сдай старшине прод. и вещевой аттестаты, чтоб тебя на довольствие поставил, — распорядился командир.

Когда за ним закрылась дверь, мы грустно переглянулись.

— Зубр! В Забайкалье пятнадцать лет. Каторжник! — вздохнул ротный.

— Да, вот так сюрприз! Этого нам только не хватало в нашем дружном, молодом, боевом коллективе, — согласился я.

Однако случилось то, чего мы совсем не ожидали. Сергей поначалу рьяно взялся за дело. Был очень деятельным, исполнительным. Быстро познакомился с солдатами взвода, сержантами, проверил технику, принялся за документацию.

Через пару дней пришел ко мне и сообщил, что уезжает в Баграм встать в политотделе на партучет, вернется, наверное, завтра.

Назавтра Сергей не приехал. Как не приехал и послезавтра. Ни через три дня, ни через пять. Я подошел к ротному через неделю и спросил:

— Володя, что будем делать? Недорозий-то пропал.

— А ты звонил куда-нибудь? Узнавал?

— Звонил. На партучет он встал, куда делся дальше, никто не знает.

— Ладно, я пошел к комбату, а ты иди, докладывай замполиту и сходи к особисту.

Весь полк через полчаса построили на плацу. Пересчитали, проверили всех по списку полка. Разведчики обыскиали все модули, все загашники, боевое охранение, позиции зенитчиков.

Нет нигде. Никто ничего не знает.

Нас всех на ковер к кэпу. Шум, крик, мат. Мы с ротным и комбат — в дураках. Новый замполит батальона Грищина — не при чем, в стороне. Все ругались, а мы, как могли, отбивались. Кто его нам прислал, те пусть и разберутся, почему десантника-спецназовца пехоте всучили. Мы его видели всего два дня. Пусть ищут в парткомиссии, в политотделе, у десантников. Все стрелы гнева от батальона были с трудом, но переведены в другую сторону. Из штабных строевика сделали дураком: зачем принял в полк такого кадра, секретаря парткома — крайним: почему Недорозий коммунист и зачем поехал становиться на партучет самостоятельно.

Шум эхом прокатился по всему штабу, а мы потихоньку слиняли в роту.

Поиски шли уже неделю. Искали в дивизии, искали на постах, искали везде. Досталось несколько раз кадровикам, замполиту полка и секретарю парткома. Доложили в армию. Искали по всей армейской группировке, разведбат прочесывал арыки вдоль Баграмской дороги.

Прошли две недели, и на пороге казармы появился особист батальона с Недорозием. Виновато улыбаясь, он вошел, поздоровался и начал, переминаясь с ноги на ногу, очень смущаясь, вздыхать и сопеть.

— Во! Приведение, что ли? — воскликнул Сбитень.

Мы все раскрыли рты. Капитан-особист поздоровался со всеми и, ухмыляясь, сказал:

— Передаю из рук в руки под расписку, не потеряйте. Пока, ребята.

Капитан Растяжкин вышел, а мы вздохнули и переглянулись. Пауза затягивалась. Серега переминался с ноги на ногу и виновато улыбался. Личико серо-синее, все жилочки, веночки просвечивают, кожа истонченная, наверное, почти не закусывал.

— Ну, Растяжкин! Оставил растяжку и ушел! Утер всем нос особист. Отыскал! Садись, капитан, в ногах правды нет, садись.

Недорозий сел и, стесняясь самого себя, спросил:

— Можно сигареточку? А то на гауптвахте не давали почти сутки курить.

Руки и пальцы нервно подрагивали, глаза бегали.

— В запое был? — спросил я.

— Да, — честно признался взводный. — Ушел слегка в штопор.

— Слегка? На две недели?! — с ужасом и восхищением одновременно воскликнул Острога.

— На две. Сначала встретил друзей в Баграме, завезли в Кабул в разведцентр. Там я все время и был. Тяжело, все болит.

— А как тебя вычислили? — поинтересовался ротный.

— Да пописать из-за стола не вовремя вышел на улицу. Рядом по той же надобности стоял, ссал какой-то майор, оказалось, чекист. Узнал. По-вязали. Выясняется — я в розыске.

Прибежали «держиморды» какие-то из комендатуры, заломили руки, наручники надели и в камеру. Сутки сидел, пока Растяжкин не приехал. Ни попить, ни поесть, ни покурить.

— Голова болит, товарищ капитан? — жалостливо и сочувственно спросил прапорщик Голубев.

— Уже нет. За сутки все прошло. Есть хочется и курить. Немного трясет.

— Ну, кури, — протянул сигарету ротный. — Достался же нам «бесценный подарок».

— Серега, ты — кадр, каких мало, — рассмеялся Острогин, — мы думали, ты без скальпа, без яиц валяешься где-нибудь в «зеленке». А ты — жив, здоров, лишь немного помят с перепоя.

— А что, лучше бы я был без головы?

— Не знаю, Сергей. Для тебя, может, и нет, а для батальона, может быть, и да. Нас тут имели неделю за эти фокусы, — зло сказал я. — Сейчас с тобой будут все разбираться. Уже очередь стоит. Могут и как дезертира посадить, могут звездочку снять и из партии выбросить.

Сергей открыл рот от удивления. Потом его закрыл и не сказал больше ни слова. Загрустил. Задумался.

Командир полка на совещании офицеров орал, как раненый вепрь, тряс за грудки нашего капитана, растоптал ногами его голубую фуражку. Командование приняло решение отправить Серегу обратно в ЗабВО. Десантники назад не принимали, отказывались, гады. Мы имели право в течение первого месяца откомандировать его обратно в Союз и воспользовались этим. В дивизии он был не нужен нигде, десантникам спихнуть не удалось, в авиацию — тоже. Нашли выход — домой с соответствующей характеристикой.

Отправку наметили после Нового года. А пока в роту, под наш круглосуточный надзор. Ротный приставил смотреть за ним сержанта Томилина: быть с ним везде, куда бы ни пошел — в туалет, в штаб, в столовую. А я — ответственный за этот контроль.

Весь отлаженный контроль нарушил очередной рейд. Оставлять одного Сергея нельзя, брать с собой не имеем права. Что делать?

Я подошел к комбату, комбат отправил в штаб. В строевой части сказали, что документы будут готовы только после праздников. Наши проблемы — это только наши проблемы. Замполит полка раздраженно сказал: «Что хотите, то и делайте, но чтоб не исчез. С собой брать не разрешаю, но и не запрещаю. Под свою ответственность. А можете посадить на гауптвахту до возвращения из Баграма». Сергей выбрал рейд.

Так Недорозий опять стал командиром взвода. Взвод будет действовать вместе с управлением роты. Дров не наломает: круглые сутки под присмотром ротного. Главное, чтоб не погиб. Если погибнет, у всех будут проблемы с прокуратурой.

Колонна медленно втягивалась в Баграмскую «зеленку». Впереди шел танк с минным тралом, под ним время от времени взрывались мины. За танком шла машина, на которой сидел Острогин, она молотила из пушки и пулемета по дувалам. У него во взводе было всего две исправных БМП, вот они-то и должны были возглавить прорыв. Следом я со вторым взводом на трех машинах. Замыкали колонну три БМП с третьим взводом и ГПВ, техник роты, при них. Рота вошла полностью в кишлак, когда под первой машиной взметнулся взрыв.

— Ба-бах!!!

Комья грязи полетели во все стороны и забарабанили по нам.

— П... ц Острогину! Невольно вырвалось у меня. — Серега! Серега!

Я дико заорал и, соскочив с башни, помчался к подорванной БМП, забыв о минах. Машина стояла, завалившись правым боком в арык, с разорванной гусеницей, оторванным катком и вся залепленная грязью. Вокруг валялись шмотки и копошились солдаты — с ног до головы в грязи, матерились, кашляли, отплевывались.

— Острога! Сергей! Где взводный?!

— Я здесь, я здесь! — ответил Острогин, выплевывая песок.

— Жив?

— Жив, даже не ранен. Башка только гудит.

Сергей стоял весь в грязи, оборванный, но живой.

— Серега! Живой, сволочь! — я обнял его и от радости заплакал. — Я боялся, тебе крышка, неужели, думаю, тебе, подлецу, конец пришел?! Как же мы без тебя?

— Рано хоронишь! Мы еще поживем!

— Поживем, Серега, поживем, повоюем! Я так рад за тебя. Солдаты все целы?

— Сейчас проверим! — Серега стал окликать бойцов — все живы.

— Чудеса! — только и смог сказать я.

К нам подбежал ротный.

— Все живы?

— Все! — широко улыбаясь, доложил взводный. — Все целы, никто не ранен. Под десантом взорвалась мина. Гусеница разворочена. Машину надо эвакуировать.

— В-у-у- -бам!!!

В следующую секунду все лежали физиономиями в грязь. Тело съезжалось, сжималось, втягивалось в грязь, тяжелую и липкую. Эта грязь пахла смертью, но она давала и спасенье. Возникло желание превратиться в змею и уползти. Осколки разорвавшейся минометной мины просвистели и врезались в деревья, дувалы, шлепнули по броне. Не зацепило никого. Счастье, удача — на нашей стороне. Одновременно справа по колонне ударили несколько «духов» из автоматов. Откуда стреляли, непонятно, не видно издали. В арыке, вблизи от подорванной машины, лежал разведзвод. Его бойцы стреляли во все стороны, их поддерживали огнем БМП нашей роты. Разрывы мин не повторялись, огонь из автоматов прекратился, но пехота неплохо поутюжила «зеленку», прежде чем двигаться сквозь нее.

Вот и застава. Танк в окопе, МТЛБ с минометом «Василек», БМП, пулеметы — все это оцетинилось в разные стороны вокруг высоких, толстых глиняных стен, за которыми находился усиленный мотострелковый взвод.

У ворот испуганно жались друг к другу шестеро афганцев. Не «царандой», не солдатам, но все вооруженные.

Навстречу колонне вышел лейтенант — начальник заставы.

— Привет, ребята!

— Привет! Что за черти? — спросил я его, пожимая протянутую руку и кивая в направлении аборигенов.

— А-а, «духи» мирные. Прибежали, чтоб вы не замочили их, перепутав вон с теми, что стреляют.

Грязные, непонятно во что одетые, в сандалиях на босу ногу, они приветливо махали нам, пожимали руки солдатам и излучали дружелюбие.

— А где наш Серега Ветишин? — спросил ротный.

— На следующей заставе. Туда еще около километра по кишлаку вдоль канала. К нему без вас, орлов, нашему батальону вообще не пройти. Посты уже месяц как обложили со всех сторон, каждый день обстреляны. Раненых вертушками вывозят под прикрытием «крокодилов». А по дороге не пройти, не проехать. Вся надежда на вас — рейдовых. Потом, когда уйдете снова на несколько месяцев, опять полная блокада. Живем сутками под прицелом.

— Ну, что ж, немного поможем, ведь мы — это «новогодний подарок» вам от командования полка, — засмеялся Острогин.

— Что ж, не расслабляться, — скомандовал Сбитнев. — Вперед, в пекло, к Сережке! Пока, лейтенант! Увидимся.

Броня двинулась дальше: пачкать гусеницы. На машинах сидели только экипажи, вся пехота брела по колено в грязи за машинами по колее.

Рота шла и подбадривала себя автоматным огнем во все стороны. Пушки и пулеметы БМП не смолкали. Пули сбивали ветки с деревьев, прорывали заросли кустарника, снаряды прошивали стены дувалов.

Где-то в глубине этих зарослей ползут, сидят, лежат «духи», которые наблюдают за нами. Выжидают, возможно, целятся, а возможно, уходят подальше. Пока, на время...

Вот и канал, идем вдоль канала.

— Ника! Со своим взводом остаешься здесь! — прокричал по связи ротный. — Мы пойдем дальше, а ты занимай оборону! Укрепишься — доложи.

Эх, я так и знал, что Вовка сунет меня мордой в самое дерьмо. Сидеть в какой-то халупе с тринадцатью бойцами. Теперь я в самом пекле. Недорозий со своим взводом двинулся с ротным к Сережке. Острога баддеет у заставы на разбитой БМП. У него рядом — высокие стены, много бойцов, танки. Ротный и Недорозий сутками будут в карты с Ветишиным резаться на заставе. Только я и Голубев вынуждены сидеть между заставами. Невезуха. Не ожидал. Три своих БМП подогнал к стенке дувала, пулемет РПК поставил на крышу дома, бойцов распределил по трем постам. Тринадцать бойцов и я — всего четырнадцать человек. Не так уж мало, но и не так уж много. С какой стороны посмотреть. Но все равно тоскливо. Тоскливо и уныло. Туман, серая пелена со всех сторон. Сверху слякоть, снизу грязь. Не празднично как-то!

— Владимиров Васька и Якубов — за мной! Посмотрим, что у нас в тылу творится.

— Дубино! На связи! Остаешься вместо меня, и следите за каналом внимательно.

— Понятно.

— Не «понятно», а есть, так точно.

— Есть, товарищ лейтенант. Вы все время к словам придираетесь.

— Ни придираюсь, а к порядку приучаю.

Мы двинулись по длинному извилистому лабиринту дувалов. Ход сюда, ход туда. Арыки, тропа, стены. За стенами — виноградники, огороды, сады, сараи. И никого. Ни одной живой души. Двор за двором, сарай за сараем, дом за домом, виноградник за виноградником. Никого. По крайней мере, никто не стрельнул, ни бросил гранату. Но никто не встретил и хлебом — солью. Нам здесь не рады — это факт.

Растяжки нами расставлены, сюрпризы приготовлены для встречи незваных гостей. Можно возвращаться, отдыхать.

В укреплении бойцы разожгли костер, что-то варили, пахло вкусно. Курятина. Негодяи, где-то уже поймали кур, общипали, приготовили. Вокруг благоухало ароматным чаем. Жить уже веселее.

Хороший сытный обед, чай, свежий воздух, тишина... Курорт! Или санаторий. Стало более-менее сносно. А что я ожидал? На войне, как на войне. Война — это в основном ужасная тоска. Когда не стреляют. А когда стреляют — тоска с ужасами. В этом месте должен раздаться грустный смех.

Сон... Антракт. Занавес.

— Ник! Ник, черт возьми, ты почему на связь не вышел?

Голос ротного был злой и противный. Связист, гад, проспал.

— Не можешь службу организовать?

— Могу.

— Так организуй! Организуй, иначе всю ночь через каждые пятнадцать минут будешь докладывать лично.

— Все понял, организую, связь будет.

— До связи.

— До связи.

Да, так прямо и разбежался — «каждые пятнадцать минут».

Наверное, самого вздул комбат. Точно, наверняка сам проспал. Колесо и я под горячую руку попали.

— Колесо! Проспал?

— Чуть-чуть задремал. Минут пять.

— Может, десять?

— Может.

— Может, двадцать?

— Х-х, может.

— Колесников, черт бы тебя побрал! Не мог проспать в другой раз? Еще уснешь — убью! Спишь днем. Понял?

— Есть, спать днем.

Бойцы на постах лениво переключались. Звездное небо, черная тьма со всех сторон, ни огонька в кишлаках.

Часовые окликают друг друга, связист вызывает экипажи БМП и отвечает роте. Двор, костерок во дворе, часовые, пускающие раз в час ракеты. Мы как бы на островке добра во враждебном безбрежном океане зла, вокруг — только ненависть и смерть.

Утром пришел прапорщик Голубев в сопровождении пулеметчика. Рожа мятая, заспанная, усталая. Все же возраст. Он постарше нас лет на пятнадцать.

- Ну что, досталось ночью от ротного?
- Угу.
- Но ты не слышал, как взгрел его комбат!
- Догадался еще ночью.
- Нам прилетело бумерангом, – хихикнул прапорщик.
- Подорожник сидит у дороги, там хорошие укрепления, у него теплый кунг. «Духовской зеленки» рядом с ним нет. Ему хорошо. Лучше, чем нам.
- Это точно. А как тебе одному тут?
- Мне могло быть и лучше. А ты что, не один?
- Со мной техник, нас двое. Дежури́м по очереди. У нас два поста, у каждого – БМП на посту.
- Да, ротному получше, чем нам. С Серегой ему веселей.
- Как Новый год будем встречать? Бутылка есть?
- Ты же знаешь, я не пью и тебе не разрешаю, да и не советую, ни тебе, ни Федоровичу.
- Эх, начальники, души старого прапорщика не понимаете.
- Что там понимать его душу? Душа старого пьяницы. Вся его беспутная жизнь запечатлелась на лице в виде глубоких борозд, они, словно шрамы, испещрили лоб. Впалые щеки, редкая бороденка, нездоровый землистый цвет лица. Язвенник. Они с техником Тимофеем как близнецы и на лицо, и по привычкам.
- Выпитая водка углубляла морщины и увеличивала их число на помятом лице, добивала желудок и печень. А, Голубев все пил и жаловался на последствия желтухи и тифа.
- Ну, ладно, я пошел обратно, грусти в одиночку, – вздохнул прапорщик и скрылся в тумане.
- С его уходом я задумался. Послезавтра ночью Новый год. Надо хоть как-то отметить его. А чем?
- Владимиров, Дубино! Компот мы сварить способны?
- Способны. А зачем? – спросил «одессит».
- Новый год! Выпьем компот в двенадцать ночи.
- Лучше б водки или самогонки, – вздохнул Владимиров.
- Тебя, «наркоша», гражданка быстро сломает с твоими взглядами на жизнь. В Новый год пьют шампанское. При его отсутствии пьем компот. Бойцы нашли алычу, сушеный виноград, на деревьях висела перезревшая айва. Сахар собрали из пайков. Будет компот!
- Дубино грустно посмотрел на бак с компотом и вздохнул.
- Може брагу сделать?
- Васька, дома в деревне будешь брагу и самогон гнать, а здесь – компот. На войне трезвость – норма жизни солдата!

Сержант вздохнул и побрел к костру.

Среди ночи меня разбудил ехидный голос ротного:

— Спишь опять?

— Нет, брожу по кишлаку!

— Шутишь, ну-ну. Шути. Через полчаса снимаемся. Сначала прохожу я с взводом, затем Голубев, а потом после нас уходишь ты. Понял?

— Понял. Чего ж не понять.

— Куда идем? Домой?

— Скажут, когда выйдем из «зеленки». Тишину ночи растревожим шумом техники, как бы засаду нам «духи» не организовали на выходе. Хорошо хоть то, что сейчас три часа ночи и уходим на предельной скорости, перехватить не должны.

— Зам. комвзвода! Буди солдат, только тихо! — принялся я тормошить сержанта.

— А, шо! Товарыш лейтенант, «духи»? Напали? — сонно запричитал Дубино.

— Нет, все в порядке, просыпайся скорее.

Сержант Дубино понемногу приходил в себя, начинал соображать.

— Нэ напали? Тады шо?

— Тады-тады, туды-суды. Уходим через полчаса. Солдат буди без криков, тихо-тихо. Собрать шмотки и к машинам. Один дозорный на крыше. Как техника пойдет мимо нас, тогда и мы заведем машины, пусть дозорный быстро спускается, на мою БМП садится.

— Поняв, поняв. Усе поняв.

— Ну, раз «поняв», командуи, «бульба»!

Взвод зашевелился. Хорошо, что уходим, а то «духи» наверняка Новый год испортили бы обстрелами. А так домой, дома лучше праздновать.

Мимо нас, растревожив ночной сон кишлака, помчались БМП. Вот ротный прошел, вот ГПВ проехал на машинах, мы рванулись следом. Наконец застава, на этот раз пронесло — без засады. Не останавливаясь на посту, уходим к дороге и дальше в поле к КП полка. Артиллерия сразу начала обрабатывать «зеленку», прикрывая наш отход.

Офицеры забрались к ротному на его БМП. Поздоровались, переглянулись и засмеялись очень дружно.

Очень уж Недорозий выглядел ошарашенным, взъерошенным и напуганным. Тяжело быть взводным после тридцати пяти.

— Ну как, Серега? Понравилось? — спросил Острогин.

— Да в общем-то, ничего, но могло быть и лучше, главное — почище. Да и народ встречает не ласково, нет теплоты и дружелюбия.

— Ну ничего, вернешься в ЗабВО, там тебе будет и дружелюбие, и взаимопонимание, — улыбнулся Сбитнев. — Ребята, идем домой пить шампанское?

— Неужели командир? — спросил Недорозий.

— Идем. Только чуть позже. Ты, Серега, пока только туристом ездил на БМП и в грязи чуть-чуть повалялся. Теперь твой турпоход переходит в новую фазу. В новые острые ощущения. Идем в горы в район Ниджараба. Это рядом, совсем рядом. Горы невысокие. Прикрываем с высоты ущелье, в кишлаках будут работать десантники.

— Ни хрена себе! — крикнул Острогин. — Новый год в горах, в снегу! Бр-р-р! Я, как южный человек, протестую! Я не выдержу. Сколько издевательств и сразу все одновременно! И подрыв, и горы снежные!

— Ладно, Серега, живи. И помни мою доброту! Останешься с техникой, и с техником, а я покомандую твоим взводом, — сказал ротный.

— Хороший каламбур, он мне нравится так же, как и твоя идея. Я буду мысленно с вами, ночами не спать, за вас переживать, страдальцев.

— Во, гад! Уже издеваться начинает. А как его взвод без него? — поинтересовался я. — Может, я броней порую. Еще ни разу не сачковал, все время на себе кого-нибудь тащу, да за взводных работаю.

— Не переломись, Ник! — похлопал меня по спине Острогин. — Мы тебе памятник при жизни поставим, стихи посвятим, а если что, то и песню о тебе, герое, сложим.

— Шутки в сторону, — оборвал ротный. — Солдатам обязательно взять спальные мешки, шапки, теплые вещи, рукавицы! В горах ночью будет дикий холод, вершины в снегу. Я — с первым взводом, замполит — со своим взводом.

— Не со своим, а со вторым.

— Хорошо, со вторым. Недорозий — с третьим, ГПВ идет со мной. Пулеметчиков ПК отдаю во взводы. Радуйтесь! Занимаем всего три высоты.

— Радуемся, радуемся, — воскликнул я. — Твоя щедрость великого и могучего султана безгранична!

— Идем от предгорья и до задачи пешком. Нам дают миномет.

— О-о-о, боль наша невероятна, грусть наша безмерна. Надеюсь, мины взводы не несут? — осторожно поинтересовался я.

— Несут! Несут до моей задачи, оставляют вместе с лентами к «Утесу» и АГС и идут дальше, все дальше и дальше. Радуйтесь!

— Серега не умеет, а Остроге все равно. Доволен я один. Радуюсь!..

— Ники, хватит радоваться. Иди к замполиту полка и не вздумай сказать, что командуешь взводом. А то нажалуешься, а мне втык будет за это.

— О-о! К замполиту... Заряжаться энтузиазмом и интузаизмом. Воодушевляться и потом воодушевлять. Наполниться бредом по самое горло и затем излить его на вас, каналы.

— Иди, иди. Да поскорей возвращайся. А то без обеда останешься, — напутствовал Острогин.

У штабного БТРа стояла группа офицеров, которых уже инструктировал Золотарев. Я подошел последним и тут же получил нагоняй.

— Товарищ лейтенант! Вы остались за замполита батальона, а опаздываете! Донесения вовремя не подаете, информации об обстановке не сообщаете! Списки отличившихся за батальон отсутствуют!

— Да у нас замполиты батальона почему-то все меняются, а я все время за них. Почему так?

— Я не об этом спрашиваю? Где списки?

— Ну, я только из «зеленки» вылез. Какие списки?

— Вы первым делом списки должны подать и донесение написать.

— Когда написать?

— Когда прибыли.

— Так я десять минут, как прибыл.

— Разговорчики отставить. За десять минут должны были и написать.

— Бред.

— Не понял, что вы сказали?

— Брал, говорю, доклады от взводов и рот, а я очень медленно пишу.

— А мне слышалось...

— Слышалось, слышалось. С гор будем спускаться, на ходу писать донесение?

— Когда хотите, тогда и пишете, а придете, сразу донесение представить. Вот танкисты и артиллеристы все успевают. А лучше всех ремрота и рота связи. Берите пример с них!

— Я их даже с собой для примера могу взять.

Мелентий Митрашу дернул меня за рукав и зашипел: «Не нарывайся, не связывайся».

— Опять демагогию разводите, лейтенант?

— Нет. Рассуждаю вслух.

— Рассуждать будете в одиночку, без нас. Всем подать донесения, выпустить боевые листки, провести беседы, подвести итоги первого этапа. С первым батальоном разберемся в полку. Политработники отдельные забываются, возгордились. Ишь, герои-боевики выискались какие!

Я открыл было рот, потому что все во мне кипело, но только охнул от тычка в бок. Это острый локоть Мелентия Александровича пресек мои попытки поспорить с руководством.

— Все свободны!

— Ник, чего ты с придурком этим связываешься? Молчи!

— Мелентий, да что он придирается? Гад! Специально достает. А на меня зачем батальон свалил, ты ведь старший лейтенант!

— А ты — замполит первой роты! Тебе расти нужно, а я скоро домой!

— Да-да, тебе расти, командуй, — поддакнул Микола.

— А ты вообще, жучара, закрой рот! Почему донесение вовремя мне не представил? — накинулся я на Мелещенко. — Выговор объявлю, когда в полк придем.

— В полку уже вместо тебя найдутся начальники.

— Вот именно. В рейд эти начальники ходить не ходят, а я за них отдуваюсь.

— Ничего! — успокоил Митрашу. — Скоро третьего по счету замполита батальона пришлют. Отдохнешь.

— Может, тебя назначат?

— Спасибо, не хочу за вас, балбесов, отдуваться. Я уж лучше в отпуск схожу и буду на замену готовиться.

— Счастливчик, — вздохнул Микола. — Ну, пошли, «почуфаним»!

— Иди один.

Мы с Саней прыснули от смеха и пошли к ротам.

— Ну и словечко «почуфаним».

— Рассказываю всю родословную Мелещенко, — ухмыляясь, сказал Мелентий. — У Микола, был брат, который учился со мной в одной роте в училище, по имени Гриша. Так вот, Микола — его младший брат, этого Гриши. Придет к братьям посылка с родины, с Украины, полная сала. Счастье у братиков — прямо глаза светятся от радости.

Приходит в роту младшенький к старшему: «Братуха, пойдём, почуфаним!» Зайдут в класс, сядут за парту, нарежут сала, чесночку, лука и как зачавкают! Рожи счастливые, лоснятся, как у двух жирных котов, объевшихся сметаной. Жлобы. Все вдвоем сожрут, перешептываясь, ни на кого не обращая внимания. И каким образом этого Миколу в Афган загнали, да еще в боевой батальон зацепили, ума не приложу! Тьфу. — И он сплюнул под ноги, словно прогоняя неприятные воспоминания.

— Так ведь в Кабуле в отделе кадров обещали, будет служить возле штаба армии.

— Ах, вот как его обманули. Ну, с батальоном, понятно, обманули, а вот как в Афган заслали? Как не вывернулся?

— Не знаю, не знаю, надо будет спросить.

— Ну что, по ротам или на обед в столовую?

— По ротам. Не лезь нигде на рожон. Тебе еще полтора года до замены. Войны на твой век хватит.

— Спасибо, за заботу. Но думаю, после бойни под Бамианом хуже уже не будет. Ты в такую переделку за два года попадал?

— Нет, Ник, бог милował! Но ты не расслабляйся. Как в песне поется — «вот пуля пролетела и ага!» Ну, будь здоров!

— Пока!

* * *

Погода все ухудшалась. Моросил мелкий-мелкий дождь, похожий на мокрый туман, нагоняя тоску. Богом забытые места. Пока я дошел до своей роты, обстановка резко изменилась. Машины вновь заревели двигателями. Получен приказ на срочное выдвижение из долины. С таким трудом входили и вот уходим. А куда?

Вышли к аэродрому в базовый лагерь к дивизионным тылам. Задачу поставили такую, что в животе похолодело. Батальон занимает высоты в районе Ниджераба. Горы покрыты снегом, температура порядка минус десять, сильнейший ветер. Может, задача на день, а то до Нового года осталось всего ничего. Есть совесть у командования или нет?

Рота поднималась выше и выше, снег становился все глубже и глубже. Сбитнев отправил меня на самый верх. Холод стоял собачий. Какие могут быть «духи» в такую погоду в горах? Мы разбили лагерь, вырыли в снегу лежанки, окружив их камнями. Три круглосуточных поста: у одного поста — я, у другого — зам.комвзвода Дубино, у третьего — сержант Полканов.

Мокрый снег, ветер, вокруг ни черта не видно. Холодно. Бр-р-р.

Сутки прошли в наблюдении и дрожании от холода. Все сырое: одежда, обувь, тело. Днем пришел приказ: сидеть на задачах, не двигаться, затаиться. В Новый год вести себя спокойно на точках и никуда не двигаться.

А тут и двигаться никуда не хочется в такой собачий холод. Весь день пролежал, глядя в небо, и понемногу мерз. В небесах — сумрачно, по сторонам — белым-бело. В долине броня стоит, люди суетятся, костры горят. Гораздо теплее и веселее. Комедия ошибок и парадоксов какая-то: центр Азии, где люди от жары умирают, а мы тут от холода дубеем. Для этого ведь Сибирь существует!

К ночи похолодало еще больше, однако тучи ветром разогнало, и небосвод стал огромным и звездным. Мириады звезд еще больше подчеркивали ничтожность и быстротечность существования человека, тем более на войне.

Время шло к полуночи. В тылах активизировался народ. Костры загорелись ярче, люди-человеки быстрее замельтешили у техники. Из долины слышались звуки радио через «колокол» клубной машины, и вдруг ударили куранты!

Вверх, к звездам понеслись трассы пулеметного и автоматного огня, артиллеристы повесили «люстры» — осветительные снаряды и мины. Кто-то выстрелил из орудия, кто-то бахнул из БМП. Небо озарилось свечением от ракет и стрелкового огня. Над всеми задачами, где расположились наши роты, началась стрельба. Дал в небо очередь и я, выпустив целый магазин. Вокруг стреляли солдаты, а пулеметчик, стоя, стрелял в черную бездну и громко матерился. Бойцы кричали: «Ура!» — и подбрасывали шапки. По связи вышел комбат и стал ругаться, хотя только что с его КП тоже палили. В «кунге» ему там хорошо, а тут одна радость — трассеры пустить.

Над Баграмом и Кабулом также было все в огнях. Мы в горах стрелять закончили быстро, патроны сэкономили, а вот внизу успокоились не сразу. Я лег в спальник, продырявил баночку с соком и выпил за наступивший Новый год. Романтика... Новогодняя ночь — ночь кошмара. Спать лег одетым прямо в спальный мешок, постелив бушлат под себя, чтоб не примерзнуть к ткани. Проклятый холод, дрожь бьет все части тела ночь напролет. Минутное забытье — и снова пробуждение. Как в бреду. Время от времени окрик: «Часовой!» Бойцы с постов отвечают. Если нет ответа, приходится превозмогать лень и холод, надевать полусапожки, выбираться из мешка и идти на пост и пинать спящего бойца. Рычать ему в лицо, стучать по башке, натирать снегом грязную от сажи физиономию, грубо материть. Возвращаться на лежбище еще противнее. Надо разуваться, снимать бушлат, застегивать спальник, пытаться принять удобную позу, чтобы в спину впивалось как можно меньше камней.

Среди ночи приказ — усилить посты. Приходится выставять еще один пост. Утром все разбиты и измучены. После восхода солнца только и начинается отдых. Завтрак, а затем легкая дремота, переходящая в сон с громким храпом измученных бойцов. Вечером роты спускаются вниз на броню, и полк передвигается обратно в Баграм.

Загнали нас на Новый год в горы. Зачем? Поиздеваться? А, может, спасти от потерь? Кто знает?

Утром вновь входим со стрельбой в кишлак и возвращаемся на оставленные посты. Проверили — мин нет. Осматривая развалины, заметили четверых «духов». Они нас тоже. Постреляли друг в друга. Враги убежали, унося раненого, словно растворились в винограднике. Кровь

на тропе дорожкой уходила в глубокий кяриз. Приказал Владимирову понаставить растяжек. Ночью сработали две из четырех. Бах, бах!!!

Утром на тропинке — капли запекшейся крови. Кто это был? «Духи»? Жители вылезли из кяризов? Тел нет. Мимо нас все время проходят машины под конвоем БМП и БТРов. Доставляют продукты, боеприпасы, вывозят солдат из «зеленки» в дивизию на дембель, вместо них едет молодежь. Бедняги будут сидеть в этой дыре два года, не высовывая носа. Если «повезет» и заболеют, побывают в госпитале.

Дурацкое сидение в кишлаке заканчивается через неделю. Сбитнев вызывает на КП роты, и мы, собрав пожитки, взвод за взводом, пробираемся к его посту.

— Ну что, замполит! Как тебе не скучно на взводе?

— Да нет, командир! Счастлив не видеть тебя целую неделю, а также рожи взводных.

— Что ж, предоставляю тебе возможность не видеть нас еще какое-то время. Твой взвод и ГПВ идут во главе роты. Двигаемся вдоль канала до дороги на Чарикар. Вести огонь можно и вправо, и влево. Наших там нет, наверное, никогда не было. Пробьемся на пост их второго взвода, завезем боеприпасы и уходим!

— Приказ понял, командир! Мы «разорвем» всех «духов», прорвемся к заставе. Чего бы нам это не стоило!

— Ну-ну, шути-шути! Давай двигай, рейнджер. Посмотрим, как будешь шутить на дороге у канала.

Сапер, пулеметчик Зибоев и прапорщик Голубев шли впереди, за ними четыре БМП двух взводов. Время от времени наши лупили из пушек и пулеметов вправо и влево. «Зеленка» молчала, но было очень неуютно, и в животе от страха крутило.

«Духи» внезапно вышли из-за дувала лоб в лоб на Голубева. Пулеметчик выпустил длинную очередь первым и завалил пару мятежников. Бойцы залегли за стеной, и началась перестрелка. Пули и осколки свистели над головами, но, к счастью, не цепляли никого. К нам добрался первый взвод. Острогин упал возле меня и обрадованно хлопнул меня по плечу.

— Что, жив, курилка? «Духов» много?

— А хрен их знает! Головы не поднять, чтоб их пересчитать.

— Так политдонесение и пошлем без точных данных? Главное, что листовки никак не раскидать обманутым дехканам! Ха-ха! Контрпропаганда срывается! Ну ничего, на винограднике развесим. А ну, Серега, подай снаряженный магазин!

И я, ухмыляясь, всадил длинную очередь в стреляющие развалины.

Внезапно вокруг начали рваться мины. Минометы! Фонтаны земли взметнулись вокруг нас. Ужасный свист осколков. Комья земли забарабанили по броне.

— Отходим, — заорали мы с Серегой одновременно.

— Быстрее к броне! — проорал Острогин. — Уходим к ротному вон в тот дом, он там. Сергей показал на большой дом с высоким забором, разбитым осколками.

Мы метнулись к броне, и тут же были засыпаны вокруг минами. Черт! Дьявол! Солдаты метались по арыкам между виноградниками и заборами. Минами «духи» отрезали наше отступление. Разрывы вздымались рядами. Чудом без потерь отползли к бронемашинам и, скрываясь за ними, попятились в укрытие.

Во дворе дома на бревне сидел старший лейтенант Сбитнев и по радиостанции докладывал обстановку.

— Ну что, герои! Бежали от превосходящих сил противника?

— Командир! — усмехнулся я. — Мы бились как львы, но шакалов много! Временное отступление, но сейчас отдышимся и прорвемся в «Сталинград».

— Сейчас пороботает артиллерия вокруг нас, а затем идем на прорыв. Все ясно?

— Да, ясно. Володя добавь нам еще пулеметчика для интенсивности огня в «зеленке».

— Бери, Ник, для группы прорыва и для тебя лично ничего не жалко! Но без шуток. Давайте, как только артиллерия стихнет, короткими перебежками на позиции, откуда отошли, за вами техника и все мы, вместе с колесными машинами. Вперед, удачи!

Едва-едва выскочили из двора в виноградник, как сразу раздались выстрелы из развалин. Виноградник наполнился пороховой гарью от разорвавшихся мин, свистом пуль и осколков. Мы лежали лицами в землю, и грязь падала сверху нам на спины.

Серия взрывов прозвучала за дувалом, оттуда послышались вопли солдат. Мина разорвалась прямо возле меня, Хайтбаеву разнесло щеку и бок, он рухнул мне на руки. Кровь хлестала из ран сержанта мне на нагрудник, я был весь в крови, но кровь была не моя. Я заволок раненого за ворота и положил у стены. Во дворе был хаос. Множество солдат корчились от боли, а те, кого не зацепило, перевязывали раненых.

— Где ротный? Сбитнев!!! — заорал я. — Володя!

Сквозь пелену дыма увидел, что санинструктор склонился над бревном, на его коленях лежала голова ротного, вся в крови, ротный что-то хрипел.

— Что с ним, Степа?

— Челюсть разбита осколками и посекло руку. Буде жить. Не страшно, но лицо может измениться.

Я склонился над ротным:

— Вова, как ты? Сбитень, держись!

— Дай сигаретку, закурить хочу.

— Я ж не курю.

— Все у тебя не как у людей. Не куришь, не пьешь, наверное, и баб не любишь — прохрипел ротный.

— Томилин, сигарету ротному, — заорал я.

— Да не курю ведь! — ответил сержант, перевязывая Хайтбаева.

— Дубино! Сигарету ротному! Вечно у тебя, Томилин, не как у людей.

Дубино сунул сигарету в окровавленный рот Сбитнева, прикурил ее. Ротный поманил меня рукой, чтоб я наклонился.

— Давайте прорываться. Как хочешь, но «духов» надо отбросить! — прохрипел он мне в ухо и закашлялся, при этом кровь захлюпала во рту, и капли брызнули мне в лицо.

— Я выдернул окурочек из его зубов.

— Вовка, похоже, курить ты уже бросил с сегодняшнего дня. Без зубов вообще курить неудобно. Ну, у тебя и рожа. Теперь тебе будет легко свистеть.

— Ты, сволочь, мне и так больно, а ты смеешься, издеваешься.

— Не смеюсь, а сочувствую. Подбадриваю.

— Когда тебе яйца оторвут, я тоже посочувствую, что тебе теперь будет легко плясать и танцевать.

— Со мной учился один парень в училище, у него было полмизинца, очень удобно в носу ковырять. У тебя тоже будут плюсы: легко и быстро по утрам чистить зубы.

— С глаз уйди моих, — зашипел командир. — Вперед! Под пули, марш! Может, тебе тоже скоро будет больно и чего-нибудь будет не хватать. Ник, надо вырваться! — сказал он, и в его глазах застыли слезы.

Я погладил его по голове. В русых волосах набилось много мелких комочков глины и пыль. Он протянул мне ладонь, и мы пожали друг другу руки. Ротный махнул рукой и закрыл глаза.

— Томилин! Степан! Всем вколи промидола, не жмись, и перевязывай, — приказал я, убегая к винограднику.

Из-за «Урала» вышел зам. комбата — Бронезилет Ходячий. Про него мы совсем забыли, он же нами тут рудит. Где-то отсиживался.

Я побежал быстрее, чтоб не объясняться с этим контролирующим.

Взводы ползли по арыкам между виноградными лозами к высокому дувалу. В небе появились четыре «крокодила». Лишь бы по нам не ба-

бахнули. Я перевернулся на спину и пустил красную ракету в сторону «духов», может, заметят целеуказания.

Заметили! Отстрелялись очень точно, мятежники за дувалами завывли. Рота короткими перебежками достигла вражеских позиций. Трупов нет, только кровь и бинты, все ушли. За нашей спиной послышался лязг техники: два танка и три БМП пришли на помощь. Танкисты принялись расстреливать все подозрительное вокруг. Рота вытянулась в колонну и двинулась к посту под прикрытием танков.

Сергей оглянулся на отходящих и подбежал ко мне.

— Надо отступать скорей, пока «духи» из кяризов не повылазили опять!

— Сергей, всю пехоту — на танки, и уходим!

Танками командовал новый комбат танкового батальона.

— Романыч, привет, спасибо за помощь! — прокричал я, наклонившись к нему. — Надо сваливать быстрее, сейчас они очухаются и дадут жару.

Развернув пушки влево и ведя огонь на ходу, танки двинулись за ротой. Пехота вцепилась в поручни, ящики, шины, привязанные к башне, и стреляла во все стороны. Десять минут показались часом. Вот и пост — скорее под его защиту. С его позиций велся ураганный огонь по кишлаку и за канал, душманы отвечали тем же.

Все успокоилось через два часа, «духи» сделали свое черное дело и ушли, а артиллерия и авиация для профилактики отстреляла запланированный боезапас.

Тишина! Внезапная тишина установилась над постом. Не шумел никто, бойцы приходили в себя от горячки боя.

Бронежилет (Лонгинов) сидел за радиостанцией и переговаривался с комбатом.

— Офицеры, ко мне, бегом! — вдруг дико закричал Лонгинов.

— Что случилось? — спросил, подбегая, Острогин.

— Сейчас прилетят два «Ми-8» эвакуировать раненых. Срочно занять оборону за дувалами, открыть огонь по всему подозрительному, прикрыть посадку вертолета. Будет две посадки, у нас девять раненых, у танкистов — один и на заставе — один. Всему личному составу выдвинуться из заставы на выносные посты, в окопы. Вперед, выполнять приказ.

Вертолеты под нашим прикрытием увезли раненых, «духи» даже не стреляли в ответ на наш огонь. Может, ушли в кяризы? Артиллерия хорошо обработала «зеленку», кому хочется под снарядами бегать.

— Ну, вот мы опять без командира, — вздохнул Острогин.

— Ненадолго Вована хватило, — ответил я так же грустно. — Принимай командование, Серега!

— А почему я? Может, ты покомандуешь? Ты ведь зам. командира роты, — попытался свалить все на меня Острогин.

— Нет, я исполняю обязанности замполита батальона, да и ты — старший по званию, уже месяц как старший лейтенант!

— О, а старший по званию Недорозий, он капитан!

— Ага, он капитан уже одной ногой в Забайкалье, а здесь только его тень.

— Какая тень? Вон стоит и улыбается, живой здоровый опытный капитан.

— Нет-нет, ребята, спасибо, командуйте сами, а то что-нибудь не так, под трибунал попаду. Лучше я домой!

— О! А может, Ветишина сразу с поста заберем, и пусть командует? — обрадовался новой идее Острогин.

— Серега! Ты чего дурака валяешь? Командуй, дел-то — выйти из «зеленки» и домой.

Наши разговоры услышал капитан Лонгинов.

— Вы что анархию устраиваете? Бардак какой-то в роте. Острогин! Вы тут ерундой не занимайтесь. Принимайте руководство, а в батальоне разберемся, кто будет ротным!

— Ну, вот, Серега, ты на пути к командованию батальоном. Жду распоряжений!

— Вот мой первый приказ: перекур двадцать минут и обед!

— Хороший приказ, — обрадовался я. — Умираю от голода.

Вот закончился год, тяжелый год. Первые потери при мне в роте, что-то будет дальше?.. Кончилось везение?..

А может, еще осталось чуть-чуть. В бога не верю, в черта-дьявола — тоже. Кого просить о поддержке? Инопланетян? Кто-нибудь, спаси и сохрани!

Дверь в комнату почему-то была приоткрыта. От легкого пинка она распахнулась, и я зашел в «кубрик», бросил нагрудник на тумбочку и упал на кровать, свесив ноги. Закрыв глаза, хотелось выть. Кажется, удача кончилась, можно сказать, отвернулась от роты. Сколько было потерь за полгода в третьей роте, во второй, в минбатарее, в АГСе, в разведвзводе, в «обозе», в других батальонах. Все-таки «рыжий» был прав: ушел из роты и увел удачу. Вот теперь он в Союзе жизнью наслаждается, а мы тут будем кровью захлебываться.

* * *

Две минометные мины — и скосило девять человек...

* * *

Погрузив в вертушку всех раненых, рота сделала рывок к заставе и укрылась за ее высокими стенами. БМП оцетинились пушками и пулеметами по периметру и стреляли по всему подозрительному в соседнем кишлаке.

Время от времени танкисты стреляли за канал, но редко, экономили снаряды: предстояло еще к «бетонке» пробиваться. Авиация вела непрерывную штурмовку «зеленки». Штурмовики пара за парой пикировали, нанося ракетно-бомбовые удары, штурмовиков меняли «крокодилы». Когда авиация улетела для загрузки, на «зеленку» навалилась вся артиллерия группировки, включая «Град» и «Ураган». Фонтаны разрывов взметались один за другим, кишлаки стояли в сплошной пелене дыма и пыли вперемешку с туманом и морозящим дождем.

Острогин предложил зайти погреться к начальнику заставы. Голубев решил пострелять напоследок из «Утеса» и АГСа по «зеленке»: последний рейд для него, потом замена (дома он начальником склада будет, должность уже ждет, пулемет больше на себе носить не придется).

— Хочу проститься с «духами», с солдатами поговорить, Лебедкова и Юревича потренировать. Сержанты они молодые, толком еще ничего не умеют. Вся старая гвардия — Гудков, Погонов, Стрекалов, мои помощники — уходят вместе со мной через месяц. Как будет ППВ работать, зависит от молодых сержантов! Постреляю, потренирую!

— Давай, старый, учи уму-разуму, а мы погреемся, пойдем Недорозий! — заорал Сергей.

Втроем вломились в комнату отдыха, где начальник заставы пил чай с арткорректировщиком и командиром танковой роты.

— О, пехота пожаловала! — заулыбался артиллерист. — Замерзли?

— С вами замерзнешь! Минами забросают, а потом сочувствуют. Вот признайся, Барашков, по твоей наводке нас отбомбили? Ощущение было, что били «Васильками». Случайно не наша минометная батарея по твоей корректировке стреляла, Андрей?

Дверь распахнулась, и в комнату вбежал командир минометной батареи капитан Степушкин.

— Вот! На ловца и зверь бежит! Василий, ты нас накрыл? Скажи честно!

— Да что вы заладили! Комбат, комполка, все болтаете, что попало. Мы вместе с начартом полка были, он подтвердит.

— Вместе были, вместе и били, — вздохнул Острогин.

— Ну, честное благородное, не виноват. Не стрелял по вам. — И Василий быстро перекрестился.

— Ох, нас обложили: мы с Ником, как зайцы, метались по арыкам и виноградникам. Куда не прыгнешь, там разрывы. Вперед — не пускают, назад — отсекают, прямо — огненный мешок. Но самый удачный залп был по дому, кучность отличная.

— Нет-нет! Мы открыли огонь из «Васильков», когда вы заверещали об обстреле.

— Не знаю, не знаю. Вся пехота считает, что надо бить физиономии минометчикам.

— Пошли к черту, все настроение перебили чайку попить!

Василий вышел, громко хлопнув дверью. За ним, бочком-бочком, подался и Барашков.

— Обидели мужиков, может, и зря? — вздохнул танкист капитан Скворцов.

— Зря не зря, ты на рожу Сбитнева бы посмотрел. В одну щеку осколок вошел — в другую вышел. Язык будет двойной, как у змея. Зубов половину выплюнул. А солдат сколько покалечило? Довезут ли до госпиталя живыми всех? Васька под горячую руку просто попал, основную часть злобы мы на «духов» выплеснули боезапасом. Я своими руками, желательнo тупым ножом, яйца бы отрезал тому, кто стрелял.

— И я. А кому? — поддержал я гнев Сергея.

— Ребята, угомонитесь. По сто грамм будете? — примирительно встрял в разговор хозяин дома. — Меня зовут Эльдар, я начальник заставы. Будьте как дома, давайте за знакомство, спасибо, что пришли и помогли, «духов» распугали.

— Я Сергей Острогин, а это — замполит Никифор — Ник Ростовцев.

— Ну, вот и познакомились! Очень рад вам, ребята! Тут так тяжело нам было. И мне, и Сережке Ветишину головы не поднять, за водой не выйти, теперь притихнут на полгода, до лета.

— Ну, Ветишина мы у вас уже забрали, будем его сами мучить. Здесь теперь курорт начнется, а он парень молодой, пусть пашет в полку, — огорчил я лейтенанта.

— Почему это забираете? По какому праву, а как же мы?

— Это наш парень, — заулыбался Сергей, — мы его воспитывали, а его на «большую дорогу» забрали. Не дадим испортить парнишку! Приказ командира полка.

— Это точно! Не дадим, сами съедем, — завершил я тираду.

— Ну, узурпаторы! Им гостеприимно по сто грамм предлагаю, тушенкой угощаю, а они кореша уводят. Я с ним учился в одном батальоне и в учебном центре в Келите. Такая подлянка с вашей стороны. Удружили...

Танкист громко засмеялся, забрал наши стаканы, перелил самогонку в свою кружку, выпил залпом. Закусил куском сала и, продолжая смеяться, пожал нам руки и помахал на прощание.

— Ребята, я вам больше самогонки не предложу за такую пакость. Сережку у меня увели. Ну, спасибо!

— Не за что, — ответил Острогин. — Нам в рейды ходить не с кем. Ротного нет, зама нет, взводного — одного нет, командир ППВ заменяется, а другой взводный в госпитале! Вот такая у нас веселая жизнь! С боевых вернемся, Недорозия Серегу заберут, в Союз в ссылку отправят. Не удивляйся, Эльдар, это длинная история.

— Так что, если командир полка в начале рейда еще думал, возвращать Серегу или нет обратно к нам в роту, то теперь он сам приказал ему шмотки собирать за полчаса. Сейчас Ветишка со второй ротой выбирается к Баграму, а в полку мы на него навалимся, запашем молодого.

Недорозий грустно глядел на нас и тяжело вздыхал, кряхтел и сопел из своего угла, куда он тихонько забился. Начальника заставы позвал какой-то прапорщик, а Сергей еще сильнее принялся вздыхать и что-то бормотать.

— Серега, ты чего там? — спросил Острогин.

— Мужики, что нельзя было выпить за знакомство, а потом байки про нашу «черную неблагодарность» рассказывать.

— Сергей! — строго воскликнул я. — Ты что, забыл, трезвость — норма жизни в сороковой армии! Еще потеряешься тут на заставе, зависнешь в Афгане на полгода, а нас потом затретируют. А может, махнуть тебя на Ветишина? Хочешь?

Сергей с тоской оглядел стены кубрика, задумчиво посмотрел в окно, нервно передернул плечами.

— Нет, ребята, спасибо. В Союз так в Союз. Хватит романтики на старости лет, в тридцать шесть сидеть взводным в кишлаке и выть на луну по ночам. Я лучше в Забайкалье вернусь, там, в магазинах, такой отличный, вкусный спирт питьевой продают!.. Домой! Домой! Пора домой.

Вернулся чем-то рассерженный Эльдар. Матюгнулся и пнул табурет, налил самогонку во все стаканы.

— Парни! Хлопнем понемногу с грусти?

— А что случилось? — поинтересовался Острогин.

— Комбат, гад, в отпуск отправляет. Я всего семь месяцев в Афгане, а потом полтора года в «зеленке» гнить. Что я в январе-феврале дома буду делать?

— Снеговиков лепить, снегурочек любить! — засмеялся Острогин.

— Я планировал в июне, денег на счету совсем мало. К Хидиятуннину в гости, что ли съездить?

— К кому? — ошалел я.

— К футболисту, с ним в одной роте служил в Закарпатье.

— Да я знаю, что к футболисту, с детства болельщик. А как ты с ним в одной роте оказался?

— Это он в моей роте оказался. Он перед чемпионатом ногу сломал, его из ЦСКА отчислили, по разным спортклубам военных округов начали гонять. Прибыл во Львов СКА поднимать на ноги. А командующий был чудила, говорит: «Выведешь клуб из первой лиги в высшую, я тебе старшего лейтенанта присвою — досрочно!». Ну, а он в ответ: «В жопу ваше звание — я футболист сборной страны и играть буду только в Москве». Тогда его, как младшего лейтенанта, в нашу орденосную «железную «дивизию» — взводным. Игорек — так мы его называли — офонарел: вместо сборной — взводным в Закарпатье.

— Я слышал про «дурдом» в той дивизии, — заулыбался я.

— Это очень мягко сказано — за год столько здоровья и нервов потерял. Рота сокращенного состава, взводных двое — я да Игорек. Он то в Москву, то в Киев в спорткомитеты ездил, добивался увольнения из армии, а мне через сутки начальником караула. За себя и за того парня. Правда, мячик хороший подарил, бутсы, майку ЦСКА, гетры, спортивный костюм.

Командир полка бесился, а сделать ничего не могли, вот всю злость на мне и ротном срывали. Потом, когда Игорь уволился, я еще к нему в Москву звонил, он меня в гости приглашал. Я собирался съездить, а меня — в Афган, как только разрядка пришла. Комполка отомстил за дружбу с футболистом. Скотина!

В помещение ворвался испуганный Голубев.

— Ребята, там Бронезилет Ходячий рвет и мечет, офицеров требует.

— Эльдар, спасибо за предложение, пей сам, а наши стаканы спрячь — Лонгинов сожрет! — забеспокоился я.

— А, Семен! Знаю, знаю. Это «подарок» второго батальона вам. Бывший мой ротный. Хорошая кличка — Бронежилет Ходячий. Надо рассказать ребятам. Гнус, каких свет мало создал.

— А теперь, когда он начальник, гнус — в квадрате! Ну, прощай, может, свидимся! — попрощался Сергей и потянул за рукав разомлевшего, дремлющего Недорозия.

— Подъем, по коням! — заорал я, и мы с гиканьем и свистом побежали на вздрючку.

Вздрычка не удалась. На пороге столкнулись со Свекольниковым, спешащим с радиостанцией в руках.

— Комбат!

Острогин взял наушники, представился, сказал, что все понял.

— Выходим. Через пять минут — прорыв. Артиллерия долбит по дороге вдоль канала, а затем мы быстро проскакиваем этот опасный участок до бетонки. Танкисты впереди, затем минометчики, БМП в промежутках. Ник! Ты, как всегда, в замыкании, на последней машине.

— Спасибо, удружил!

— Не за что. Зато я возьму на себя Бронежилета.

Огрызаясь во все стороны огнем из пушек пулеметов и автоматов, колонна выдвинулась от заставы. Кишлак несколько раз ответил автоматными очередями, выстрел из гранатомета разбил привязанный к башне танка ящик с ЗИПом. Ранило танкиста, слегка зацепило одного солдата-минометчика. Но прорыв прошел более-менее удачно, без жертв. Могло быть и хуже. Ненавижу Баграмскую «зеленку».

* * *

В полку было много новостей. Ваня уже в Союзе, а еще говорят, что рыжим не везет. Жив, здоров и ждет всех в гости.

Грошиков прямо из санчасти уехал на Суруби в третий батальон, принимать под командование роту. Очень переживал, что замена может затянуться из-за повышения в должности. Сменщика Голубева «украли» в штабе дивизии, перебросили куда-то в тылы.

Сизый орал и матерился, бегал по казарме, пинал двери, швырялся табуретками.

— Больше не пойду. Никуда не пойду! У меня был заменщик. Куда его дели? Суки! Я не собираюсь подыхать в этой дыре, в этом долбаном средневековье! Где мой заменщик! Крысы штабные! Сволочи тыловые! Перекупили, украли. Гады-ы-ы

Сизый заплакал, слезы потекли по испещренным глубокими морщинами щекам.

— Семен! Успокойся! — схватил я его за руку и потянул в каптерку. — Старшина, пузырь есть?

— Есть, — ответил Веранян, — для замены готовил, на стол поставить — водка, коньяк.

— Доставай водку, будем Семена в чувство приводить, — приказал я и добавил: — Гога, пожалуйста, не жадничай. У Голубева нервный срыв. Не выпьет — инсульт может случиться. Налей ему грамм двести, составь чуть-чуть компанию. Но только чуть-чуть, тебе сегодня работать. Семен, мы пошли с оружием и бойцами разбираться, посиди, расслабься, все будет хорошо. Разберемся, обещаю: найду тебе замену. Найду!

Соддат помыли, все разгрузили, сдали донесения в штаб, и наконец-то я добрался до своей конуры. В октябре нас переселили в крайний от КПП модуль, собрали весь батальон в одном месте. Штабным построили новое общежитие, но все туда не переселились. ЗНШ полка, оперативные ЦБУ, «комсомолец» полка свои комнаты сохранили.

Комбат и управление батальона заняли две комнаты, для ротных и замов по политчасти выделили кубрик, для замов и командиров отдельных взводов еще кубрик, на всех взводных еще пару помещений.

Прапорщикам батальона досталось два кубрика, но старшины остались жить в каптерках, а минометчики затаились в общежитии артдивизиона. В моей каморке стояли шесть кроватей, два громадных шкафа создавали тамбур, остальное имущество — стол, заваленный тарелками, ложками, кружками, тумбочки и табуретки. Ничего лишнего. Светомаскировка из фольги закрывала окна, в комнате был полумрак и легкий сквозняк.

Сейчас что-то в комнатенке не так. Но что?

В помещение ворвался Габулов и сразу заорал:

— Замполит! Чего валяешься? Балдеешь? Кайфуешь, плесень?

— Кайфую. Эдуард, чего ты все орешь?

— Чего ору? Ограбили нас, вот чего ору!

— Кого нас? Тебя?

— Меня, меня! Может, и тебя, чемодан проверь!

— А с чего ты взял?

— Старшина доложил, что кто-то замок дверной отжал, а потом через окно вылез. У меня в чемодане две полочки лежали — 500 чеков! Украли! Я уже прибежал, проверял. Ты что, не заметил, что дверь не закрыта?

— Да, как-то даже не обратил внимания, хотя лежу и думаю: что-то не так, а что — не пойму!

— Вот то и не так, поимели нас в наше отсутствие, пидо... сы! Убил бы, гниду.

Я встал, вытащил свой огромный чемодан из-под кровати. Замки были взломаны и открыты. Брать у меня было нечего, но пропала коллекция монет. В Джелалабадской операции в хибаре бойцы нашли шкапулку с мелочью. Монеты афганские, индийские, иранские, пакистанские, арабские — всякие-всякие. Я выбрал для коллекции по паре одинаковых, не больше. Набралось штук триста. Кто-то у меня их и вытряс. Пропала еще новая тельняшка — больше ничего. Деньги я оставлял старшине. У Эдуарда исчезли кроссовки и х/б.

В кубрик ввалились Мелещенко и капитан третьей роты Женька Жилин. Ребята о чем-то оживленно переговаривались.

— Парни, пойдем мыться, душ свободен, бойцы все помылись!

— Помылись, помылись! Смотрите, что у вас пропало! Мне тут не до мытья, все чеки украла, скоты!

Ребята переглянулись, открыли тумбочки, закрыли.

— У нас все цело, а чемоданы — в каптерке. Пойдем, Женя, в душ, мы за мылом и полотенцами вообще-то зашли, да и шмотки забрать. Комбат приказал всем офицерам жить в казарме, —ухмыльнулся Мелещенко.

— Когда приказал? — удивился я.

— Сейчас встретился в коридоре и распорядился: всем офицерам и прапорщикам переселяться.

— Да у меня каптерка забита под завязку! Куда?

— В расположении спать. В какой каптерке? В расположении возле солдат. У входа ротный, у ленкомнаты замполит, взводные с взводами, — грустно улыбнулся Евгений.

— Скоты, сволочи! Совсем решили в грязь втоптать. Если я солдат, я буду спать в коридоре, в казарме, а если я командир роты, я буду спать в своем кубрике! Пошли все на х..!

— Пока что идем туда все мы, — засмеялся Николай.

— А комбат где будет спать, с разведвзводом?

— Нет, комбата это не касается, только ротное звено.

— Ну, жизнь, унижают на каждом шагу. Мудаки!

— Ник! Ты идешь? — спросил Мелещенко.

— Пойдем, ополоснемся, — вздохнул я, — может, в следующий раз строем, офицерской колонной с песнями придется идти.

Душевая представляла собой морской контейнер, внутри которого были проведены трубы, накручены краны и раструбы для мытья, на пол брошены сколоченные в виде решетки доски.

Навстречу нам вышли Афоня Александров и Юра Луковкин.

— Мужики, опоздали, вода только для моржей, чуть теплая, зам. по тылу пришел и сказал, что не будет ждать, пока офицеры соизволят собраться, — сказал Афанасий.

— Вот сволота тыловая! Знает ведь, что пока рапорта и донесения не сдашь, из казармы не уйти. Гад! — завозмущался Микола.

— Ну что, рискнем, поморжуем? — спросил я приятелей и пошел в контейнер.

Ругаясь на чем свет стоит, мы разделись и принялись быстро смывать с себя грязь, пыль и пот под прохладными струями воды, которая к тому же лилась еле-еле, тонкой струйкой.

В душевую вошел краснощекий зам. по тылу полка Ломако.

— Здравствуйте, товарищи офицеры! Как душ?

— Пошел в жопу, — раздалось из темноты.

— Но-но, кто это хамит?

— Конь в пальто, иди сюда, копытом в грудь шваркну! — продолжал тот же слегка пьяный голос. — Тебя бы в холодную воду после двух недель ползанья в «зеленке» засунуть, я бы послушал с удовольствием маты!

Из полумрака выдвинулся зам по технике танкового батальона.

— А, подследственный, — смущенно забормотал тыловик, — ну-ну, поговори, пока на свободе. — Майор проходил по делу о хищении дизельного топлива, попался на продаже нескольких тонн, особисты взяли с поличным.

— Вот эти молодые лейтенанты промолчат, а я тебе скажу, уж кто жулик, так это ты: сколько спирта ушло, сколько тушенки?

Мы дружно засмеялись, а Ломако, прошипев что-то под нос, выскочил из контейнера. Вода становилась все холоднее.

Смыв грязь и при этом сильно замерзнув, мы побрели в казарму. Настроение было паршивейшее.

В канцелярии, к моему удивлению, сидел сияющий Эдуард Грымов.

— О-о-о! — вырвалось у меня. — Взводных — полный комплект!

— Да нет, — перебил меня Острогин, — лейтенант Грымов назначен заместителем командира роты, а пока исполняет обязанности ротного. Пока!

— Да, пока! — пожимая мне руку, многозначительно произнес Грымов.

Я посмотрел ему в глаза и задумался. Карьерист он был страшнейший, я это знал, и Эдуард этого и не скрывал, характер гнуснейший — ох, и достанется же нам с ним лиха. Видно, Сбитнева он уже списал со счетов, перешагнул через него и чувствует себя почти ротным.

— Я сейчас из штаба, от командира полка. Решил почти все вопросы, которые Сбитнев полмесяца не решал или не мог решить. Корнилова вместо Ветишина отправляют на дорогу, хватит у нас за штатом висеть, как хомут на шее. Из госпиталя сразу отправится туда, раз по

горам ходить не способен. Назначение Грошикова в роту состоялось позавчера, как и моя с ним рокировка. Недорозий выведен за штат. Окончательно. Теперь будем ждать взводного, наконец-то роту офицерами укомплектуем.

Эдуард по-хозяйски принялся распоряжаться всем, как будто он уже стал командиром роты. Очевидно, возвращение Володи из госпиталя в его планы не входило. Он поставил на нем жирный крест.

— Тебе, замполит, нужно побольше с людьми работать, на полигон почаще с ротой выходить, хватит бумагу марать, — в конце совещания принялся за меня Грымов.

— Товарищ лейтенант, — ответил я ему официально, — мне приходится эту «бумагу марать» и за себя, и за замполита батальона. Уже второй замполит с батальона ушел, а нового пока нет.

— Уже есть. Твой старый знакомый — старший лейтенант Артюхин. Два капитана не удержались — сбежали, теперь старший лейтенант попытается, хотя, говорят, уже почти капитан. Недели через две появится, но я не позволю прикрываться батальонными делами, заруби на носу. Будешь получать взыскания за роту от меня, если в роте не будешь работать.

И он выразительно посмотрел на всех. Вот, мол, я какой!

* * *

Неделя началась хуже некуда. Наконец-то отправили в Союз Недорозия. И смех, и грех. С утра перед завтраком Ветишин подошел ко мне и доложил:

— Проводил Серегу Недорозия, с подъема проводил в штаб, пожал руку, помахал вслед автобусу. Сопровождать к самолету поехал особист батальона капитан Растяжкин.

— Вот это да! Особист? Не может быть!

— В общем, тот в командировку едет, ну и взялся присмотреть до Ташкента. Но я со вчерашнего вечера хожу под впечатлением от этого «монстра».

— Кого?

— Серегу! Он мне после отбоя в канцелярии одеколон пить предложил. Я ведь в казарме ночую на сейфе, спать-то негде, а Сергей пил в ленкомнате и спал там же на столе, на бушлате.

— Вот дает!

— Вот-вот! Взял он бутылку «Тройного» у Гоги и предложил распить. Я отказался, а «спецназовец» налил себе в кружку и все залпом выжрал. Сигаретку закурил и блаженствует. Меня чуть не вывернуло, на крыльчке

подышал, минут пятнадцать — полегчало. Возвращаюсь, а он собрал паке- тиков двадцать чайных из сухая и чифир сварил на плитке — смакует. Выставил его под предлогом, что свет спать мешает, лег на сейфе на матрас и думаю: «Не капитан, а бич какой-то!». И вроде чего-то не хватает, что-то пропало. Утром побрился, а одеколону нет. На полочке «Миф» стоял и французский «О`Жен», а сегодня — нет. Заглянул в ленкомнату: в столе — пустые флаконы и пустая кружка. Я еще думал, провозжая, чего от него так морем пахнет, а это одеколон «Миф» на водорослях.

— Хороший коктейль он себе приготовил, — засмеялся Острогин. — Мой «Миф», твой «О`Жен» — классно погулял. «Бумеранг» вернули в Забайка- лье, пусть радуются, а то думали сбегать такого кадра!

— Хотел бы я увидеть физиономию комбрига, который выслал его к нам на два года, а он через два месяца возвращается. Ха-ха-ха, — я рассмеялся, и все офицеры засмеялись, представляя живую картину «Не ждали!».

Из штаба примчался свирепый Грымов.

— Острогин! Быстро собирай взвод, получить оружие, гранаты, пат- роны, снаряжение, шмотки. Вот список всего, выноси на плац, через два часа проверит начштаба батальона.

— Куда меня? В Забайкалье, как Недорозия?

— Нет, на гору Курук пост создавать. С каждой роты по взводу выделяют на три поста. Расчет миномета — трех бойцов, скоро комбат их представит. Зибоева с ПК возьмешь. Сколько у тебя своей пехоты?

— Вместе с писарем роты шесть солдат и сержантов.

— Без писаря! Ему и тут работы до боевых невпроворот. Итого: ты, сержант и восемь солдат. Хватит вполне!

— Вполне хватит, что бы что? Геройски погибнуть?

— Нет, для строительства заставы и двух постов ночью. Через неделю замполит привезет продукты, воду и все остальное. Сейчас тебя проверят и на аэродром. Крутись сам, нам нужно на полигон на занятия, старши- на всем снабдит.

Завязалась ожесточенная схватка между Сергеем и Вероняном. Гога старался сплавить все старое, подозревая, что ничего не вернется обрат- но, а Острогин хотел все новое или хотя бы целое. Шум-гам, крик, визг старшины.

— Чертов «ара», сейчас будет Серого обжуливать, — вздохнул Вети- шин, — а он как без замены?

— На месяц ты его заменишь, затем замполит, — ответил Эдик. — Если разрешат, я летаю, думаю: там будет как в доме отдыха.

Механики отправились в парк, а вся оставшаяся рота двинулась на стрельбище. До полигона два километра, сегодня по плану пристрелка

оружия — начинается десятидневная программа боевой подготовки. Эти планы все время меняются: то недельные, то восьмидневные, то десятидневные, то двухнедельные. Расписание под копирку писать не получается, все время что-то новое.

Не успели мишени расставить, примчался посыльный за мной и за Грымовым. Срочно на плац!

Быстрым шагом вернулись. Целая толпа тыловых и штабных вокруг трех групп пехоты.

— Вы где болтаетесь? Все брошено на старшину и этого лейтенанта! Полный развал! — орал заместитель командира полка.

— Не лейтенанта, а старшего лейтенанта! — огрызнулся Сергей.

— Как, старшего лейтенанта? — сбился с мысли майор Губин.

— А так, приказ пришел два месяца назад, а ни зачитать, ни погонны вручить ни полк, ни батальон не соизволил. Строевик сказал номер приказа, вот и все.

Слегка смутившись, заместитель, тут же вновь перейдя на крик, «перевел стрелки» на меня.

— А почему упущение такое, замполит, эта вина ваша!

— Да нет, я два раза напоминал в батальоне, а сам лично Острогина поздравил!

— А где приемник для заставы, где боевые листки, где походная ленкомната? Бездельничаете?

— Мы на стрельбище убыли, на занятие, — вступился Грымов. — Я лично его забрал работать с людьми, занятия плановые, Ростовцев на учебном месте руководитель.

— Обоим будет взыскание сейчас за пререкания. Быстро устранять недостатки!

Пришлось отдать единственный приемник роты «Маяк», батарейки Серега купил сам. Вручил сержанту целую пачку листовок, газет, брошюр, боевых листов и ящик с походной ленкомнатой.

Улетели... Уф-ф-ф.

Совсем обезлюдела рота. На следующий день Голубев, так как его заменщик в дивизии пристроился, решал вопрос об отъезде домой. Комбат согласился его отпустить, если мы подберем в полку себе нового взводного. Эх-ма, где ж его найти, балбеса, на такой взвод!

Пред обедом мы со старшиной повели солдат наполнять фляжки отваром из верблюжьей колючки — профилактика от гепатита и дизентерии.

У котла орудовал черпаком здоровенный прапорщик. Я знал, что он недавно прибыл и служит в нашем батальоне, зовут Игорем, а какую должность занимает, не знал.

- Игорь, ты чего тут черпаком в котле мешаешь?
- Да вот, бурду варю, всем раздаю.
- Игорек! Ты кто по должности?
- Техник взвода обеспечения, а вообще, «куда пошлют» и «что изволите». Надоело, хуже некуда! Еще по пьянке комбату нагрубил, теперь живым съест.
- Старшина! Возьми черпак, я с человеком одно дело обсудить хочу, пожалуйста!
- Вах! Возьми черпак! Он больше меня, мне делать нечего что лы? Сэржант! Дубино! Разливай чай!
- Игорь! Пойдешь к нам в первую роту взводным ГПВ? Голубева мы домой отпустили, а где замену найти, не знаем. Выручай! В рейд скоро идти некому будет, – сказал я.
- А из АГСа пострелять дашь?
- Настреляешься, хоть завтра стреляй!
- А из ПК и «Утеса»?
- Из всего, что стреляет!
- А в горы их таскать мне придется?
- Игорь! Для тебя это ведь как автомат или пистолет, ты такой здоровый!
- Шахтер потомственный, из Донбасса! Кайло, кувалда, отбойный молоток – все знакомо! Уговорил! Только забери меня быстрее отсюда, ради бога!
- Сейчас же пойду решать вопрос, только извини, как твоя фамилия, а то все Игорь да Игорь.
- Бодунов – моя фамилия, Игорь Владимирович.
- Бодунов от слова «бодаться» или от «бодуна».
- Нет-нет. Я к пьянству не то чтобы равнодушен, но все в меру. (Понятие «мера» впоследствии оказалось у каждого свое.)
- Начальник штаба, зам. по тылу не возражали, комбат сморщил нос, скривился.
- Что, одного пьяницу решили поменять на другого?
- А есть варианты? Есть другие кандидатуры пулеметы таскать на себе? Он, можно сказать, добровольно, с желанием идет.
- Ну, что ж, бери-бери. Потом не жалуйся, на полную катушку будешь получать за него. Забирай, в штабе полка я все утрясу.
- Игорь, бросай черпак, марш в роту, – заорал я, подбегая к полевой кухне.
- Что, все? Так быстро? Я думал: шутка и треп.
- Мужчины шутят всерьез, особенно распоряжаясь чужой жизнью.

— Сержант, бери черпак! Моей жизнью распорядись! Колесо фортуны крутанули в неизвестном направлении. Может, к счастью и удаче.

Полегчало. Из четырех взводов командирами укомплектовали три. Осталось решить вопрос с командиром роты. Не хотелось, чтобы Эдик стал ротным. Злопамятный и недобрый, самовлюбленный человек.

На совещании офицеров батальона нас ошарашили:

— Всем офицерам и прапорщикам перейти на казарменное положение, чтоб за личным составом следили, были ближе к людям. Поставить койки в расположении и спать рядом со своими взводами, — зачитал комбат приказ командира полка. — Новое веяние эпохи. Перестройка! Всем перестраиваться!

— А зачем эта глупость, — заорал командир второй роты, — совсем втоптали в грязь офицеров! За сержантов работаем, везде ответственные, солдат яму копает, рядом — офицер. Ответственные, старшие, надзирающие, проверяющие. Надоело!

— Надоело, пишете рапорт, что вам тяжело с личным составом, и поможем перейти на должность с меньшим объемом работы.

В минометной батарее, второй и третьей ротах офицеры поселились в бытовках, а в нашей бытовке организовали показуху для проверяющих. Жить там не получалось, ключ находился у зам. по тылу батальона.

В итоге Ветишин так и спал на длинном металлическом ящике, сворачивая на день матрас, старшина жил в каптерке, технику и Бодунову поставили койки в расположении, но спать они в казарме отказались. Эдик промолчал, он ночевать уходил то в свою комнату, то к танкистам. Я же надувал резиновый матрас и стелил поверх спальный мешок. Свинство — жить в полку и спать в спальнике. Правда, ночью было прохладно, поэтому в спальном мешке ночью лучше, чем в кровати.

Спустя неделю, получив продукты и воду на взвод, я вылетел на пост. Вертолет взлетел с площадки от штаба армии и забросил нас через ущелье на плоский хребет. Внизу скакали и кричали чумазые солдаты.

— Ура!!! Ура!!!

— Ник, что привез? — закричал радостный Острогин. — Чем обрадуешь, дорогой?

— Привез все, что просили: воду, еду, патроны, мины, — ответил я, улыбаясь. — Сергей, как я рад тебя видеть, морда!

— А уж как я рад!

— Сержка, какова жизнь отшельника? Уже одичал?

— Да, почти. Что в полку нового?

— Дурдом, как всегда. Боевых вообще не предвидится недели две. Как рота тремя взводами действовать будет — ума не приложу. Ободрали батальон, словно липку. Я у тебя отдохну дня три, устал как собака, выпускали агитацию, документацию снова и снова делал и переделывал. Только напишешь, заставляют переделывать, а еще и за батальон пищу. Нет ведь ни замполита, ни «комсомольца» батальона. Эдик бирки в оружкомнате переделывает в третий раз за неделю, представляешь? В третий раз! Старшина газоны перекопал, все, что можно, покрасил: табуретки, кровати, двери. Обои собирается клеить и казарму снаружи красить.

— А что случилось, что такое?

— А-а-а! Ты же не в курсе! Комиссия Министерства Обороны едет, смотреть быт и все остальное, а что именно — никто не знает. Вот все переделываем и обновляем полк.

— Ну, почему опять мы? Почему! Мало что ли войск в сороковой армии?

— Войск-то много, но туда же надо ехать, рисковать, а тут сразу из штаба армии — в войска.

— Точно, и без риска, и кайф на всю катушку — поймешь вояк боевых.

— Инспектирующие, наверное, становятся участниками боевых действий. Ладно, Серега, меня будут иметь через неделю, дай душу отвести, поймешь тебя. Я ведь какой-никакой, а проверяющий! Показывай позиции, район обороны, секторы обстрела, жилье.

Острогин с бойцами за неделю вырыл и построил два блиндажа: в одном — жилое помещение, во втором — столовая, штаб, склад.

Солдаты выложили на каждого по СПСу, капонир миномету, окоп для установки ДШК.

— Сергей, предлагаю проделать ходы к СПСам, а то под огнем не пройти, ну и стенку возвести по периметру из камней, все лишнее укрытие. Сделаем два рубежа обороны.

— Давай, как раз твоих рук рабочих не хватало.

Целый день солдаты прокапывали траншею к своим укрытиям. Мы с Сергеем складывали стену дугой вдоль блиндажей. С одной стороны пост стоял на обрыве глубиной метров тридцать, а вот к югу склон был более пологий и хорошо просматриваемый. Над постом возвышалась небольшая высотка, и хребет делился посередине: одна половина уходила все выше, другая — сходила на ноль к дороге.

— Сергей, как быть с высоткой? Займут, гады, ее и перестреляют всех. Чего там не расположился? Куда смотрел?

— Смотрел туда, куда сказали! А приказ был разместиться именно тут, ну, а выше сядешь — сверху другая высота, а за той — следующая.

Мы сидели, пили чай, думали, что же делать. Сегодня — все нормально, а завтра — вдруг сверху ударят...

— Серый, предлагаю заминировать ее, к черту! У тебя есть две «Мон-50» и пара противопехоток, поставим все там. Да и «сигналки» растянем.

— Хорошо, сейчас начнет смеркаться, я пойду с сапером, и в сумерках все оборудуем.

Ночью сработали «сигналки» сразу в двух местах. Часовые с постов открыли огонь, и все отдохавшие выскочили из блиндажей и, укрывшись за стеной и СПСами, принялись обстреливать округу.

— Миномет! Три мины на вершину, затем три мины по склону. ДШК, огонь по долине! — заорал Острогин, не переставая стрелять в район, откуда летели сигнальные ракеты.

— Сергей! Вызывай артиллерию, пусть «факел» повесят и немного постреляют, попугают, только подальше, а то нас же и накроют.

— Сейчас пугнем!

От дороги раздалось несколько очередей и десяток одиночных выстрелов. По этим огненным точкам вел огонь ДШК и все автоматчики. Попали или нет, но только через полчаса огонь прекратился, бросили стрелять и мы. Артиллерия засветила «факел», как только стало светло, Хафизов заметил в ущелье какое-то движение.

— «Духи»!

— «Духи»! «Духи» с тылу! — заорал Колесников.

— Не ори, гранаты — в ущелье! — рявкнул я.

Штук пять гранат разорвалось внизу, слышались какие-то крики, шум. Но все быстро стихло. Выпущенные осветительные ракеты обзору не помогли, никого не было видно.

— Наверное, ушли, вовремя заметили, — предположил, шмыгая носом, Колесников.

— Я заметил, а ты смотрел неизвестно куда, — возразил Хафизов.

— Хафизов-то без Хайтбаева настоящим воякой становится, — улыбнулся я. — Сергей, так его и наградить уже пора!

— Я ему Бамиан еще долго не прощу. Бросили меня, шкуры трусливые, — возразил Острогин. — Но вообще-то молодец!

— Благодарность заработал, объявляю от своего имени, — закончил я обсуждение трусости солдата в давней истории.

Затихла стрельба, и к нам подбежал минометчик.

— Товарищ старший лейтенант, зацепило пулей, наверное.

— Кого, куда? — вскричал я.

— Меня, зацепило руку возле плеча. Снизу, гады, стреляли и в самом конце попали, когда я миномет разворачивал.

— Вот, черт, зараза! Перевязывайся быстро, сейчас йодом рану обработаю.

Ничего страшного не произошло, зацепило чуть-чуть, но нужно эвакуировать на всякий случай.

Доложили. Обещали утром вертолет.

— Черт, хороший минометчик, жалко остаться без такого солдата, когда еще замену ему пришлют, — вздохнул взводный.

— Сергей! Давай дежурить всю ночь по очереди, на всякий случай.

— Давай. А то уснут, черти, еще вырежут! Не хочется умирать.

Больше «сигналки» не срабатывали, наступила тишина. Может, «духи» пришли прощупать оборону, может, пришедшие приехали из РСов по городу пострелять, а мы на пути оказались.

Рано утром прилетел «Ми-8» и разгрузил еще боеприпасы, воду, забрали раненого, но пришлось лететь и мне. Прямо перед его прилетом начальник штаба батальона вышел на связь и приказал возвращаться.

— Вот тебе и отдохнул, расслабился. Весь выходной строили стену, а ночью стрелял, — огорчился я.

— Если бы не стена, раненый мог быть не один, да и не только раненый, — ответил Сергей. — Придется стенку поднять повыше — защищает при обстреле.

Мы пожали друг другу руки на прощание, и я заскочил в вертолет.

Острогин просидел на посту еще две недели, а затем командование приняло решение разбросать по трем постам вторую роту, а остальных людей вернуть в роты для боевых действий.

В полку комиссию Министерства Обороны сменила комиссия из ГлавПУРа. Перед их приездом весь полк превратился в сплошной агитационный центр. Стенды вдоль дорожек, фотоаллея героев, переделанные ленкомнаты и прочее, прочее, прочее... Уф-ф-ф!

ГлавПУР сменила комиссия генштаба — проверка мобилизационных документов.

Мобилизационных документов в Афгане... Это что-то! Кого мы тут будем мобилизовывать? Но все принялись составлять планы, рисовать на картах схемы, районы сосредоточения, таблицы со всеми степенями готовности.

Затем приехала еще какая-то комиссия, вскоре еще, и они уже работали одновременно.

Командир полка кипел от возмущения и злости, был готов взорваться, а весь гнев выливал на наш первый батальон. А на кого же еще? Танкистов в полку — одна рота, артиллеристов — одна батарея. Все остальные на дорогах вместе с другими батальонами. Разведрота ушла по-

скорей в «зеленку» вместе с разведбатом, чтоб не доставали. Счастливишки. Встали где-то на отшибе Баграма и чай гоняют. А нас тут как «сидоровых коз» все дерут. Проверяющие все умничают и совсем не чувствуют разницы между Таманской дивизией и нашим полком.

Однажды серым январским днем вбежал в канцелярию радостный старшина.

— Взводный новый прибыл.

— Ура!!! — закричали мы в четыре глотки.

— Наконец-то, будет, кому в караул ходить, не только мне одному, — высказался Ветишин.

— Не Недорозий случайно вернулся? — спросил я и посмотрел на хитрую физиономию «ары».

— Нет, но похож.

— Алкаш? — охнул я.

— Нет, тоже спецназовец!

— Ой, — ойкнул Ветишин и уставился на дверь.

В дверном проеме стоял усатый старший лейтенант, в полевой форме, высокого роста, улыбался приятной улыбкой.

— Старший лейтенант Марасканов! Игорь. Прибыл для окончания прохождения службы в ОКСВА.

— В смысле, для окончания? — удивился Эдуард. — Не из Забайкалья ли?

— Нет, из Кандагара из спецназа. Сослан к вам.

— Опять ссыльный! Ну, почему все ссыльные — к нам? С триппером — к нам, с мениском — к нам, с большой головой — к нам, любителей одеколona — к нам. Доколе! — простонал я. — За что сослали?

— За то, что не сошелся с начальником политотдела во взглядах на комсомольскую работу.

— Политический, вах-вах! — заохал и заулыбался старшина.

— Вот это хорошо! Политических я люблю, сам диссидент и вечный оппозиционер, — обрадовался я и принялся жать руку старлею. — Ник Ростовцев, замполит роты, вот взводный Серега Ветишин, ждет тебя в караулы ходить, это зам. командира роты. — При этом Эдик скривил губы. — Исполняет обязанности ротного лейтенант Грымов. Прапорщички обойдутся без представления, познакомятся сами. Еще один взводный — лишенец, ссыльный — на горе сидит, скоро спустится.

— Сколько в Афгане? — поинтересовался Грымов.

— Полтора года!

— Фью... — присвистнули все.

— Ребята, я за прошлый год еще в отпуске не был, завтра убываю, ждите меня к марту.

— Черт! А караулы? Опять я! — завыл Серега.

— Вай! Один, совсем один, когда Острогин вернется? — передразнил старшина.

— Кстати, Сергей, иди готовь караул! — усмехнулся Грымов.

— Игорь, ну почему ты не отгулял отпуск? — воскликнул я.

— Не дали, я был секретарем комитета комсомола, поссорился с руководством — не переизбрали. Пока переводили с места на место — в пехоту, в дивизию, в полк, — год новый начался. Полтора года в Союзе не был!

— Ну что ж, сегодня принимай взвод, а завтра можешь отправляться. Жили без одного взводного и еще поживем, — грустно подытожил разговор Эдуард.

— Игорь, пойдём, буду твоим гидом, — улыбнулся я.

Вечером мы надули два матраса и легли на пол в ленкомнате. Как уже надоела эта не половая, а напольная жизнь!

— Давно так мается? Это какой-то протест? — спросил Игорь.

— Да, в принципе, протест, но о нем никто не знает. В казарме спал пять лет — хватит. Лучше буду упрямо спать на полу, чем позволю себя уравнивать с солдатом. Ветишин спит на сейфе, там еще более неудобно, Бодунов — в канцелярии на столе, техник — в БМП, в десанте. Через неделю рейд — мучиться осталось немного.

Только Марасканов пришел, а на следующий день его как не бывало. Когда Острогин прилетел с горы, то принялся громко возмущаться:

— Полк не узнать, роту не узнать, все раскрашено, все обновлено. Так и заблудиться можно.

— Не заблудишься, у тебя всего три маршрута: караул, столовая, полигон. Действуй! — усмехнулся Грымов. — Товарищ старший лейтенант, только не расслабляйтесь, а сразу за дело. Вся жизнь меняется.

Эдик с Сергеем были приятелями до своего назначения, а тут Грымов сразу начал общаться с ним очень официально. На следующий день Острогин получил от Грымова выговор за подготовку караула, через неделю — строгий выговор за беспорядок во взводе.

— Топчет и топит Сережку, как конкурента, претендента на командование ротой. Эдуард-то лейтенант, — высказал предположение Ветишин.

— Может быть, и так, а мой выговор тоже как конкуренту? За внешний вид! Я ему еще устрою выговор, припомню, когда Сбитнев вернется, — зло ответил я.

— Карьерист! — согласился Ветишин.

— Посмотрим, как он на боевых командовать будет. Там видно будет, какой он ротный, — подытожил я.

— Набить бы морду ему, да и дело с концом! — рявкнул Бодунов.

— Бодунов! Ты как прапорщик сиди на своем месте, помалкивай и не суетись. Будем работать как работали, хамить и грубить не будем,ждемся вестей от Сбитнева, надеюсь, вернется, — закончил я разговор.

Батальон мучили строевыми смотрами пять дней. Все время было что-то не так. Строились, укомплектовывались, расходились, снова строились. Наконец-то вырвались на простор большой дороги. Йя-ха-ха-а-а!

Из полка вышел только наш батальон, немного штабных и разведроты. Поставили нам задачу: вместе с батальоном восемьдесят первого полка прочесать кишлак сразу у входа в Баграмскую «зеленку». Артиллерия дивизии ударила, не съезжая с дороги, мы вошли, «почистили» округу, нашли немного боеприпасов, из кяриза вытащили разобранный ДШК. Забросали все кяризы дымовыми минами. Дымили все колодцы, столбы дыма распространились по ходам сообщений, и вся окрестность под землей превратилась в ад.

Если кто-то из душманов там сидел, то прекратил кашлять, чихать и дышать довольно быстро. Навсегда.

Я сидел у огня, разведенного возле высокой стены в глубине двора. Костров было три: на одном кипела вода, на втором варился суп из курятины, на третьем — плов также с курятиной. Загнанные до смерти куры «умерли от страха» при виде «шурави», как объяснил начальнику штаба батальона капитану Шохину Гурбон Якубов. Сержант Якубов-старший на гражданке работал поваром в ресторане, поэтому умел хорошо готовить, но еще больше любил поесть. Старшим он считался, потому что был крупнее по размерам, а младшим считался другой Якубов — Махмуд, потому что был маленький. Не братья они были, а просто однофамильцы, даже из разных областей.

Якубовы что-то резали, подсыпали в плов и суп, напевали и почти приплясывали вокруг костров.

— Гурбонице! Что ты там подсыпаешь? Отраву?

— Что вы, товарищ лейтенант! Эта спэции, спэции! Понимаете?

— Понимаю! То ты книгу пишешь, а на самом деле донос на нас, то ты гадостью какой-то всех отравить хочешь, а говоришь «специи».

— Шутите или, правда, думаете так на меня?

— Шучу-шучу. Где специи взял?

— Земляк-повар в полку дал, где тут в кишлаке возьмешь?

Гурбон продолжал приплясывать и что-то петь:

— Э-э-э. Тулук-кыс. Аших-пыс.

— Что ты там поешь? Что вижу, о том пою?

— Опять смеетесь! Нет, о девушке пою.

— А-а-а. О девушке, конечно, интереснее, чем о пригоревшем плове.

– Пачиму пригоревшем? Пачиму обижаєте?

– Да вари, вари, шучу. Гурбонище, как тебя в Афган загребли, шеф-повара крупнейшего ресторана Бухары? Откупиться мог?

– Мог! Но хотел посмотреть, как тут люди живут, что такое война.

– Гурбон, ты – второй романтик в роте.

– А кто первый, вы?

– Нет, первый романтик – Свекольников! Я третий.

– Почему?

– Потому, как и ты, доброволец, тоже на людей посмотреть решил. Страну изучить. Путешественники – первооткрыватели!

– А вас послали сюда, да?

– Меня – нет, сам захотел, а в основном офицеров, пожелавших приехать в это пекло нет, почти никого!

– Вот видите, а надо мной все время смеетесь!

– Я не смеюсь, я подшучиваю.

У-у-ф – бабах! Разорвалась мина прямо посреди двора, за ней – вторая, за дувалом – третья.

– Ложись! Всем к стенам, – заорал я. – Раненые есть? Ни раненых, ни убитых не оказалось – повезло.

На крыше интенсивно заработал «Утес». Бодунов сидел за станком и посылал очередь за очередью.

– Игорь! Ты что-нибудь видишь или просто так, для профилактики?

– Вон в тех развалинах вроде дымок какой-то.

– Сейчас я ориентирую минометчиков на них, если еще не удрали.

Я доложил Грымову обстановку и дал координаты, куда ударить. Минометчики «Васильками» обработали квадрат и всю полосу виноградников перед позициями.

Нас очень мало: разведрота да батальон из двух рот плюс отдельные взводы. Задача, конечно, минимальная: потрепать «духов» в кишлаке, если получится, найти склады с оружием и боеприпасами. Совсем обнаглели: прямо из виноградника били по заставе и подожгли три «наливняка» (их обгорелые остовы валялись на обочине дороги), за неделю – три обстрела колонн, а пост каждую ночь обстреливают. Вот ребята и вымолили командование о помощи.

Помочь хочется, только силенок не хватает, очень мало людей, чтоб прочесать всю территорию. Мы вклинились на триста метров от дороги, обстреляли еще метров на двести-триста вперед. Завтра-послезавтра саперы поставят ловушки, заминируем выходы из кяризов и домой. Прочесывая развалины, мы нашли пятьдесят-шестьдесят цинков с патронами к ДШК, несколько выстрелов к гранатомету, несколько мин противопехотных и противотанковых. Сколько-то «духов» погибло в перестрелках и

артобстрелах, сколько-то завалено в подземных ходах и задохнулось. Может быть, на месяц — другой заставе станет полегче.

— Гурбон, как там плов, как шурпа? Готовы? — окликнул я с крыши младшего сержанта, отрывая взгляд от бинокля.

— Плов готов, а шурпа разлилась. Шайтан! Осколком казан пробило и перевернуло все. — Сержант почти плакал. Толстые мясистые щеки подергивались, лицо покраснелось, в глазах стояла тоска. Подвязать фартук, надеть белый колпак — повар-лагманщик.

Игорек настролялся и спустился вниз с криком:

— Эй, бешбармак ходячий, плов готов, лагман сварил?

— Опять обижаете, товарищ прапорщик! Какой бешбармак, вы что меня бараном обозвать хотите?

— Нет-нет! Что ты, Якубов! Я просто неудачно пошутил. Еда готова? Драгоценный ты наш!

— Готова! — расплылся в улыбке Гурбон. — Плов, чай, обед из двух блюд.

— Всего из двух? Я настролял из пулемета на пять блюд. Простую!

— Якубов, у тебя сало в банках есть? Из сухпайка? Если есть, выдели его прапорщику — будет вместо салата!

— А почему мое сало?

— Потому что ты — мусульманин, салом питаться нельзя. Вот и пожертвуй шахтеру из Донбасса.

— Нет, товарищ лейтенант! Сало я и сам съем. Оно в баночке, мелко нарезано: Аллах не поймет, что это такое.

— Ага! Сало кушать из банки — это то же самое, наверное, как водку пить пиалой и наливать из чайника!

— Откуда знаете?

— В ТуркВО год служил. С узбеками и туркменами когда пил, то всегда только таким образом.

— Пожалуйста, кушайте на здоровье, положил самые вкусные куски мяса, самый лучший рис, — улыбаясь широкой доброй улыбкой, приговаривал Гурбон, протягивая насыпанный с горкой плов в широкой тарелке.

Плов был сказочный, прямо таял во рту.

— Ну, Гурбон, не плов, а сказка, настоящий праздник желудку!

— В следующий раз, если барашек будет, приготовлю бешбармак и лагман сделаю, — обрадованно затараторил сержант, продолжая раздавать тарелки с едой солдатам.

— Эх, не повезло нам, Игорь! Если бы не проклятый «духовской» осколок от мины, мы бы еще и шурпы отведали сказочной!

Игорь почесал вздувшийся живот, задумался.

— Ник, пойдучи, постреляю еще немного, нет возражений?

— «Утес» оставь в покое на сегодня, постреляй из ПК, ладно?

— Хорошо, из ПК так из ПК. Зибоев! Сейчас сменю тебя на крыше, готовься к обеду!

Соддат радостно заулыбался и принялся рыться в мешке в поисках кружки и ложки, а Бодунов полез наверх. Вскоре раздались короткие очереди по кишлаку. Из глубины виноградников время от времени кто-то стрелял по нам в ответ.

* * *

Ночь прошла спокойно, а днем — вновь бой. Так пролетела неделя, затем другая. Боезапас сокращался, БМП каждый день расстреливали снаряды и патроны, топливо подходило к концу. Пора бы и выходить к тылам.

Комбат, замполит батальона, зам. по тылу — все сидели на заставе и успокаивали.

А чего успокаивать? Сидя в своем закутке с тремя БМП, наблюдаю каждый день бегающих в развалинах «духов», веду перестрелки, отбиваюсь от обстрелов по ночам. От взвода до взвода расстояние — двести метров, каждый сам за себя. Можно поддержать огнем, но реально помочь в случае ночного штурма — вряд ли.

Игорь целыми днями сидел за «Утесом» и, глядя в прицел, искал цель. Находя, стрелял. Совсем оглушил, черт деятельный. Я забрался на крышу и посмотрел в бинокль по сторонам. Легкая дымка, пасмурно, сыро.

— Игорь, какие успехи сегодня?

— Да кто его знает. Вроде попал в двоих, бежали куда-то, что-то тащили. Вчера я хоть наверняка видел, что автоматчика срезал. А эти сегодня, может, и уползли.

— Растешь на глазах! Из кашевара в снайпера превратился за месяц! За полгода на орден настреляешь!

— С нашим Эдуардом не получится. Он меня почему-то очень невзлюбил, прямо почти ненавидит.

— А ты меньше огрызайся, не груби, он хотя и временно, но ротный.

— Временно! Он себя уже мысленно назначил на должность.

Мимо дувала прошла группа саперов во главе с Шипиловым.

— Игорек! Ты куда идешь? Там же «духи»? — заорал я.

— О, Ник! Привет! Чего орешь? У меня приказ.

— Приказ приказом, а сначала спроси, куда идти.

— Ну, и куда идти прикажешь?

— А никуда, ду́й к нам, чайку попьем, пловом угощу, меня от него уже тошнит. Каждый день на завтрак, обед и ужин. Скоро узбеком стану. Повар отличный, но очень любит плов. Я ему говорю, чтоб сделал что-нибудь другое, а он в ответ: «Но ведь вкусно!». Я ему: «Вкусно». «Тогда ешьте. Будет невкусно — стану делать что-нибудь другое, если продукты будут».

— Повар толстый?

— Толстый. А от жирного плова у него уже щеки трещат.

— Сделай из него шашлык — вот тебе смена блюда, да и продукты искать не надо. Ха-ха-ха.

Все саперы засмеялись и начали заходить к нам во двор, видно было, что обрадовались возможности увильнуть от «зеленки».

— Игорек, повар — очень хороший сержант, поэтому жалко, пусть живет. Слышишь, Гурбон, я дарю тебе жизнь!

— Вах, спасибо, товарищ лейтенант! Всю жизнь готов вас кормить. Приедете в Бухару, я таким пловом угощу! Язык проглотите.

— О-о! Вот видишь, и тут плов, и там плов обещает. Он неисправим. Угощай саперов, покажи чудеса восточного гостеприимства.

— Много не дам, их семь человек, сейчас весь казан опустошат.

— Не жмись, мы с Бодуновым от своей доли отказываемся, лучше айву пожем.

Мы спустились вниз и присели у костра.

— Ник! Когда к девчонкам на ТЗБ (торговую базу) пойдём? Хочу, прямо зубы скрипят.

— Эх, Игорь! В полку целыми днями меня в роте и батальоне так имеют, что скоро забудешь, что сам мужчина. Не женщины ли мы уже? Через КПП не выйти, как выберемся?

— А через позиции зенитно-ракетного полка! От ЗРП идет тропинка, через колючку и паутину проходы сделаны. Я все точно узнал, даже один раз прошел и познакомился с продавщицей в магазине. Она как на мое лицо все в шрамах взглянула, сразу была сражена моим героическим видом.

— Наверное, быстренько магазин заминировал, карту минных полей проглотил и проход известен только тебе?

— Там столько девчонок, там столько этих «ягодок», что у меня мин не хватит. А глаза у всех — жгучие, голодные! Я чуть не сгорел. Обещал на следующий вечер заскочить, а тут боевые действия в этой проклятой долине. Она, ласточка, наверное, все глаза проглядела.

— Ну-ну.

— Ребята, возьмите меня с собой! — облизнулся Бодунов. — Прапорщик компанию не испортит?

— Тезка! Такие, как ты, никакую компанию не испортят. Берем! Только бы из этой дыры выбраться, да из полка улизнуть.

— Замучили проверки, контроль, комиссии, бесконечные совещания, построения. Ей богу, тут лучше. Сам себе хозяин, — согласился я. — Игорь, только ротному ни слова. Он чокнутый, женщин ненавидит, презирует. Большой какой-то.

— Это точно, — зло усмехнулся Шипилов. — Какие ребята великолепные ротой командовали! А этот... Он еще всех вас подставит, не перевариваю его, неприятный тип.

Мы с Бодуновым переглянулись.

— А ты когда свое мнение о нем составил? — удивился я.

— С первого дня, как в полку с ним познакомился. Заносчивый, самовлюбленный и высокомерный. Да и злой к тому же. Спасибо за обед! Отличный ты парень, сержант! Адресок оставь замполиту, после войны обязательно приедем, покушаем твой плов!

— Вот видите, товарищ лейтенант, гостям понравилось.

— Гостей не фаршируют вареным рисом, как утку.

— Как можно так о плове — «вареный рис». Пло-о-ов!

— Плов, плов... Гурбон, если сейчас отправят с саперами прикрытия, от нас пойдешь вместе со мной. Хватит харю наедать у котла, потом в горах треснешь под собственным весом.

Только я это сказал, как на связь вышел комбат. Подорожник был чем-то раздражен, налетел с претензиями, а в конце брюзжания приказал поддержать саперов:

— Вы там сами решите, сколько ловушек поставить и где, главное — быстрее, не задерживайтесь.

Я с грустью посмотрел на своих солдат, они все прислушивались.

— Саперы, радуйтесь! Приказано вам помочь, — молвил я солидным басом. — Что ж поможем, чем сможем. Бодунов, лезь на крышу и наблюдай, если нападут, огонь из всего оружия. ПК мы возьмем с собой. Не жалея патронов «Утеса», скоро уйдем. Гурбон, Зибоев, Якубов-маленький и Васинян — все со мной!

Солдаты нехотя принялись собираться. Патроны, гранаты, «Мухи».

— Зайка!

— Я, — откликнулся сержант.

— Садись в БМП и наблюдай, если что, огнем из пушки прикрой, только аккуратнее. Нас, главное, не зацепи.

Старый знакомый сержант-сапер Аристархов шел первым, затем Шипилов, остальные саперы следом за взводным. Я брел за ними, бойцы следом. Отошли на сто метров вперед и принялись за работу. Сюрпризы, растяжки, «МОН-50», «МОН-100».

— Игорь! Ты почему ротой не командуешь до сих пор? Тебе уже на второй орден послали представление, опыта — на троих!

Шипилов скривился, и все шрамы побагровели.

— Знаешь, замполит, не хочу менять обстановку. В полку мне не вырасти: рота всего одна, только по трупам, сам понимаешь. Мне этого даром не надо. А куда-то ехать не хочу. Да и на ТЗБ мы с тобой еще не побывали. Ха-ха-ха.

«Пах-х!!!» — щелкнул одиночный выстрел, и впереди метрах в пяти упал со стоном сапер.

— Евлохов! Евлохов!!! — заорал Игорь и бросился к солдату.

— Зибоев, огонь по развалинам! Всем, всем — огонь! — крикнул я, и все принялись стрелять по кустарнику и развалинам.

Сзади поддержала огнем БМП, с крыши заработал «Утес», автоматчики, снайперы стали стрелять. «Духи» дали несколько очередей и затихли. Сделали свое черное дело и ушли. Комбат заматерился по радиостанции, пообещал накрыть квадрат, как только уползем.

Бойцы подхватили под руки и за ноги раненого, полуползком принялись отходить за разрушенный дувал.

К нам устремилась БМПшка. Евлохов хрипел, лицо быстро становилось серо-зеленым, на глазах выступили слезы. Игорь разрезал ему гимнастерку на груди, из раны сочилась кровь тонкой струйкой. Такой же тонкой струйкой уходила из солдата жизнь.

— Игореха, возьми мой бинт, подложи под спину. Рана, наверное, сквозная, скорее, а то кровью истечет, перематывай грудь потуже.

Сержант Зайка открыл задний десантный люк, и мы с трудом втащили раненого на сидение, ноги подогнули; сержант, придерживая солдата, захлопнул десант изнутри. Перебегая от кочки к кочке, от куста к кусту, отстреливаясь на ходу, добрались до взвода.

Бодунов уже вколол раненому свой шприц промидола из аптечки и ошалело взглянул на меня.

— Видели стрелявшего гада, нет?

— Нет. Бахнул откуда-то из кустарника и все. По автоматчикам стреляли, которые снайпера прикрывали.

— Я заметил одного, убегал, гаденыш, по арыку, но теперь отбегаюсь. Метров триста-триста пятьдесят пробежал вперед и валяется теперь там. Может, схожу за автоматом? — спросил прапорщик.

— Сходишь, а потом всем батальоном вытаскивать придется. Лезь-ка на крышу и смотри за трупом, они сейчас приползут забирать.

Игорь сорвался с места и через минуту злобно орал с крыши и стрелял из ПК, «духи» изредка «огрызались». Комбат приказал срочно везти раненого к дороге: скоро будет вертолет. Бойцы бросили матрас на

передок БМП, положили сверху Евлохова и, поддерживая его со всех сторон, поехали.

Шипилов махнул на прощание и отвернулся, склонившись над раненым. Минут через пять прилетел вертолет, сел на дороге и быстро улетел в Баграм.

— Если повезет, выживет, — грустно сказал Бодунов.

— Игорь, я видел такую страшную рану у старлея из восьмидесят первого полка. Пуля попала в лоб, а он, как известно, не бронирован. Если бы сразу увезли — был шанс. А так только утром забрали, но он еще трое суток жил. Надо верить и надеяться до последнего момента.

* * *

Фортуна совсем отвернулась от старшего лейтенанта Шипилова. В полку по возвращению из рейда ему стало совсем плохо. Зашевелились осколки в лице, заныли шрамы, неделю Игорь провалялся в медпункте.

Как-то начальник инженерной службы полка послал его старшим машины, на склад за инженерными боеприпасами. Когда «Урал» подъезжал к полку, прямо напротив ТЗБ грузовик взлетел на воздух. Солдату-водителю оторвало руку выше локтя, правую, но он выжил. Шипилова очень тяжело ранило: осколки в голове, шее, спине, разорвана почка, перебит позвоночник. Осколки по всему телу. Три дня мучений — и все.

Эх, Игорь, Игорь... Так и погиб возле заветного магазина, а веселенькая знойная продавщица никогда об этом не узнает.

Взорванный «Урал» притащили в парк, провели расследование. Сначала домыслы пошли, что заезжали в дуканы что-то покупать, а «духи» магнитную мину прицепили. Потом другая версия — выстрелили из гранатомета из-за дувалов.

Все оказалось гораздо грустнее и нелепее. Армейские саперы, мудаки любопытные, вскрыли кассетную мину. Мина новая, экспериментальная — интересно. А она взвелась в боевое положение. Закрыли снова в упаковку и загрузили в машину. Игоря не предупредили, тот, может, и сообразил бы. Ну, а от сотрясения она в дороге и сработала.

Гораздо хуже было бы, взорвись мины на полковом складе. Весь полк могло разнести, ну уж часть полка — это точно.

Жаль, такого парня потеряли, единственный сын у родителей. Оборвался род Шипиловых.

Обстановка в полку совершенно вымотала меня, я был на грани нервного срыва. Сил уже нет совершенно, особенно я опустошен морально. Нервы совсем стали ни к черту. В роте постоянно давит на психику Эдуард, в батальоне комбат придирками извел. От майора Золотарева и проверяющих жизни нет никакой. Замучила дурь вся эта несусветная. Перестройка, перестройка, все в духе нового времени. А на самом деле, все по-старому. «Доложить сколько офицеров и прапорщиков перестроились!»

Мы на боевых действиях, а в Москве прошел пленум ЦК. Возвращаемся, а очередной проверяющий брызгает слюной: «Почему нет материалов на стендах, почему фотографии нового командного состава отсутствуют?» Полный бред.

Старшина в третий раз за полгода переклеивает все обои на стенах казармы, перекрашивает двери и окна. Перед каждой проверкой обновляется документация роты, а после проверки переделывается все опять! И так вновь и вновь.

Однажды рано утром комбат примчался в роту и принялся орать прямо с порога: «Почему территория не убрана, внешний вид наряда зачуханный, замполит роты — не брит?» (Какой кошмар — не брит в 6.30 утра!) Выговор!

Вот это да! Выговор за тельняшку, легкую щетинку на лице и ободренные ботинки. Как я живу, где сплю, конечно, наплевать.

Досталось не только мне, но и Мелещенко. Опять Коля во время зарядки жевал бутерброд и попался на глаза Подорожнику. Василий Иванович с ходу выговор объявил — ответственный по подразделению должен проводить зарядку. А где это сказано? Зарядку должен проводить старшина, он ее и проводит. А Николай просто нарвался на плохое настроение комбата. Третий, получивший выговор, — Ветишин. Сережка слишком поздно выходил утром из женского модуля — не успел спрятаться. А комбат возвращался выпить чашечку кофе к подруге.

Сергея прибежал как ошпаренный, весь красный, руки и губы трясутся.

— Серж, что с тобой? — ужаснулся я.

— Да, Иваныч сказал, что оставит во время следующего рейда в полку начальником караула. Говорит, хорошо обжился, сиди и дальше в полку возле девочек. Что это с ним сегодня? Орал как ненормальный.

— Сергей, он в казармах погром устроил, перевернул половину кроватей и тумбочек. Что было...

— Вон, Луковкин идет, может, он что знает. Юрик! Что с комбатом?

— Да бог его знает, а может, черт. Как с цепи сорвался. Наверное, подруга давно не дает. Пойдемте быстрее на завтрак, через двадцать минут построение офицеров батальона.

В столовой от паршивой еды настроение еще больше ухудшилось. Злая официантка не желала нести завтрак на наши столы.

— Точно, поругался с Наташей, вот и бесится комбат. А она по столовой бегаёт, как злая фурия. Крайние мы. Ну и дела.

* * *

— Товарищ лейтенант, вы способны почистить туфли? — язвительно поинтересовался комбат у меня.

— Способен. Я их сегодня утром чистил, но без крема, потому что крем в комнате, в модуле, а туда уже третьи сутки попасть из казармы не могу. Сплю в роте и из нее никак не выбраться

— Прекратите болтать. Не брит до сих пор, даже после выговора.

— А чего ему бриться, выговор-то уже объявлен, теперь неделю будет так ходить, — съязвил замполит батальона Артюхин.

Ох уж этот Артюхин! Каждый день гонит меня в отпуск, и каждый же день кидает задачи, которые пока не выполню, в отпуск не поеду. Я этому рад, потому что в феврале отпуск — не отдых.

— Будет получать взыскания каждый день, пока карточка не кончится, а как закончится, вкладыш примусь заполнять. И все записи будут одинаковые: «За неопрятный вид». Всем, кто попался мне под горячую руку, выйти из строя!

Мы с Николаем шагнули на два шага, за мной вышел Ветишин и встал рядом, грустно вздохнул, затем к нам пристроился Луковкин.

— Начальник штаба! Всем четверым по выговору, а также Острогину.

— За что? — возмущенно взвизгнул Сергей. — Я сегодня вас вижу в первый раз. Я вас, товарищ майор, со вчерашнего дня не встречал и вы меня тоже. За что выговор?

— Где Ваши носки, товарищ старший лейтенант, а?

— Носки?

— Да, носки, или будете утверждать, что вы их надели, а я слеп? Будем пререкаться?

— Нет, не будем. Просто чистые носки кончились, а личного времени постирать у меня нет. У солдат есть, а у меня, у командира взвода, нет. Я

живу в казарме, там стоит моя койка, все туалетные принадлежности украла, одеколон выпил Недорозий, носки все пропали.

Какая-то скотина последние вчера увела. Щетку зубную и пасту и те сперли. Я вот-вот взорвусь от возмущения, и мне плевать на ваши взыскания, я устал от унижения, устал от уравниловки. Я четыре года спал курсантом в казарме, почему должно это тут продолжаться?

— Всем выговор, Острогину — строгий выговор.

Офицеры загудели в строю, а Сергей вполголоса сказал: «Да пошел ты!» Но начальник штаба крикнул: «Разойдись!» — и заглушил высказывание Острогина.

Я уже закипал и хотел поддержать «бунт на корабле», но не успел.

— Серега, пойдём попьём лимонада, — предложил я. — Нужно немного охладиться, а то взорвемся от избытка отрицательной энергии. В магазин «SI-SI» завезли.

— Пойдем, угощаю, — вздохнул взводный, и мы зашагали к магазину.

— Ребята, ребята, постойте, а я? А меня угостить, я ведь тоже пострадал сегодня, — заорал нам вслед Ветишин.

— Ладно, иди, сегодня хвосты не обрубая. Если после покупки носков останутся деньги, угощу и тебя.

— Парни! Ну почему у ваших родителей такая убогая фантазия? Каждый второй или Серега, или Саша? Это что коллективная мания шестидесятых годов?

— Зато тебя так обозвали, что и не запомнишь, не выговоришь.

— Я — сибирский старовер.

— Понятно, — улынулся Острогин, — это те, которые замороженные в тайге живут.

Я обнял за плечи взводных и воскликнул:

— Иду между двух Сергеев — к удаче!

— Ник, я приглашаю тебя на гадание, хочешь узнать свою судьбу? — предложил Ветишин.

— Глупость, конечно, но я совсем не против, если это будет сопровождаться чаепитием. А кто будет ворожить?

— Ник, гадать и предсказывать будет библиотекарьша.

— Это кто, Наташка? Блондинка крашенная? — удивился Острогин.

— Бада, ту в октябре выслали домой! Ты что не знал? — хмыкнул я.

— Нет. А за что выгнали?

— За невнимательность, увлеченность и самоотдачу!

— Ну, ты загнул, Ник, как это?

— За частую самоотдачу! Девица, если помнишь, была довольно занятая и симпатичная. Аргюхин тогда еще в штабе дивизии служил и оттуда

к нам зачастил, в библиотеке часами просиживал и все вздыхал. О поэзии, о смысле жизни и еще черт знает о чем разговаривали. А чеченец, сержант Коздоев из разведки, был гораздо шустрее Гриши. Помните его?

— Помню, а как же, отменнейшая сволочь!

— Так вот, он подошел к делу гораздо прогматичнее, перевел все на материальную основу — подарил часики и предложил пять тысяч «афшек», на том и сговорились. Видимо, позже проболтался, а может, сам друзьям предложил поучаствовать в «скачках», но только Артюхин что-то пронюхал. Он пришел в читальный зал, а дверь оказалась запертой, но изнутри слышался подозрительный шум. Гриша к Золотареву и Цехмиструку побежал, вызвали начальника клуба, в окошко заглянули, еще раз дверь дернули. В окно ничего не разглядели, открыли замок запасным ключом. Дружной компанией зашли внутрь и чуть было не рухнули в проходе. На столе, задрав ноги, лежала полуголая Наташка, стонущая и пищущая, а потный Коздоев сверху «кочегарит, дровец подбрасывает».

— Гы-гы, — захохотал Острогин. — Представляю физиономию секретаря парткома! Старый анонист, наверное, дар речи потерял!

— Они все онемели. Начальник клуба, Серега, как самый тактичный, тихонько вышел, а остальные остались. Шум страшный, стол трещит и шатается, стучит о стену, увлеклись ребята, никого не замечают! Минуты две так стояли, смотрели: бесплатная порнуха! Цехмиструк покраснел, вспотел, смутился и выбежал на улицу, а замполит и Гриша до окончания процесса наблюдали. Больше всего их взбесило то, что не остановились, не прервались! Все расценили это как обоюдную наглость! Сержант глаза скосил и продолжил, пыхтя, свое дело, а Наталья сделала вид, что ничего не слышит и не видит, и вообще, ее ничто не касается.

— Может, подруга, и правда, вся отдалась любимому занятию и увлеклась, жгучая, видно, была, заводная? — ухмыльнулся Ветишин. — Я ее не застал в полку, наверное, позже приехал.

— Не знаю, не опробовал. Золотарев их согнал со стола, не оценил «шоу». Коздоева, на ходу одевающегося, потащили к начальнику штаба, он его какой-то дальний родственник. Они все меж собой родня. А Наталью в партком. Библиотекарь — работник идеологического фронта!

— Ах-ха-ха! Девчонка на другой фронт приехала! — зашелся хохотом Серж. — Ты-то откуда все знаешь, под столом сидел? В полку вместе в это время были, но я ни ухом, ни рылом?

— Начклуба рассказывал, мы с ним в один день приехали, из одного училища, поэтому приятельствуем.

— В партком, говоришь, повели, гы-гы! — продолжал смеяться Ветишин.

— Серега, не для того повели, о чем ты думаешь, а как с членом партии беседовать. Пришли аморалку, а она заговорила о пылкой и

страстной любви, потребовала даже извинений. Но Коздоев рассказал о деньгах для «героини», и все стало на свои места. Наташке дали двадцать четыре часа на сборы — и с треском в Союз. А характеристику ей Артюхин лично написал, за растоптанные чувства.

— Ой, как неласково и строго, за что так? Полезным делом человек занимался! — произнес Острогин.

— Полезным, очень, если бы не за деньги. А еще лучше с Золотаревым. Если бы просто так с солдатом по согласию, а то за «бабки»! Проституция! Коздоев все в подробностях выложил, что дело было поставлено уже на конвейер, но сорвалось, — закончил я рассказ.

— Сержант — сволочь! И так хорошеньких мордашек почти нет, одни «крокодайлы»! Последних куколок выгоняют! Извращенцы проклятые! Педики! — согласился «летеха».

— Раньше я был постоянным читателем библиотеки, Наташа всегда находилась на боевом посту, а Вальку днем с огнем не найти. Где шатается?

— Ха! Был постоянным читателем библиотеки или библиотекарши?

— Без намеков! Коздоеву на столе я конкуренцию не составлял!

— А на чем?

— Да пошел ты... — выругался я.

— Ну ладно, продолжай! — взмолился Острогин.

— Не составлял нигде, да и «пайсы» — столько не соберешь, тариф большой. Артюхин всех офицеров отшивал, мне намекал, что много читаю, а Мелещенко и Шерстнева открытым текстом на х... послал. Они с Олегом Шерстневым друг друга перед клубом за грудки трясли. А опасность от сержанта исходила: подчиненный Олешки с материальным предложением подошел, «дверочка-щелочка» и открылась безо всякой лирики... Эх! Всего два месяца девчонка продержалась в полку, но гонору поначалу было слишком много, прямо недотрога.

— Хм, еще какая дотрога.

— Продолжай треп, как события развивались, — потребовал Острогин. — Какое взыскание вынес Цехмиструк? По партийной или по половой линии?

— Нет, парткому ничего не обломилось. Вмешался в процесс Иван Грозный. Филатов рявкнул, что не допустит больше борделя в клубе, а то офицеры и солдаты в одной очереди окажутся. Пожадничала Натаха, сгруппировалась, надо на Артюхина было запастись. До сих пор бы с книжек афганскую пыль сдувала. А так, где-то в Центральной России страдает, ее, бедолагу, такой характеристикой в дорогу снабдили, что только по прямому назначению работать. Хрен, куда примут с такой характеристикой и резолюцией: «Выслана из Афганистана за разврат и аморальное поведение».

— Вечно ваши политорганы ни себе, ни людям. Все потому, что органы без органов! Закрутила бы лучше с любым из замполитов полка. Какие орлы-то пропадают! Один «Борман», а другой «Муссолини». Осталась бы тогда служить, работать и подрабатывать, — хмыкнул Острога.

— Эх, любовь... — вздохнул Ветишин.

— А народ, и правда, говорил, что Золотарев был в списке желающих, но что-то обломилось ему. После всей этой истории командир приказал выбрать самую страшную из библиотекарей на пересылке и привезти в полк. Цехмиструк поехал, выбрал. Старше, сказал, не было и смеется, гад. Так и появилась гадалка-ворожея!

— Эта вот старая карга? — воскликнул Острогин.

— Какая старая, какая карга? Ей всего-то лет сорок пять — сорок семь от роду, — засмеялся я. — Выглядит так.

— Сережка! Веди нас на ведьмин шабаш, я согласен. Хоть в вертеп, хоть к черту в пасть! Все надоело! Хочу хотя бы чай попить в компании женщин, — заорал Серж. — На большее не претендую.

* * *

Вечером Острогина загнали в наряд — помощником дежурного по полку, вместо заболевшего Афанасия Александрова. Поэтому с конфетами, купленными Острогиным, пошли пить чай только мы вдвоем с Ветишиным.

Валентина, раскинув карты по столу, что-то бормотала, перекаладывала, перетасовывала. Затем взяла мою руку и принялась рассматривать ладонь. Внимательно посмотрела в глаза и вынесла приговор:

— Парень! Тебе повезло. Очень повезло, у тебя длинная-длинная линия жизни. Жить будешь очень долго, все будет очень хорошо.

— Я останусь жив?

— Судя по всему — да. Только одно беспокоит — тут есть маленькая-маленькая прерывистая черточка на линии жизни. Если в молодости ты избежишь смерти, то жить будешь до девяносто семи лет!

— Избегу смерти в Афгане?

— Да нет, угроза жизни не тут, потом, после войны. Тут тебя даже не цапают. Постарайся выжить после войны. А здесь у тебя не будет и царапины.

В комнате стоял полумрак, на столе горела свеча, и все было очень таинственно и впечатляюще. Четыре женщины хихикали в сторонке и явно посмеивались над нами.

— А почему девяносто семь, а не сто? Почему?

— Потому что, если скажу сто — не поверишь. Круглые даты называть — это ложь. Девяносто лет — это я тебе гарантирую. Главное, бере-

гись в молодости, после войны. Верь мне — это обязательное условие! Я наполовину только хохлушка, а наполовину — настоящая цыганка! Все секреты и тайнства мне известны!

— Да, ты, всем, наверное, по девяносто семь — девяносто восемь лет обещаешь? — усмехнулся Сергей.

Валентина резко взяла ладонь лейтенанта, взглянула и так же резко отвела в сторону.

— Тебе я этого не скажу

Сергей, даже в полумраке было заметно, стал резко бледнеть, руки задрожали.

— Сережа, не дрожи! Тебя не убьют, успокойся. Не убьют! Но линия жизни у тебя не длинная. Вот так-то. Не всем везет. Но и тебя в Афганистане не убьют! Только ранят.

— Ты всем говоришь, наверное, не убьют, а ребят все убивают и убивают! — заорал вдруг Сережка.

— Нет, я в этом случае ничего не говорю, я никогда не вру и не обещаю лишнего, — вздохнула гадалка. — Карты обещают вам успех, удачу, карьеру, звания. Но жизнь у обоих будет не одинаковая по продолжительности. Но оба вернетесь домой! А всех, кого должны были убить — уже убили. Я пока больше ни одной руки с печатью смерти не видела из тех, кто приходил сюда.

— О-ах! И командир полка и замполиты были тут? — удивился я, шумно выдохнув.

— Нет. Тут не были. По пьянке как-то вызвали к себе, и я им гадала и предсказала судьбу. Все трое рыдали от счастья, а потом упились до полусмерти. Я даже испугалась, что ошиблась, умрут от слоновьей дозы спирта. Но обошлось, все живы, как видите.

Валентина говорила и говорила завораживающим голосом, а сама тем временем все раскладывала и раскладывала карты. Собирала, переключала и вновь собирала. Посмотрела на мою голову и продолжала гадание.

— Судя по форме макушки, быть тебе много раз женатым.

— Сколько раз? — удивился я.

— Больше, чем два раза, это точно. Макушка очень запутанная. Ну да, все верно, до девяносто семи лет времени очень много. Ну, вот и все. Пьем чай, больше сказать интересного мне вам нечего.

Быстро проглотив чашку ароматного чая, я задумчиво побрел в казарму. Если ведьма не врет, значит, все будет хорошо...

КОНЕЦ ПЕРВОЙ КНИГИ

ПОЯСНЕНИЯ

Кяризы – разветвленная ирригационная система колодцев для орошения полей

БРДМ – боевая разведывательно-дозорная машина

СПС – стрелково-пулеметное сооружение

«*Утес НСВ*», *ДШК* – крупнокалиберные 12,7 мм пулеметы

«*Ураган*», «*Град*» – реактивные системы залпового огня

«*Крокодил*» – вертолет огневой поддержки «*МИ-24*»

«*Лепестки*» – противопехотные мины в форме листка

«*Зеленые*», «*Сарбосы*» – солдаты афганской армии

МОН-100, *МОН-50* – противопехотные мины направленного действия

АГС – автоматический станковый гранатомет

Подствольник – подствольный гранатомет

«*Итальянка*» – противотанковая мина

«*Охота*» – противопехотная мина

Безоткатка – безоткатное орудие

«*Грачи*» – штурмовики «*СУ-17*»

Ханумка – афганская женщина

Дувал – стена дома или забора

БМП – боевая машина пехоты

Дукан – афганский магазин

Бача – афганский мужчина

БТР – бронетранспортер

«*Муха*» – одноразовый гранатомет РПГ-18, РПГ-22

«*Василек*» – 82-мм автоматический миномет, транспортируемый на автомобиле или МТЛБ

ОТ АВТОРА	3
Глава 1. НА ПОРОГЕ ВОЙНЫ	5
Глава 2. ОБРАЗЦОВО-ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ ПОЛК	17
Глава 3. ПЕРВЫЙ РЕЙД	35
Глава 4. ДЖЕЛАЛАБАДСКАЯ ОПЕРАЦИЯ	55
Глава 5. КОРОВА, ИЛИ ДУРАКА И МОГИЛА НЕ ИСПРАВИТ	70
Глава 6. БАМИАНСКАЯ МЯСОРУБКА	87
Глава 7. ДОРОГА НА БАРАКИБАРАК	113
Глава 8. ПРОКЛЯТЫЕ ЧЕРНЫЕ ГОРЫ	141
Глава 9. ПАРТИЙНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ, ИЛИ МАРАЗМ, ВОЗВЕДЕННЫЙ В СТЕПЕНЬ	171
Глава 10. НОВЫЙ ГОД В ГОРАХ	183
Глава 11. ВЕРИТЬ И НАДЕЯТЬСЯ	205
Глава 12. ПРЕДСКАЗАНИЕ	233
ПОЯСНЕНИЯ	

